

Ирина Зашихина

**ДА НЕ ИССЯКНЕТ
НАДЕЖДА...**

Воронеж
2024

УДК 82-312.6
ББК 84(2=411.2)6-49
3-39

*Издание выпущено при поддержке
Межрегиональной просветительской общественной организации
«Объединение православных ученых»*

Зашихина, И. Г.

3-39 Да не иссякнет надежда... / И. Г. Зашихина. – Воронеж, 2024. – 144 с. – Текст : непосредственный.

Автор откровенно повествует о своей непростой судьбе, словно подтверждая мысль, что в жизни нет непреодолимого. Главное для нас – никого не обвинять в своих бедах, болезнях и трудностях, не жить прошлыми обидами, а с благодарностью принимать каждый день жизни, радуясь добрым встречам с людьми. Господь заботится о каждом человеке, ведя его путями неисповедимыми для пользы души. Надо только довериться ему, любить и надеяться...

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 82-312.6
ББК 84(2=411.2)6-49

© Зашихина И. Г., 2024

© Оформление.

Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2024

КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ ЖИЗНИ – ДАР БОЖИЙ

Обычно люди проживают жизнь, даже не задумываясь, что каждое её мгновение – Дар Божий. И ласковое солнце, заглянувшее в комнату, и светлая улыбка ребенка, и добрые руки старенькой мамочки – Милость Божия к нам. А мы зачастую принимаем всё это, как данность.

Однажды с сестрой во Христе, замечательной поэтессой Наталией Лодеевой мы размышляли о наших детских мечтах. Размышляли и удивлялись их схожести. – Они были о мире на планете и о здравии людей. А еще была мечта о возможности полетов не только во сне, но и наяву. Такая вот крылатая, духовно роднящая...

Господь управил, чтобы мы оказались первыми читателями книги Ирины Зашихиной. Случайности в жизни не случайны... Господь ведёт каждого к определенным встречам и событиям. Но, к сожалению, мы не всегда видим их промыслительность, упуская дарованное нам.

Моя встреча с Ириной и её мамой произошла в Северном медицинском университете. Они были с группой волонтеров Красного Креста. При знакомстве я как-то вовсе не удивилась, что Ирина – магистр права. Коляска, в которой она сидела, существовала как бы в ином мире, а в реальности были распахнутое сердце и сияющие радостью глаза. Ирина потрясла тогда членов нашей делегации Объединения православных ученых своим местом в жизни. – Она ПОМОГАЛА другим.

Эта хрупкая, молодая женщина, передвигающаяся с помощью мамы, излучала внутреннюю силу. В тот момент я еще не до конца осознавала, что эта встреча произведет на мою душу столь глубокое впечатление. Потом пришел Дар общения, а через него – сочувствие и понимание... Ирина искренне рассказывала о труднейших этапах своей жизни, но при этом она не выражала ни гнева, ни обиды на судьбу, на близких и далеких. И тогда у нас с ней родилась идея написания этой книги.

Зачем и для кого эта история, повествующая о её жизни?

Она для каждого из нас, в особенности, для тех, кто сегодня в беде, кто маломобилен и вынужден передвигаться в инвалидной коляске, кто оказался в сложной жизненной ситуации.

Каждому сердцу будет полезно узнать о пути автора, встретившегося с момента рождения с физической болью, прошедшего через страшную операцию, людскую чёрствость, но преодолевшего все невзгоды и нашедшего свое истинное место в жизни. И если поначалу при знакомстве с перипетиями детства Ирины я испытывала к ней острую жалость, то по мере узнавания истории её взросления – возрастало и чувство моего уважения. По мере написания книги мы с Ириной обсуждали варианты ее названия. Первый вариант – С улыбкой через боль – родился после первых глав книги. Тогда лицо очень милой смеющейся девочки на фотографиях врезалось в строки боли и страха, трудно было читать...

И постепенно является Чудо – в этом хрупком, измученном болью теле происходит становление Духа. Потрясает, как упорно Ирина не только шла к поставленным личным целям – образованию, пониманию диагноза, восстановлению своего «биологического домика», но и защищала других обделенных и страдающих.

Казалось бы, что может сделать обычная девушка против беспорядка по отношению к маломобильным людям в такой огромной и могучей организации, как РЖД? Но у Ирины получилось. В свой недавний приезд в Москву я увидела три колясочки, на которых работники вокзала везли людей с ограниченными возможностями, а рядом ехали грузчики с их вещами. Скорее всего, раньше я и не обратила бы на это внимания, но сейчас сердце отозвалось: «И это – трудами Ирины...» Теперь тоже пристально просматриваю каждый подъезд общественных зданий в моем городе на присутствие необходимых пандусов...

Прошло две тысячи лет с тех пор, как Иисус Христос сказал ученикам: «Жатвы много, а Делателей мало». Это обращение Спасителя остается актуальным во все времена. И мне радостно от того, что Ирина – Делатель. Это человек, помогающий людям словом и делом. Самое время и нам, кто физически здоров, задаться вопросом, а помог ли я кому-то в этой жизни?

Слава Богу, если наши добро и любовь согрели чью-то душу, вызволили из уныния и безысходности. Тогда – Жизнь Продолжается не зря...

Вспомним Евангельскую Заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя; делай ему всякое, какое можешь, добро, как

себе самому, не делай и не желай ему никакого зла, как не желаешь зла себе самому».

Словам Господа и вторит эта замечательная книга. История Ирины Зашихиной побуждает стяжать в себе человечность и любовь к ближним, особенно к тем, кто очень нуждается в нашей помощи.

Благодарим тебя, сестра во Христе, Ирина, и принимаем твой Дар – твою книгу, чтобы любовью смягчала она сердца людей, наполняя их верой в человечность, чтобы не иссякала Надежда.

Ирина Ивановна Косинова – доктор геолого-минералогических наук, профессор, Академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, Российской экологической академии, член Правления Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых».

СЛОВО РЕДАКТОРА

Повесть Ирины Зашихиной «Да не иссякнет Надежда...» своей искренностью побуждает задуматься о важнейших вопросах жизни. Достаточно ли мы внимательны к судьбам людей, порою так нуждающихся в нашем участии? Проходим ли мимо чужих страданий, увлеченные круговертью и суетностью дней, или станем соработниками в делах добра и милосердия?

Книга автобиографична. В ней с предельной откровенностью представлен путь автора к её заветным целям, на котором приходится преодолевать не только болезни, но и встречающиеся тернии людского равнодушия и бессердечности. Правда, лейтмотив повести вовсе не в обличении черствости современного общества. Главный посыл книги – в даримой читателю уверенности, что неразрешимых ситуаций нет, и добро всегда побеждает. Если человек, несмотря на все невзгоды, продолжает с любовью относиться к окружающим, сохраняет веру и надежду, то Господь непременно отметит его терпение и усердие счастливыми встречами, надежными друзьями, радостью чайной и нечаянной и поможет в осуществлении самых смелых сокровенных желаний.

Эту книгу, на мой взгляд, непременно стоит прочесть медицинским, педагогическим, социальным и административным работникам, всем, кто в силу профессионального долга априори несёт миссию сердечности и поддержки.

Наталья Анатольевна Лодеева – член Союза писателей России, член Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых», психолог.

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге – откровенный рассказ про историю моей жизни, её горести и радости, промыслительные события и встречи, каждая из которых оставила в моей судьбе особый след.

В своём земном путешествии мы непременно встречаемся с трудностями и препятствиями. Порой кажется, что ты в отчаянном положении, из которого нет выхода. Потому мне и хотелось на примере собственной судьбы показать, что нет неразрешимых ситуаций. Надо суметь принять данную нам Богом жизнь без упреков и идти вперёд, действуя согласно совести, не оглядываясь на прошлое, каким бы болезненным оно ни было.

По определенным причинам лишь моё имя в книге я оставила без псевдонима. Так же поступила и с местами, в которых развиваются события.

Для меня очень важный шаг – поделиться своим путем Преодоления. Возможно, кому-то это поможет превозмочь собственные трудности, болезни, уныние.

Ваша Ирина Зашихина

1. МОЯ ВСТРЕЧА С МИРОМ

Я родилась и выросла в отдаленной северной деревне страны, которая тогда носила имя Советский Союз. До «горбачевской перестройки» в сельской местности всегда была работа. Вот и в нашей деревне проживало много людей, развивалось сельское хозяйство, кипела жизнь.

Мои родители поженились в небольшом городке, где на ту пору работала мама. Раньше после окончания восьмилетней школы молодежь зачастую сразу шла в училища или техникумы, дабы скорее получить специальность. Вот и моя мама имела два образования: маслодел и повар, а отец, следуя детской мечте, стал трактористом. Вскоре они вернулись из городка в родную деревню. Работа для них нашлась тут же. Постепенно уладился и вопрос с жильём. Поначалу им пришлось пожить у маминих родителей, но через год они получили однокомнатную квартиру на втором этаже в двенадцати квартирном деревянном доме. Правда, находчивая соседка с первого этажа сразу уговорила поменяться с ней квартирами. Родители мои согласились, так как она жила в двухкомнатной.

Вскоре в молодой семье родился сын. Моя мама, пробыв в декретном отпуске около года, вновь вышла на работу. Так сложилось, что стала она продавцом, и эта профессия ей пришлась по душе. Она скоро зарекомендовала себя как ответственный работник.

Шло время. Подрастая, сынишка стал просить себе братика, а лучше – сестричку, чтобы было веселее. Маме тоже хотелось именно доченьку. И она со своей родственницей, работавшей фельдшером, даже как-то подсчитывала при помощи «схемы крови», когда может родиться девочка. Наступившая желанная беременность протекала благополучно, даже без токсикоза.

За месяц до моего рождения в квартире родителей неожиданно появились крысы. Удивляло, что никого из соседей по дому они

больше не беспокоили. Крыс было так много, что они попадали в ловушки по нескольку раз в день... После моего появления на свет эта напасть прекратилась...

Мама вспоминала, что периодически в конце беременности у неё стало тянуть живот, но медики успокаивали, мол, положенный срок она доходит. До предполагаемой даты моего рождения оставался месяц...

И вот в пятницу седьмого мая в десятом часу вечера, готовясь ко сну, мама вдруг заметила кровь. Испугавшись, она вызвала фельдшера. Та, осмотрев маму, сообщила, что нужно спешить в роддом!

И тут начались настоящие мытарства. Дело в том, что нашу деревню от райцентра отделяла река, которую летом обычно преодолевали с помощью водного транспорта, а зимой, ввиду отсутствия моста, – через ледовую переправу.

Вот до дежурного катера, чтобы на нем попасть в райцентр, и предстояло преодолеть десять километров. Машины в советское время в деревнях были редкостью. Но главной проблемой оказалось то, что в село, где стоял дежурный катер, вообще невозможно было добраться. Весенний речной разлив захватывал также часть дороги, и проехать по ней можно было только после того, как река вставала в берега.

Единственным выходом было плыть на лодке прямо от нашей деревни. Но на вёсельной далеко не уйти, а моторок тогда, как говорится, «днём с огнём». Чудом всё же нашёлся человек, именно с моторкой, сразу согласившийся отвезти маму в райцентр.

Роды могли начаться в любой момент, поэтому фельдшер, сопровождавшая маму, взяла с собой простыни. В ту ночь, по счастью, при ясной погоде и полной луне, освещавшей водный путь, до райцентра доехали без особых проблем. А вот дальше пришлось подниматься на высокую гору по крутой лестнице и пешком добираться до роддома. По дороге фельдшер тревожно вздохнула, что хоть бы только на смене не было акушерки NN, так как та терпеть не могла ночные роды. Надо отметить, что в то время в сельской местности родовспоможение оказывали именно акушерки, а врачей вызывали крайне редко, лишь при сложных случаях для проведения кесарева сечения.

Вышло, что на пороге роддома маму с фельдшером встретила как раз та самая акушерка, о которой было упомянуто. Она сразу начала вести себя по-хамски, даже не осмотрев поступившую к ней пациентку. Маме было грубо брошено, что непонятно, кого она родит. Продолжая грубить, акушерка провела осмотр и неожиданно, после того как отошли воды, сделала сразу три укола, не согласовав своих действий с пациенткой. Когда мама задала вопрос, зачем это произведено, то в ответ услышала, мол, чтобы скорее родить.

После уколов сразу начался родовой процесс, оказавшийся стремительным. Я родилась восьмого мая в два часа ночи. Мама рассказывала, что при появлении на свет я не сразу заплакала. Акушерка грубо сказала: «Жить тут некому. Ребенок рожден очень маленький, всего «девятьсот грамм вместе с пеленками»». Ответом на слёзы мамочки была другая жестокая фраза: «Нечего реветь. Молодая, снова родишь». Она бросила на живот маме лёд и ушла, унося меня, даже не показав.

Тогда в том роддоме не было ни инкубатора для недоношенных деток, ни средств для реанимации. Педиатр осматривал новорожденных только в дневное рабочее время. Потому после рождения никакой специальной вспомогательной помощи мне оказано не было, кроме того, что в течение суток давали 5% глюкозу через бутылочку для кормления детишек, так как у меня глотательный рефлекс не отсутствовал. Заметив, что я постоянно плачу от голода, меня начали приносить маме на кормление. При этом моя жизнь по-прежнему находилась в опасности. Маме было сказано, что, если я переживу трое, семь, девять суток после рождения, то шанс выжить есть. К тому же выяснилось, что акушерка, принявшая роды, солгала насчет моего веса. Он был «не девятьсот грамм вместе с пеленками», а полтора килограмма.

Из роддома нас с мамой выписали через три недели. Мой вес был уже два килограмма сто тридцать граммов. Далее я развивалась, как положено обычному ребенку. Отставаний или тревожных особенностей не наблюдалось. Я была эмоционально уравновешенной, достаточно активной, реагировала на игрушки. Фельдшеры наблюдали за развитием, внося все данные в медкарту.

Среди самых ранних воспоминаний я отчетливо помню, как, например, лежу в детской кроватке синего цвета, а передо мной висят яркие погремушки в виде шариков. Или такое воспоминание: я лежу на полу на животе на розовом одеяле и пытаюсь рукой дотянуться до игрушки-мишки.

Моим первым было слово «дядя». Его я произнесла в семимесячном возрасте. Так что отклонений в интеллектуальном развитии на наблюдалось. Но...

Но когда подошел возраст, согласно которому ребеночку пора проявлять большую физическую активность, начинать ползать, пытаться садиться, когда его потихоньку ставят на ножки, со мной начались проблемы. Мама забеспокоилась, так как я не ползала, а пробуя сидеть, заваливалась на бок. Когда же меня пытались учить ходить, то ноги подкашивались. Я вставала не на полную стопу, а на кончики пальцев, как балерина.

На тревожные вопросы насчет этих отклонений фельдшер отвечала, что нет ничего страшного, что недоношенные детки зачастую отстают в развитии и только к трем годам догоняют сверстников, родившихся девятимесячными.

К году моей жизни ситуация не изменилась. Родители обратились за консультацией к районному врачу-хирургу. Осмотрев меня, тот поставил под вопросом «детский церебральный паралич» (ДЦП). Для уточнения диагноза маме было выдано направление в областную детскую больницу. Там предполагаемый диагноз был подтвержден. Детский невролог так и записала в моей медицинской карте – ДЦП. Для мамы этот диагноз был совершенно незнаком и непонятен. Она задавала врачу множество вопросов. Особенно её тревожило, стану ли я ходить. Врач дала надежду, сказав, что раз динамика развития положительная, а интеллект не поврежден, то к трем годам скорее всего начну ходить.

Та же невролог предположила, что ДЦП у меня развился по причине прививки, сделанной мне – недоношенному младенцу – в роддоме перед выпиской. Мало того, и все обычные для доношенных детей плановые прививки были сделаны мне также до годовалого возраста. Это также могло спровоцировать повреждение центральной-нервной системы. Поэтому врач дала медицинский отвод от последующих плановых вакцинаций.

2. СЕРАЯ БУМАГА И СТЕКЛЯННЫЕ ШПРИЦЫ

Жили мы в то время по-прежнему в двенадцатиквартирном доме, где в зимний период толку от печного отопления было недостаточно. Случалось, что за ночь даже замерзала вода в чайнике.

Жилье в деревне находилось в ведомстве совхоза. Его директор на просьбы родителей о предоставлении нашей семье другой квартиры отвечал отказом, объясняя, что жилплощади могут понадобиться для неких специалистов, которые собираются прибыть на работу в совхоз. Но когда этот директор однажды уехал на учебу, его заместитель принял решение всё же дать нам новое жильё. И стали мы жить в трехквартирном доме. Благодаря перегородке, поставленной отцом, квартира из двухкомнатной превратилась в трехкомнатную.

Дом наш стоял на высокой горе, обнимаемой речкой. Летом в ней купались и загорали на белом песчаном берегу как местные жители, так и приезжие. С высоты был виден луг с пасущимися стадами совхозных коров, можно было также наблюдать, как ставится при помощи техники сенокос.

Непростыми временами для нашей деревни были вёсны и зимы. В половодье река, выходя из берегов, укрывала собой часть дороги, что делало невозможным попасть в поселок, откуда шла речная переправа до райцентра. Зимой река хоть и замерзала, но автомобильное движение по ней запрещалось. Вот до райцентра и приходилось идти по замершей реке пешком в любой мороз.

Вскоре после того, как областным детским неврологом мне был поставлен диагноз, мы с мамой поехали на лечение в стационар детской областной больницы. Мама ещё в приемном покое сразу сказала медикам, что, если ей не разрешат находиться с ребенком в отделении, она им меня не отдаст. Маме пошли навстречу, но с условием, что на ночь она будет покидать больницу. Потому она ночевала у знакомых.

Я мало что помню из того периода жизни. Ну, вот разве что только как проснулась, а в палате мамы нет. Всё вокруг чужое. Я заплакала. Больше ничего не помню. А вот мама рассказывала, что как-то она отлучилась в магазин купить себе тапочки и косынку, так как в больнице это было необходимо. Когда вернулась в па-

лату, была шокирована, увидев меня спящей в кроватке, переодетой в какие-то ползунки непонятного цвета. Так проспала я целый день и ночь, когда мама покидала больницу. Придя на следующий день, мама вновь обнаружила, что я не просыпалась. Выяснилось для того, чтобы я не плакала, медсестра поставила мне укол со снотворным.

По своим ранним детским воспоминаниям, хотя они и фрагментарные, могу отметить, что в то время медсестры были при врачах и родителях маленьких пациентов весьма любезными, а, оставаясь вечером с детьми один на один, зачастую вели себя довольно грубо.

Любой ребенок боится уколов. Я – не исключение. На всю жизнь запомнила шуршание серой бумаги и звук стеклянного шприца, а также когда тебе держат руки, ноги, ставя больной укол, либо таким же способом заставляют выпить таблетки, зажимая нос, чтобы открылся рот. Со временем привыкаешь, смиряешься и начинаешь без слез и сопротивления пить таблетки и переносить уколы. При возвращении домой эти процедуры по предписанию врачей у меня продолжались.

Правда, есть и приятное воспоминание о пребывании в больнице. Мне было около двух лет. Помню двух девочек-школьниц, которые играли со мной, унося меня к себе в палату. С ними было весело и даже не страшно, когда мама уходила. По её рассказам, придя утром в отделение и не увидев меня в палате, она точно знала, где меня искать. Те девочки просили разрешить переставить к ним мою кровать, но это не позволили сделать.

Лечение продолжалось и дома: уколы, таблетки. Меня привязывали к доске, которую врачи порекомендовали прибить к стене. Это было невыносимо стоять вот так недвижимо по стойке смирно с привязанным туловищем и ногами. Плакала от обиды, от боли в ногах, на которые обувались тяжелые специальные ортопедические ботинки. Мне пододвигали небольшой столик, чтобы я стояла играла с игрушками. Но какие могли быть игры, когда ты вот так привязан?

3. ТЕРАПИЯ ИГЛОУКАЛЫВАНИЕМ И ВСТРЕЧА С УКОЛАМИ БЕЗДУШИЯ

Мне исполнилось три года, но самостоятельно ходить я так и не начала, хоть детский невролог и успокаивала родителей, мол, динамика развития положительная, и ребенок должен пойти.

Свои первые шаги я делала лишь при поддержке. Они давались с большим трудом по двум причинам. Во-первых, тяжеленные, громоздкие ортопедические ботинки, стиравшие ноги в кровь. Во-вторых, заплетались ноги, не было достаточной амплитуды их развода (в дальнейшем это привело к необходимости хирургического вмешательства). Мои спинные мышцы были слабы и не держали позвоночник, потому я могла сидеть только в подушках, не позволяющих заваливаться на бок.

В нашей деревне жила пожилая безграмотная женщина. Она обращалась к моей маме с просьбой прочесть пришедшие письма от сестры и написать ей ответные. Когда однажды её сестра приехала, она также пообщалась и с мамой. Вернувшись в город, где проживала, эта женщина написала письмо, приглашая нас в гости, чтобы попробовать полечить меня иглоукалыванием. Оказалось, она нашла хорошего врача и даже договорилась о проведении курса лечения. Пожить предлагала прямо у неё.

На то время мне уже было четыре года. Вот мы с мамой и полетели самолетом к новой знакомой в сторону Южного Урала. Нас сопровождал её младший брат, чья деловая поездка совпала с нашим путешествием.

Нас встретил чистый, зеленый город, с настолько широкими проспектами, что люди порой не успевали их перейти за время, выделенное зеленым светом светофора. Им приходилось останавливаться на середине пешеходного перехода, «на острове», и переждать.

Местная архитектура зданий чем-то напоминала восточные сказки. Встречались и памятники, рядом с которыми взрослый человек ощущал себя попавшим в страну великанов. Воздух освежали брызги многочисленных фонтанов.

Шёл 1986 год. Всё чаще звучало слово «дефицит». В городе, где мы находились, не было особенных проблем со снабжением, но уже имелись категории товаров, которые приобрести становилось проблематично. Потому за мое лечение можно было платить не только деньгами, но также дефицитными вещами или продуктами.

Наступил день, когда мы с мамой и женщиной, пригласившей нас на лечение, поехали на первый сеанс иглоукалывания. Помню холл, где у одного кабинета собралось немало родителей с детьми. Я сидела у мамы на коленях, дрожа от страха перед неизвестностью, ожидающей за дверью. Очередь приема пациентов не соблюдалась. Кто успевал протиснуться в кабинет, тот и попадал на сеанс.

Наконец всё же и мы с мамой оказались в этом кабинете. В нём было несколько кабинок, разделенных занавесками. Мама со мною прошла в одну из них и села на кушетку, посадив меня к себе на колени. Вскоре к нам подошёл врач. Помню, что был он среднего роста и весьма крепкого телосложения. С первой секунды он почему-то начал вести себя грубо. Без какого-либо предупреждения схватил мою левую руку и резко разогнул ее в локте. Я заплакала. Не обращая на это внимания, врач с силой разжал мою левую кисть, которая в то время всегда была в кулачке, и резко развернул её ладонью вверх. Поставив в эту ладошку иголки, он ушел.

Я плакала всё сильнее. Боль в руке становилась невыносимой. Кисть хотелось снова сжать в кулак, но мама этого не позволяла. Иглы торчали из ладони, и надо было терпеть. При этом любое прикосновение даже к пальцам отзывалось пронзительной болью во всем теле. (Через много лет я узнала, что у меня есть подвывих большого пальца левой руки, который напоминает мне о себе по сей день. Этот подвывих мог сделать тот врач).

Плакали и другие пациенты. Помню даже крик мальчика лет десяти. Его мать была от происшедшего в шоке. Она намеревалась вернуться домой через Москву, чтобы написать жалобу.

Первый сеанс иглоукалывания завершился быстро. Из-за моего плача врач быстро извлек иглы и выгнал нас с мамой, сказав, что нам тут больше нечего делать.

Наша знакомая, договорившаяся о лечении, была недовольна моим поведением. Она упрекнула, что нужно терпеть, раз приехали в такую даль.

Вечером того же дня я дала маме обещание: если удастся договориться с врачом, и он согласится продолжить процедуры, я буду их переносить молча. На следующий день наша хозяйка, взяв в качестве подарка гречневую крупу, с утра пораньше поехала примириться с врачом. Они договорились.

Слово, данное маме, я сдержала, и, несмотря на терзавший меня безумный страх, все последующие сеансы вытерпела без плача. Каждый раз во время процедуры я изо всех сил пыталась расслабить левую руку, чтобы не было так больно в момент её разгибания врачом. Но страх делал свое дело. Мышцы напрягались, что приводило к новой острой боли.

Пройдя курс иглоукалывания, я действительно вскоре начала сидеть, не заваливаясь на бок даже на обычном стуле. Только была необходима опора спине. Позже стала играть в песочнице, сидя на коленях. То есть положительная динамика была на лицо, и требовался новый курс иглоукалывания, только ехать именно к данному врачу не хотелось ни мне, ни маме.

Через некоторое время маме вновь пришло письмо от той знакомой. Она нашла другого рефлексотерапевта. Им оказался военный врач, работавший после ранения. Мы снова полетели к ней. Воспоминания о первом докторе заставляли меня бояться и встречи с новым. Помню, сижу у мамы на коленях. Навстречу нам идет по коридору прихрамывая высокий, стройный человек. Я смотрю на него и думаю, что, видимо, это – добрый доктор. У него тоже ножка болит. Если бы он стал моим врачом, то понял и не обидел бы меня.

Мужчина зашел в кабинет, куда вскоре пригласили и нас с мамой. Кроме доктора в помещении присутствовали также и студенты-медики. Врач любезно предложил маме присесть со мной на стул, стоявший у стола. В общих чертах история моего преды-

дущего лечения иглотерапией ему уже была известна, но он попросил маму подробно рассказать обо всём произошедшем. При этом он обратился к студентам-медикам, чтобы те внимательно выслушали и осознали, каким человеком нельзя быть, когда выбираешь профессию врача.

Потом он поставил мне иголки, сумев отвлечь так, что страшно не оказалось, да и боли особой тоже не почувствовалось.

Помню, как доктор заходил в кабину, где я лежала на кушетке, показывал иголки, сделанные из золота. Ставил он не более двух иголок, чаще в какие-то зоны на голове. Чтобы я не пугалась и доверяла ему, он всё время разговаривал со мной. Однажды попросил подать левую руку, а я подала правую. Врач улыбнулся и сказал, что я уже большая девочка, но, видимо, нам снова придется учить, где левая рука, а где правая.

После проведения первого сеанса доктор предложил маме написать жалобу в Москву в Министерство здравоохранения на действия предыдущего врача, чтобы тот получил заслуженное наказание и не причинял вред другим пациентам. Мама написала и отправила не почтой, а тоже с каким-то врачом, который должен был ехать в столицу.

Вернувшись со мной домой после курса лечения, мама вскоре получила письмо из Москвы. Из Министерства здравоохранения сообщалось, что жалоба не может быть рассмотрена, поскольку раньше якобы от имени мамы тому «злому» врачу была написана благодарность. Мама была в шоке. Она не понимала, откуда появилась благодарность, если писалась жалоба. Выяснилось, что это дело рук женщины, у которой мы жили при моём лечении. Её поступок было не понять, так как она прекрасно знала и видела своими глазами, как я страдала от бессердечности того врача. Почему же она решилась написать ложную благодарность, зная, что мама написала жалобу?

После второго курса иглотерапии я уже начала дома самостоятельно слезать с дивана на пол, пыталась ползать по полу, подтягивая тело, затем научилась самостоятельно садиться на колени. Но позвоночник по-прежнему был слабым. Мышцы спины не позволяли сидеть с прямой спиной, поэтому я всегда сидела с опорой.

На лечении я побывала четыре раза. Оно продолжалось иглоукальванием и серебряными шариками, которые прикреплялись лейкопластырем на определенные точки. Продолжал меня лечить тот самый добрый доктор. Благодаря грамотно подобранному курсу процедур мне становилось лучше. Я начала пытаться стоять у дивана, потихоньку слезала на его край.

Стоять у дивана мне очень нравилось, хотя и было страшно. Дело в том, что меня всегда качало. Я поступала так: вставала спиной к дивану, а когда сильно начинало качать, присаживалась на его кромку и сама пыталась себя подтянуть без посторонней помощи.

Вскоре я стала даже, садясь на колени, не только играть в песочнице, но и перебирать картофель, который всегда привозили по осени к дому, и его нужно было рассортировать. Также в пять лет начала гладить мелкое белье. Но однажды раскаленный утюг свалился мне на ногу и сильно обжёг правое бедро. Отпечаток его подошвы остался навсегда.

Летать на лечение в далёкий город было дорого. Маме посоветовали обратиться к врачу, который начал практиковать иглоукальвание в местном санатории. Мы начали ездить туда. Методика лечения оказалась иной. Если прежде врач ставил одну-две иголки, то тут доходило до двадцати по всему телу. Провели пару курсов лечения, но положительной динамики, которая наблюдалась после лечения на Южном Урале, не последовало.

4. ОПЕРАЦИЯ

Время шло... Врачи-ортопеды детской областной больницы продолжали настаивать на необходимости проведения операции по подрезанию сухожилий на моих ногах, чтобы я не просто стояла на пальчиках, а могла опускаться на всю ступню и дабы увеличить градус при разводе ног. На тот период мне было шесть лет, но я уже тогда хорошо понимала, о чем врачи беседуют с моей мамой. Я просила её не соглашаться на операцию. Все разговоры на эту тему доводили до слёз. Говорила, что мне лучше. Мол, я же двигаюсь, пытаюсь какие-то вещи делать сама, но мама склонялась на сторону докторов.

Наступил февраль. Мы с мамой поехали в областную больницу, где меня положили в детское ортопедическое отделение. Перед отъездом мама не сказала, что едем на операцию, и на вопрос, что там со мной будут делать, ответила, что проведут очередное наблюдение за здоровьем. Конечно, у меня закрались сомнения в правдивости такого пояснения.

Как обычно, днём мама находилась в отделении со мной. Она мыла больничные полы. На ночь ей вновь приходилось уходить к знакомым.

В то время в больнице я увидела многих детей с различными патологиями, которые устраняли при помощи хирургического вмешательства. Я смотрела на этих ребят молча, как-то понимая, что некрасиво спрашивать, почему у девочки или мальчика есть тот или иной дефект.

На ту пору у меня взяли множество различных анализов. А потом наступил вечер, когда мне показалось странным, почему незадолго до сна мне помыли ноги, полностью их забинтовав. Всем детям перед сном дали молоко или кефир, а мне – нет.

Пришедшая погасить перед сном свет медсестра внезапно повесила на мою кровать табличку... Тогда я только училась читать, и не все слова были понятны, но я знала, что означают подобные таблички, видела, как их вешали на кровать детей, кому назначена операция. Всю ночь меня знобило от страха, и я не смыкала глаз. Всё думала, как утром убедить маму, чтобы она не разрешила меня резать... Ведь и без операции я уже многое могла самостоятельно делать, даже стоять у дивана... Но моим надеждам не суждено было сбыться.

Мама, как обычно, пришла в больницу рано утром и просто не стала меня слушать. У меня от страха и досады лились слезы. Вскоре появились медики, чтобы отвезти меня в операционную. Мама взяла меня на руки и переложила на каталку. Я со всей силой обхватила её за шею, прося не позволять меня оперировать. Моё рыдание усиливалось с каждой секундой. Маме удалось расцепить мои руки, и меня повезли из палаты. Я ухватилась правой рукой за карман мамино халата, но это не помогло.

Привезя в операционную, меня переложили с каталки на высокий операционный стол. Я сразу стала пытаться с него слезть, не

страшась упасть вниз. Было все равно, лишь бы не оставаться на этом столе. Но мне на ноги тут же положили что-то очень тяжелое, и шевелить ими стало невозможно. Я рыдала без остановки, прося меня отпустить.

В операционную вошла женщина, молча взяла мою правую руку и, отведя её в сторону, привязала. В вену ввела иглу. Я и её просила меня отпустить, мол, мне совсем не нужна операция, что все взрослые просто ошибаются, но она также молча просто вышла.

Из-за рыданий я сорвала голос, потому, лежа в операционной, просто всхлипывала и дрожала от озноба. Стала рассматривать помещение, где находилась. Стены были покрыты белым сверкающим чистотой кафелем, удивили большие зеркала на них. Через несколько минут пришел пожилой, совершенно седой мужчина. Он начал гладить меня по голове и уговаривал успокоиться, обещая, что я сейчас усну, и мне совсем не будет больно. Последнее, что помню, – маску над своим лицом...

Первое воспоминание после того, как очнулась: я пыталась открыть глаза, но ничего не получалось. Веки были тяжелыми. Издалека слышался голос мамы. Она о чем-то спрашивала, но её слова вызывали сильнейшую боль в моей голове. Я даже выругалась. Неожиданно услышала смех в палате. Наконец открыла глаза, но перед собой видела лишь смутные, темные силуэты... Ужасно хотелось пить. Мама смачивала мои губы. Сознание временами словно проваливалось в бездну, а затем я вновь возвращалась...

Ещё помню, как мама кормила меня холодной творожной запеканкой. Не могу сказать, сколько раз проваливалась в небытие... Окончательно пришла в себя ночью. Открыла глаза. – Все спали, свет был погашен, только уличный фонарь освещал палату. В голове гудело. Ноги ныли. Спина сильно болела. Очень хотелось поменять положение тела, но сделать это было невозможно. Поначалу я не могла понять, что со мной произошло, но потом вспомнила.

Приподняла одею, и меня охватил ужас: начиная со стоп, ноги были полностью загипсованы. Между ними находилась гипсовая

массивная палка-распорка. На ногах были швы, прикрытые марлей, которая пропиталась кровью (как я потом узнала, на каждой ноге было по три шва). За всю ночь дежурная медсестра ни разу не зашла в палату, чтобы проведать меня после операции. И так дело обстояло не только со мной. По ночам медсестры крайне редко заходили в палаты, лишь когда их звали. Но ведь не каждый ребёнок был в состоянии дойти до медпоста...

В таком положении – неподвижно лёжа на спине с гипсом на ногах и палкой-распоркой – я провела полтора месяца. Первое время было невероятно сложно. Просыпаясь, страшно хотелось изменить положение тела. Спина изнывала от усталости, но пошевелиться было невозможно. Потом уже простой поворот головы влево или вправо давал облегчение мышцам спины.

Так как гипс на ногах совершенно не позволял присесть, чтобы спина могла отдохнуть, мама брала меня на руки и носила по коридору отделении. Однажды со мною на руках она остановилась недалеко от двери кабинета, где с детьми занимались по школьной программе. Оттуда вышла пожилая женщина. Я улыбнулась ей, и она, закрыв дверь кабинета на ключ, с приветливым выражением лица подошла к нам. Так мы и познакомились.

Это была учительница младших классов. Когда мама ей рассказала, что мне скоро в школу, и что я уже учусь писать слова печатными буквами, умею считать до ста и обратно, то вскоре, придя навестить меня в палату, эта учительница принесла мне в подарок математическую книжку в картинках. Она увлекла меня красочными иллюстрациями и интересными заданиями. До сих пор я бережно храню эту книжечку, потому что с ней связаны теплые воспоминания о добром человеке.

Когда гипс был снят, на мои ноги было страшно смотреть. За полтора месяца они похудели настолько, что кожа буквально обтягивала кости. Снятый гипс передали в ортопедическую мастерскую, чтобы по слепкам сделали тьютора (тьютор – ортопедический аппарат для обеспечения неподвижности сустава или для фиксации конечностей).

При выписке из больницы, маме отдали гипс, снятый с моих ног. Врач-ортопед пояснила, что его необходимо надевать по ночам, пока мне делают тьютора. Чтобы гипс плотно обжимал, ноги,

его положено обматывать бинтом, а также прикреплять шину-распорку. Повторялась больничная история. Спать необходимо было как прежде – на спине. Мама так и делала, но вскоре по ночам я начала сильно плакать. Боль была ужасной, ноги немели, не давая спать. Причиной тому был вовсе не мой каприз, как считала ортопед, а то, что после снятия гипса ноги пополнели, стопы стали расти, и гипсовый слепок оказался мал. В итоге мама просто перестала мучить меня данной процедурой.

Через полгода сделали тьютора, которые нужно было надевать на ноги на день. Эти аппараты были неподъемными. Они имели железную конструкцию с рычагами, которые необходимо было переводить в определенное положение, чтобы согнуть ноги и иметь возможность присесть. Шнуровка тьюторов шла по длине ног. Это был очередной мой кошмар. За прошедшие шесть месяцев я подросла, поэтому тьютора оказались малы, ноги в них едва помещались и быстро начинали неметь.

Вернувшись после операции домой, я была малоактивной – болели швы. Постепенно все зажило. Я по-прежнему пыталась ползать по полу, сгибать ноги и садиться на колени. Но самостоятельно встать у дивана, как прежде, у меня не получалось. Тут же падала.

Через небольшой период времени заметила – стало больно сгибать ноги, чтобы сесть на колени, но я упорно продолжала садиться. Неожиданно наступил день, когда хотела подогнуть ногу, но мышцы не слушались... Стала подтягивать её рукой и почувствовала пронзительную боль в икроножных мышцах и мышцах бедра обеих ног. Эта боль вскоре ушла, и я смогла согнуть ногу полностью. И вот, с того времени мышцы ног слушались все хуже и хуже...

Через полтора года после той операции случился день, когда я, преодолевая сильнейшую мышечную боль, подогнула к себе ноги рукой, но вот сесть на колени уже не смогла. Боль в икроножных мышцах и в швах была столь жгучей, что вызывала холодный пот и звон в ушах.

Операция привела к тому, что мною была утрачена возможность учиться вставать у дивана, а постепенно нарастающие боли в мыш-

цах ног не давали больше садиться на коленки. Правда, после операции я смогла встать вместо пальцев на всю стопу, но вскоре стопы начали разворачиваться, напоминая плавники моржа.

5. ЕВПАТОРИЙСКИЙ САНАТОРИЙ

В том же году, когда мне провели ортопедическую операцию, мама от работы получила путевку «Мать и дитя» в санаторий Евпатории. Нас поселили в двухэтажном историческом доме, где проживал, приезжая на отдых, писатель Александр Николаевич Островский. Рядом находилось современное двухэтажное здание из белого кирпича, где для отдыхающих размещались столовая и зал для проведения концертов, вечеров отдыха и показа кинофильмов. Что касается зданий для лечебных процедур, то они находились далеко от места нашего проживания. К примеру, на грязелечение за город нас рано утром отвозил автобус.

В столовой я ела сама без помощи мамы, потому мы не всегда успевали позавтракать, чтобы успеть на процедуры. В грязелечебнице оказалась проблема с душевой. Там мне приходилось стоять, держась за маму, чтобы она смывала с меня липкую черную грязь. Это было не очень удобно.

Лечебница, где проводился ручной массаж, гидромассаж и жемчужные ванны, находилась в самом городе, и мы ходили туда пешком. Помню, как в этом здании было красиво: большие окна, все в зелени. Мне был назначен гидромассаж для снижения повышенного тонуса в конечностях.

Классический (ручной) массаж для тела мне впервые прописали именно в санатории. До той поры лечение в нашей областной детской больнице заключалось только в прикладывании озокерита к рукам и ногам, уколам витаминов группы В (В1, В6, В12) и уколам Церебролизина, а также курсу таблеток Мидокалм. Такое же лечение назначалось и при выписке домой. Положительной динамики от таких мер не происходило.

Почти все свободное время после лечебных процедур мы с мамой проводили на пляже у Черного моря. Неподалеку шла бойкая курортная уличная торговля. Мама купила мне надувной круг, чтобы мне можно было плавать недалеко от берега.

В тихий час мы не спали, а гуляли по городу, постепенно знакомясь с ним. «Доступной среды» в Евпатории на ту пору не было, но если требовалась помощь, то её оказывали прохожие, поднимая или спуская по лестнице мою детскую прогулочную коляску. Мы с мамой видели, как многие фотографируются с экзотическими животными. Вот и мы сделали фото с обезьянкой по имени Чичи.

Нам, северянам, привыкшим к скоротечному лету с его белыми ночами, была непривычной ласка южного солнца, и то, что вечерами на улице быстро темнеет. Удивляло, что с приходом темноты становилось прохладно, потому требовалось носить с собой и теплую кофточку. Высокое небо и солнце, стоящее в зените, также отличались от наших северных, когда кажется – протяни руку, и дотронешься до облаков...

6. «АЙБОЛИТ» И ДРУГИЕ ИГРЫ

Во времена СССР детей с нарушением опорно-двигательного аппарата в детский сад не принимали. По этой причине после окончания декретного отпуска мама договорилась со своими родителями, что, пока она работает, я буду находиться у них. Так, с годовалого возраста я, можно сказать, оказалась на воспитании у дедушки с бабушкой. В основном мною занимался дедушка, так как на бабушке лежали хлопоты по хозяйству. К тому же это были годы, когда купить продукты в магазинах было проблематично. Всё приобреталось по карточкам. Люди, в том числе и моя бабуля, простаивали в очередях по несколько часов...

Мы с дедом много времени проводили на улице, гуляя в теплое время года по нашей деревне. Во время этого я находилась в обычной прогулочной детской коляске. Раньше детям и взрослым от государства не выдавались технические средства реабилитации, поэтому и у меня дома не было никаких специальных бытовых приспособлений. Я пользовалась теми же вещами, что и здоровые люди. Наверное, это обстоятельство имело и положительную сторону, так как помогало адаптироваться к стандартным бытовым вещам.

Дед очень любил лошадей. Летом мы с ним ежедневно ходили на совхозную конюшню общаться с лошадами, беря с собой сахар, чтобы их угостить. Вернувшись домой и немного отдохнув,

начинали заниматься различными хозяйственными делами. Например, в период урожая вдвоем чистили ягоды, которые бабушка собирала на огороде. После работы можно было поиграть. Игр у меня имелось много. Чаще всего играла в куклы, разгадывала головоломки или рисовала фломастерами. Порой компанию в логических играх мне составлял дед.

У каждого ребенка есть игра, особо им любимая. Для меня ею была «Айболит». Однажды в каталоге товаров я заметила чемоданчик с красным крестом, такой игрушечный набор медицинских инструментов, и попросила маму его купить. Моей радости не было предела, когда взяла его в руки! Открыв, увидела различные медицинские инструменты. Они были сделаны из разноцветного пластика. В дальнейшем все мои куклы и плюшевые игрушки были мною «пролечены». Мало того, моими «пациентами» стали и родственники. А когда фельдшер из медпункта отдала мне настоящий списанный стеклянный шприц, то с ним стало еще интереснее всех «лечить».

Полуторамесячное пребывание в областном детском ортопедическом отделении и перенесенный из-за операции стресс побудили меня уже в таком вот раннем возрасте заинтересоваться работой человеческого организма, проблемами лечения людей. И хотелось отыскать какой-то иной путь, более щадящий, чем методы, применяемые тогда врачами. Мне захотелось вырасти и стать врачом, который будет бережно относиться к пациентам. Игра «в больницу» для меня оказалась очень важной психологически. К каждому «пациенту» я подходила с тем отношением, которое ожидала от реальных медиков ко мне самой.

Любимой игрой дедули были шахматы. Играть в них он научил меня ещё в пятилетнем возрасте и играл со мной всерьез, не поддаваясь. Конечно же, поначалу я чаще проигрывала, но не обижалась, так как научилась понимать, что для достижения цели надо затратить немало сил.

Дедуся читал мне детские книжки, зачастую происходило это перед дневным сном, который я жутко не любила. У нас даже была договоренность: когда мне исполнится семь лет, «тихий час» будет отменён. И она была выполнена.

Помню, что мне очень не нравилось время, когда начинался какой-то съезд в Кремле, длящийся не один день. Мало того, что дед сам смотрел и внимательно слушал всякие политические и экономические доклады, так это приходилось делать и мне. Я скучала, а отвлекать вопросами дедушку было нельзя. Вот и приходилось сидеть подле него и попросту молча листать детские книжки.

В те года я особенно ждала пятницу, когда на выходные к нам приезжал мамин старший брат, проживающий в райцентре. Дядя часто гулял и играл со мной, рассказывал массу интересного, так как был увлечен дореволюционной историей России. Своей семьей у него не было.

Дедушка тоже о многом беседовал со мной, но эти разговоры как-то больше были о партии, что мало увлекало меня. Интереснее было узнавать про то, где и как он воевал. Но дед не любил вспоминать военные годы. Знала лишь, что воевал он на Новой Земле в морской пехоте, что в том краю очень суровый климат, и во время буранов видимость практически исчезает, потому им приходилось передвигаться по веревке, потерять которую из рук было смерти подобно. Когда кончилась война, и пришла пора возвращаться домой, дедушка узнал, что его родители умерли, а в родовом доме проживает брат с семьей. Поэтому он решил продолжить военную службу. Приехав же через год на побывку в родную деревню, встретил мою бабушку и женился. Тогда и уволился со службы.

Безусловно, мне хотелось общаться не только со взрослыми, но и с детьми. Но я не могла полностью влиться в мир интересов моих сверстников. Обычно дети склонны к частой смене игровой активности, непоседы, а я, напротив, могла заниматься чем-то одним довольно долго. В подвижных забавах не участвовала.

Дома вечерами играла с братом, который старше меня на пять лет. Но его мальчишеские интересы менялись, он все больше времени проводил со своими друзьями. Начиная с девятилетнего возраста, он уже вместе с отцом начал ездить на сенокос, который ставили для совхоза. Там научился водить трактор, затем, наравне со взрослыми, при помощи техники косить, катать сено в рулоны. В дальнейшем брат стал трактористом.

Старшая сестра моей мамы жила со своей семьей неподалёку от нас. Но отношения с тётиными детьми у меня не сложились. Я хотела общаться, а они как-то не проявляли ответного расположения, хотя одна из девочек была моей ровесницей.

Не завязалось дружба и с двоюродными братьями-сестрами со стороны отца. С этими родственниками мы виделись всего пару раз в год...

Дедушка и бабушка по отцу жили от нас в десяти километрах. И с ними встречи тоже были очень редки, да и не было какого-то родного тепла и близости.

Наверное, в силу этих семейных особенностей я и научилась всем сердцем особенно ценить искреннее, доброе отношение, которое проявляют ко мне встречающиеся на пути совершенно посторонние люди...

7. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Начиная с шестилетнего возраста, меня потихоньку готовили к школе. Мама купила счетные палочки, азбуку, алфавит в виде домино. В свободное время занимались со мной и бабушка с дедушкой, пока днем я находилась у них. Так как у дедули любимым предметом в школе была математика, то он обучал меня счету. Что касается бабули, то она больше была склонна к русскому языку. Мне самой особенно нравились цифры, и я довольно быстро научилась считать до ста и обратно. Овладеть азбукой было сложнее, но к школе могла уже читать простые слова и писать их печатными буквами.

Надо признаться, в школу совсем не хотелось. Я мечтала о детском садике. Когда мне говорили, что скоро предстоит пойти в первый класс, то начинала спорить, утверждая, что в школу мне нельзя, так как сначала дети должны побыть в детском саду, а я до сих пор его не посещаю.

Однажды, когда я была на работе у мамы в хозяйственном магазине, в него зашла пожилая женщина, бывшая учительницей русского языка и литературы. Увидев меня, она спросила, как обстоят дела с подготовкой к школе. Мама пожаловалась, что я капризничаю и не хочу учиться, поэтому, наверное, мне придется пойти в первый класс с восьми лет. Учительница настаивала, что

ребенок должен стать школьником именно в семь лет, а не позже. Затем, беседуя со мной, она сказала, что понимает моё желание играть с ребятами в детском саду, но ведь и в школе я также буду в детском коллективе. Раз я уже большая, то должна начать учиться, а садик – для малышей. Так как эта женщина была мне хорошо знакома, да и прежде мы нередко с ней разговаривали, то, прислушавшись к её словам, я начала думать о школе серьезнее.

Перед поступлением в первый класс мне, как всем детям, необходимо было пройти медицинское обследование. Помню, что на приеме у врача-невролога и у детского психиатра мне показалось, что те задают глупые вопросы, прося назвать, кто изображен на картинке, перечислить цвета, разложить по соответствующим ячейкам картонные геометрические фигурки... Для меня такие задания не составляли труда, и было не понятно, зачем это все нужно. Особенно удивил психиатр просьбой сосчитать до десяти и обратно. Я тогда ответила, что знаю счет до двухсот, но обратно могу хорошо посчитать пока только от ста. Стала «демонстрировать свои способности», но врач меня вскоре остановил... В итоге всеми врачами было подписано разрешение на обучение по общей школьной программе.

К началу учебного года у меня было всё необходимое для переклашки.

Моё Первое сентября. Линейка... На мне – школьное форменное коричневое платье, белый кружевной фартучек, в волосах – два больших банта. Всю ту первую мою линейку я простояла, подерживаемая мамой. И на первом своём уроке тоже была, сидя на задней парте в классе, куда нас привели. Наша учительница проводила урок, называвшийся «Урок мира», и знакомилась со своими новоиспеченными учениками.

Хоть я и была «прикреплена» к определенному классу, мое обучение проходило вне школы. Учительница специально приходила к нам домой после уроков. В то время у нас с братом была одна комната на двоих. В ней стоял письменный полированный стол темно коричневого цвета, на стенах висели полки для книг. И я училась за этим столом, сидя, как все, на обычном стуле.

Вначале учеба была интересной. Время от времени, кроме учительницы, ко мне заглядывали и одноклассники, чтобы пообщаться. Я получала приглашения на чаепитие к тому или иному празднику, куда ходила с мамой. Но во время этих встреч я была всё же в стороне от ребят. Странно, что у меня не сложилось контакта со своим классом, поскольку среди моих одноклассников были даже родственники.

При начале моей учебы мама время от времени отпрашивалась на пару часов с работы, и мы с ней ходили на уроки прямо в класс. Школа стояла рядом с домом, поэтому каких-то особых проблем добраться до нее не было. Младшие классы находились на первом этаже. Детскую прогулочную коляску, в которой мама меня довозила, мы оставляли на улице.

Но и тогда отношения с ребятами не складывались. На переменах никто из них не подходил ко мне. Странно, но общение с девочками из старших классов иногда случалось. Происходило оно и с одноклассниками старшего брата, бывавшими у нас в гостях...

Чтобы создать для меня дома «атмосферу класса», мама или бабушка каждый день надевали на меня школьную форму, завязывали бантики. Учиться было интересно, особенно нравилось работать с кассой цифр и букв. Складывать слоги в слова было сложнее. Когда нужно было прочесть получающееся при соединении слогов слово, язык порой заплетался. Еще одним испытанием оказались прописи! Поначалу выводить крючки и петельки было несложно, но, когда дело дошло до букв и слов, которые требовалось писать, не отрывая руки, у меня выходила сплошная грязь. Порой было не разобрать, что я написала. А вот с математикой проблем не было. Я быстро справлялась с нужными примерами и задачками.

Со временем моя учительница без всякого объяснения начала приходить к нам сначала через день, а потом и вовсе один раз в неделю. А я каждый день упорно ждала её, сидя в школьной форме. Когда же она появлялась, то вела себя, словно приходит меня обучать ежедневно. Моя мамочка сама пыталась со мной заниматься в дни отсутствия учительницы, но ведь она не была профессиональным педагогом... И вот эти нерегулярные занятия повлекли за собой соответствующие «плоды». Мои знания резко

ухудшились. Даже любимая прежде математика стала казаться сложной и непонятной. В дневнике начали появляться плохие оценки, которые впоследствии я упорно исправляла, но интерес к обучению слабел с каждой неделей...

Моя преподавательница в те времена сама заочно училась в институте. Когда она уезжала на сессии, моё обучение совсем приостанавливалось. Но однажды во время очередной её отлучки ко мне пришла та самая пожилая учительница, которая убедила меня идти в школу. Мне было совестно перед ней за такие «глобальные» проблемы с русским языком. И вдруг она, поняв в чем дело, сама начала меня обучать. Заниматься с ней было невероятно интересно! Она преподавала уроки доступным языком, а если я что-то не понимала, то терпеливо объясняла заново. Такие занятия были ежедневными, и мои успехи снова «пошли в гору».

Я очень огорчилась, когда по возвращении с сессии моей классной учительницы, пришлось расстаться с тем добрым, ставшим близким мне, педагогом. Что касается моего образования, то всё вернулось на круги своя... Казалось, что обучение в начальной школе происходило лишь для видимости.

Конечно, меня обижала безответственность классной учительницы, которую приходилось ждать впустую порой не один день. Не понимала, зачем делать домашнее задание, если его и проверяют-то через раз...

Когда я начала учиться в школе, днём мои дедушка с бабушкой по очереди ходили к нам, чтобы не оставлять меня одну, пока родители на работе. Я подросла, и игры уже не так интересовали меня. И вот мама показала, как вязать крючком и на спицах. Вязание на спицах понравилось больше. Поначалу я обвязала кукол. Позже потихоньку связала себе и маме джемпера. Так я коротала часы в ожидании учительницы, разрабатывая при процессе вязания левую руку.

8. ЛЮБИМЫЕ ПИТОМЦЫ

Дефицит общения со сверстниками заменяли домашние питомцы. Вначале мне купили белого хомячка. Назвала его Кешей. Он жил в положенной в аквариум коробочке из-под чая. Только

вот радовал он меня недолго... Когда умер, было пролито море слез.

Вскоре мама разрешила завести котенка. Среди моих игрушек была кукольная розовая пластмассовая кровать-качалка с постельным бельем. И вот именно в неё я стала укладывать свою кошечку. Прямо на подушку под одеялко! И укачивала... Даже когда Мура выросла, спать она предпочитала именно там. Но и эта радость была недолгой. Кошечка тоже погибла. Для меня это было больше, чем трагедия. Я потеряла настоящего друга, который всегда был рядом.

В нашем дворе всегда жили собаки. И, конечно же, я с ними общалась. Для меня они тоже были верными товарищами. Но собаки жили на улице, а я все чаще находилась дома.

Однажды мама рассказала, что у наших знакомых есть пара волнистых попугайчиков, у которых вылупился птенец. Мне вспомнилось, как я любовалась ими в оранжерее цирка в том городе, куда ездила с мамой на иглоукалывание. Там среди обилия зелени на ветках тропических деревьев восседали большие разноцветные попугаи, а недалеко от них стояла клетка с волнистыми малышами...

Мама пообещала, что, когда птенец подрастет, то мне его подарят на день рождения. К такому событию надо было подготовиться! Знакомые дали книжки по уходу за попугаями. Я читала их и самое важное записывала в специальную заведенную для этой цели тетрадку.

Так у меня появился Гоша... Но ему было скучно одному, и для компании нашему зелено-желтому красавцу мои родители купили подружку Асю с чудесными синенькими перышками. Через пять лет совместной жизни в их семействе появилось целых семь птенцов. Перед тем Ася ответственно высидывала яйца, не покидая дуплянки, а Гоша кормил ее из своего клюва. Когда вылупились попугайчики, Ася стала выбираться из гнезда, чтобы уже папа выполнял свои обязанности и кормил деток-птенчиков, согревая их своим теплом.

Поначалу Гоша справлялся с отцовской ролью исправно, но потом обленился. Общению с «наследниками» он предпочитал сиде-

ние на жёрдочке, любование своим отражением в зеркальце и качели. Однажды терпение мамы-Аси лопнуло, и вылетев из дуплянки она прямо-таки набросилась на Гошу. Ася с криками была его до тех пор, пока тот не свалился с жердочки на спину, но и тогда не оставляла в покое. Умостившись на поверженном Гоше, она начала вытаскивать из его головы перья. Незадачливый бедолага кричал, пытаясь освободиться. Выклевав нерадивому супругу плешь, Ася от него отвязалась. Наученный уму-разуму Гоша тут же мигом залез в дуплянку и стал ухаживать за птенцами. Ася же уселась подле на жёрдочке и не выпускала горе-отца. Таким вот образом она неоднократно воспитывала муженька.

Однажды к брату пришли в гости его одноклассницы. Они уговорили маму показать им птенцов. Когда крышку дуплянки открыли, то там также оказались и оба родителя-попугайчика. Увидев людей, они вылетели наружу и больше к своим детям не возвращались. Все семь птенчиков оставались голодными и ещё не имея оперения стали замерзать. Пришлось достать их из гнезда, поместить в пластиковый таз на расстеленном полотенце и прикрыть теплой тканью. Над тазом мы установили настольную лампу и держали её включенной.

И начались наши «веселые» дни и ночи. Птенцов необходимо было кормить, причем кормить часто. Но вот только мы не знали чем! Мама наугад стала варить для них жиденькую манную кашу и смешивать её с разведенным водой соком черной смородины. Эту пищу давали при помощи пипетки. Ночью птенцов кормила мама, поначалу разжимая их клювики ложечкой. Днем эта ответственность ложилась на меня. Кстати, птенцы довольно быстро сообразили, что от них требуется. Как только они видели ложку с едой и пипетку, то дружно открывали клювы.

Наши малыши выжили, оперились, научились самостоятельно есть и даже летать. Они все были красивы, но один казался особенным – желтым, солнечным... Когда птенцы стали полностью самостоятельными, мы их раздали знакомым.

Через год наши попугайчики вновь стали родителями. На этот раз их гнездышко уже никто не тревожил. Правда, у них теперь был всего один малыш. Когда он вылез из дуплянки, то мы увидели чудесного голубенького, как небо, красавца. Решили и его

оставить себе, назвав Петрушкой. Его пришлось отсадить в отдельную клетку, так как, если птенец попугаев долго живет вместе с родителями, те могут начать его обижать.

Петрушка оказался парнем с характером. Он не любил находиться в клетке, требуя волю вольную, и даже научился открывать дверцу. Такая настойчивость победила. Ему было позволено жить свободно, летая по квартире. Кроме того, он пристрастился сидеть у меня на плече или бегать по письменному столу, заглядывая в тетрадь, когда я делала уроки.

Петруша приветствовал пришедших к нам гостей приземлением к ним на головы. Правда, некоторые люди начинали тут же махать руками и пугать птичку.

Когда мы обедали, попугайчик важно вышагивал вдоль стола, заглядывая в тарелки. Если кто-то ел яблоко, Петрушка тут же садился прямо на фрукт, недовольно бормоча на своем языке, что он первым должен «снять пробу».

Попугайчик даже пытался произносить короткие слова, но говорить научиться не успел. Он прожил недолго, но принес много радости в наш дом. А вот Гоша с Асей одолели целых десять лет. Интересно, что в тот период у нас был ещё и кот, но он даже не смотрел на попугайчиков, хотя те порой летали прямо перед его носом.

9. ХОЖДЕНИЕ «ПО ШКОЛЬНЫМ МУКАМ»

Наконец моё «обучение-недоучение» в начальной школе окончилось. Учиться дальше я по-прежнему продолжала «на дому». Теперь ко мне ежедневно приходили разные учителя, за каждым из которых были закреплены конкретные предметы.

Мне, не имевшей прежде хорошей подготовки, оказалось не просто. Например, учительница русского языка и литературы была возмущена, что писать я научена, не отрывая руки от букв и слов. В результате мой почерк был просто нечитаемым. Пришлось переучиваться, чтобы выписывать каждую букву в слове, да и сами слова с отрывом руки. И довольно скоро в моих тетрадках воцарился порядок с разборчиво написанными словами. Со знаниями же по русскому языку дела обстояли сложнее. Нам с моей новой

учительницей пришлось вернуться к программе начальной школы и только после её закрепления переходить к курсу пятого класса.

Литература была мне интересна, тем более что в годы моего обучения в школьную программу включались увлекательные рассказы, русские народные сказки, которые сызмальства я знала наизусть, поскольку в раннем детстве мама мне много читала перед сном. Мне нравилось пересказывать прочитанное, размышлять над его смыслом и выражать своё отношение к произведениям во время пересказа. С поэзией проблем тоже не возникало, так как ещё до школы мама и бабушка разучивали со мной много стихотворений наизусть. Только вот по непонятной причине та моя учительница никогда не задавала написать сочинение, изложение или реферат. Это, прямо скажем, педагогическое упущение неблагоприятно сказалось в будущем на моей учебе в институте. В силу чего во время получения высшего образования мне пришлось непросто.

С математическими предметами вышло так: пока была простая математика, учителю удавалось донести до меня учебный материал, хоть он и был, как я отмечала раньше, недостаточно усвоен в начальной школе. Выручало и то, что дедушка с бабушкой вымуштровали меня в отношении таблицы умножения так, что я могла дать по ней ответ даже ночью, если бы меня разбудили. Но с началом занятий по алгебре пришли новые проблемы. Уравнения с цифрами и латинскими буквами были мне чужды и совсем не понятны. А учительница, не закрепляя со мной тему, которую я еще не усвоила, сразу переходила к следующей, основанной на прежней, не проработанной, как надо.

Эта же учительница преподавала физику. Мне этот предмет понравился, но вот мой педагог почему-то не считала его для меня нужным и старалась поскорее уйти, проведя занятия по алгебре.

Грустной историей оказалось и знакомство с химией. Сама по себе наука-то – очень увлекательная, но, когда дело дошло до решения уравнений и задач, мой мозг почему-то начал противиться тому, чтобы осознать правила их решения. И снова повторились события с алгеброй. Учительница, преподававшая химию, не старалась растолковать непонятный мне материал. Она руководствовалась требованиями и сроками учебного плана, а не скоростью

моего усвоения уроков. В итоге через год директором школы химия была исключена из перечня необходимых мне наук.

Поначалу меня порадовала биология. Там приходилось рисовать, а это мне всегда нравилось. Только вот учительница, преподававшая этот предмет, была настолько апатична, что во время занятий мне тоже все время хотелось спать. Кроме того, выявилась ещё одна проблема. Надо признаться, что я относилась к любопытным детям, которые часто задают вопросы. И это порой приводило учительницу в замешательство. Вопросы-то были приличными, только вот они зачастую выходили за рамки предмета, разбираемого в учебнике. Когда мы стали изучать анатомию, то часто моим заданием становилось просто самостоятельное чтение материала без разъяснений или проверки.

С любимой множеством детей, мечтающих о путешествиях и дальних неизведанных землях, географией получилась та же история, что и с биологией. Преподаватель не отступала от программной тематики, изложенной в учебнике, и также не стремилась поговорить на интересующие меня темы. И вот так уроки по страницам этой чудесной науки тоже стали просто скучной повинностью.

За всё время учебы в неполной средней школе мне запомнился своей яркостью и насыщенностью лишь один учебный год. Перед началом седьмого класса меня спросили, соглашусь ли я, чтобы мое обучение вёл один педагог, поскольку в штатном расписании школы для неё не нашлось часов. Эта молодая женщина была женой моего двоюродного брата, и, несмотря на то, что она была просто учителем начальной школы, я дала согласие. Мы с ней знали друг друга не очень хорошо, поэтому перед первым сентября она пришла ближе познакомиться со мной, не только как с родственницей, но и как со своей будущей ученицей.

И вот наступил тот удивительный учебный год, когда один учитель заменил всех моих прежних педагогов... Она сразу составила учебное расписание на неделю. Увидев мои пробелы по алгебре, приняла решение вначале повторить программу шестого класса и только затем перейти к освоению седьмого. Её пришлось изрядно повозиться со мной, но успех был достигнут, и в течение одного учебного года мы изучили два учебника алгебры. Кроме того, я начала понимать физику и решать по ней задачи.

Поблажек со стороны преподавателя не было. Уровень моей учебной загруженности даже привел к повышению артериального давления. Фельдшер не знала, чем помочь. Не помогали даже те таблетки, которые назначаются закоренелым гипертоникам. От безвыходности мне стали колоть даже уколы. Но пропускать уроки я категорически отказывалась, продолжая обучение и при высоком артериальном давлении.

Помню мои ощущения той поры: преподаватель объясняет учебный материал, а моя голова словно увеличилась втрое, и в ней «шумит океан». Порой казалось, что от малейшего поворота она может расколоться на тысячи частей. Сердце билось в бешеном ритме. И вот так с удивительной тягой к учению, несмотря на все недомогания, я жила на протяжении многих месяцев...

Был случай, когда мама ушла стирать белье, а вернувшись домой, застала меня сидевшей за письменным столом фактически без сознания. Она перенесла меня на диван... Открыв глаза, я увидела три стены, три окна, так как перед глазами троилось. Потом эти изображения пропали, и остались только чернота и «гудение пчелиного роя» в ушах...

Вызвать фельдшера у мамы не было возможности, поскольку та была в райцентре. И я так и пролежала до самого вечера, когда наконец-то пришла медик. Она была шокирована, обнаружив у двенадцатилетней девочки артериальное давление 180 на 110.

Седьмой класс я впервые окончила без троек. Это был учебный год настоящей борьбы за знания, борьбы вопреки всем обстоятельствам.

Следующий учебный год продолжился с моими прежними учителями, так как та моя учительница переехала жить в другую область. В дальнейшем, кстати, она смогла осуществить свою мечту – стать преподавателем математики.

Я всю жизнь особенно благодарна ей, истинному учителю, равнодушному к ребенку и способному заинтересовать и увлечь его тягой к знаниям. Именно она помогла мне поверить в свои возможности, открыть в самой себе что-то новое, ощутить свои умственные и творческие силы. В результате нашего общения ко мне вернулся утерянный было интерес к учебе.

После седьмого класса доучиваться два года мне стало проще. Даже алгебра уже не казалась столь непонятной. В девятом классе по медицинским показаниям я была освобождена от итоговых экзаменов.

Аттестат о неполном среднем образовании мне был вручен у нас дома директором школы в присутствии моих учителей. «Одноклассники» тоже заходили и приглашали на выпускной вечер, но я вежливо отказалась. Я не чувствовала потребности быть с теми, кого не видела с начальных классов...

Конечно же, у меня был настрой получить полное среднее образование. Заведующая РОНО сказала, что хоть в нашей деревне и нет полной средней школы, но она может «прикрепить» меня к другой. А уроки будут вести всё те же знакомые учителя, по-прежнему занимаясь со мной на дому.

Подумав и рассудив ситуацию, мама убедил меня пока не продолжать обучение, так как мое артериальное давление никак не нормализовалось, да и начинались проблемы с правой ногой.

С трудом пересилив себя, я с доводами мамы согласилась, понимая, что из-за проблем со здоровьем действительно необходимо сделать паузу...

10. ТЕЛО ЗНАЕТ О ДУШЕ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ОНА О НЁМ

Как большинство детей, свою физическую боль я выражала слезами, но вот о состоянии души делиться не любила. Тело же в ответ на накопившиеся невысказанные эмоции зачастую отзывалось резким повышением температуры, хоть никаких симптомов простуды и не было. Жар так же внезапно проходил в течение нескольких часов. Недаром говорят, что «тело знает о душе не меньше, чем она о нём». Налицо было проявление психосоматики.

Для меня оказалось сложным скрывать боль во время первого курса иглоукалывания, но я научилась затаивать её в глубине души...

Следующий тяжелый эмоциональный этап – ортопедическая операция, разделившая мое отношение к своему телу на ДО и ПОСЛЕ. Придя в себя после наркоза, я стала воспринимать окружающий меня мир как-то иначе, словно у меня отняли меня саму... По возвращению домой моё физическое состояние довольно быстро

стало ухудшаться. Я не смогла больше встать у дивана. С каждой неделей становилось все больше сгибать ноги, чтобы сесть на колени. Казалось, что мышцы окаменели, а в местах швов появлялась острая боль, словно там проводили ножом. В результате даже ползать по полу я стала реже, так как при движении ног там, где были сделаны надрезы сухожилий, возникали мучительные ощущения. Пришло осознание, что теперь мой организм начинает жить своей жизнью, наделяя меня, его хозяйку, этой невыносимой болью.

Скрывая свои переживания, я стала грубить окружающим, чтобы они отстали от меня, высказывала, что мне всё надоело. Со стороны могло показаться, что это – капризы избалованного ребенка.

В итоге я постепенно начала ненавидеть и отрицать свой организм, мысленно обвиняя его во всем. В дальнейшем это послужило существенному ухудшению здоровья. Лишь через много лет ко мне придёт понимание, что своё тело надо принять, что оно ни в чем не виновато. И тогда неожиданно сам организм начнет потихоньку самовосстанавливаться.

Ещё одной причиной моего угнетенного состояния стала ухудшавшаяся с каждым днем негативная атмосфера в семье. Отец начал злоупотреблять спиртным. Пил он с каждым годом все больше и чаще, порой уходя в запой на месяцы. Это приводило к скандалам.

К одиннадцати годам мои мышцы и связки на ногах совсем перестали работать. Даже при поддержке было сложно стоять или делать небольшие шаги. Нарастала также скованность в мышцах спины.

Наступил день, когда опереться на правую ногу стало совсем невозможно. При попытке сделать шаг или разогнуть ногу в колене возникала резкая жгучая боль в месте послеоперационного шва с внутренней стороны правого бедра. Фельдшер назначила электрофорез с новокаином, но обезболивания не было. Снова пришлось ехать в областную детскую больницу на прием к врачу-ортопеду. Осмотрев ногу, она заподозрила подвывих тазобедренного сустава и предупредила, что если рентген подтвердит предполагаемый диагноз, то мне на длительное время наденут гипс.

Во время ожидания очереди на рентген и ответов на снимки у меня непроизвольно текли слезы. Было страшно, что в жизни снова может повториться период лежания «в гипсовых оковах». От переживаемого ужаса моё тело просто цепенело. Но посмотрев рентгеновский снимок, ортопед сказала, что подвывиха тазобедренного сустава нет. Она объяснила, что нога болит из-за неправильного произведенного надреза сухожилий при операции. В результате её последующего роста сухожилие стало тянуть. К тому же там образовались послеоперационные спайки. После такого неутешительного заключения врача логично было сильно расстроиться, но я, напротив, обрадовалась по причине, что гипсовых «оков» не будет. Так моя нога и осталась неспособной разогнуться в колене полностью, а при попытке её выпрямить я до сих пор испытываю резкую боль.

11. КОСТЮМ «АДЕЛИ»

В одном из выпусков телевизионной программы «Здоровье» рассказывалось о костюме «Адели» для лечения детей с детским церебральным параличом (ДЦП). Увидев эту передачу, мама написала письмо телеведущей Елене Малышевой с просьбой уточнить, в каком медицинском центре Москвы можно пройти курс лечения с использованием этого костюма. Вскоре пришел ответ, где сообщалось, о том, что такой костюм есть в нашей детской областной больнице. Мало того, оказывается, больница уже оповещена, и с мамой скоро свяжутся, чтобы меня пригласить на лечение. Через пару дней маме действительно позвонила мой лечащий врач-невролог и назначила дату приезда в стационар.

Признаюсь, перспектива вновь оказаться в больничной палате, где меня угнетали даже стены, не обрадовала. Да и проведение лечения с использованием новых технологий невольно настораживает даже взрослого человека, что уж говорить о ребёнке...

В день поступления в стационар всё было как обычно. На осмотре лечащий врач приняла решение подготовить мои мышцы к процедуре надевания костюма «Адели» курсами ручного массажа и лечебной физкультуры (ЛФК). Как обычно, мне прописали витамин В1, В6, В12, Мидокалм и Церебролизин.

Однажды во время обхода в мою палату вместе с лечащей меня заведующей детским неврологическим отделением вошла целая группа врачей. Осмотр пациентов начали именно с меня. Помню, что после него моя врач сказала: «Коллеги, я не могу понять, почему Ирина не ходит. Я наблюдаю её с самого начала лечения. У девочки всегда была положительная динамика, но она до сих пор не заходила». Ответов или каких-то предположений от группы врачей не последовало...

И вот впервые за все годы лечения в стационаре мне назначили ручной массаж и лечебно-физкультурную гимнастику (ЛФК). И это навсегда осталось в моей памяти, как страшный сон. Дело в том, что у меня повышенный тонус мышц в конечностях. Чтобы расслабить мышцы в моём теле, массажистка мяла их, с силой растягивая каждую. Боль была столь нестерпимой, что у меня ручьем бежали слезы. С каждым новым сеансом эта боль усиливалась, так как от прежних «манипуляций» оставались синяки, на которые каждый раз снова нажималось со всей силы. И вот после таких жестоких сеансов массажа сразу нужно было делать упражнения ЛФК. Мне казалось, что мои мышцы сейчас порвутся, а сердце остановится от боли. Как это происходило?

Я лежала на животе. Массажистка, взяв мою левую руку, движения которой из-за повышенного тонуса были существенно ограничены, заводила её за спину, располагая в области лопаток. Из-за сопротивления мышц всё делалось с силой. Чтобы удержать мою левую руку в таком положении, массажистка придавливала её коленом. У меня же от нестерпимой боли перехватывало дыхание, шумело в висках, кровь прилиwała к лицу. Похожее ощущение возникало и во время упражнений с ногами. Когда выпрямляли в колене мою правую ногу, наболевший шов сопротивлялся. Но его тянули, как остальные послеоперационные швы, чтобы увеличить амплитуду развода ног.

После курсов массажа и ЛФК меня выписали домой с обещанием пригласить вновь для подобных процедур. И если в результате этого состояние мышц позволит, то на меня наденут костюм «Адели». Но приглашения мы так и не дождалась.

Через полгода мне исполнилось четырнадцать лет, и меня перевели наблюдаться во взрослую поликлинику. Лечение у детских врачей было завершено.

Среди моих воспоминаний о детской областной больнице есть особые, касающиеся ночных дежурств одной медсестры. В отсутствие врачей и родителей больных детей, она, находясь на дежурстве, пропускала в отделение мужчин. Включалась музыка. Хоть она и была негромкой, но в ночной тишине больницы слышалась хорошо. До меня доносился смех, звяканье посуды. Спать было невозможно. В палате, где я лежала, также круглосуточно находилась одна мамочка со своим малышом. Она могла сочувственно спросить сплю ли я, но сама замечаний дежурной медсестре не делала.

Утром после одной из таких ночей я всё рассказала маме. Конечно же, она захотела уведомить о «ночных развлечениях» заведующую отделением, но та женщина попросила ни о чем не рассказывать, так как боялась, что ей запретят постоянно находиться с ребенком.

В период лечения в детской областной больнице в моей жизни неожиданно чуть было не повторилась ортопедическая операция по подрезанию сухожилий на ногах. Когда я там лежала, проходя сеансы массажа и ЛФК, моя мама из разговоров с другими родителями случайно узнала о новой технологии по подрезанию сухожилий. Она была внедрена где-то в Тульской области и заключалась в операционном нанесении мини насечек. Говорилось, что вроде и лежать после операции в стационаре не придётся. Как только ребенок приходил в себя после наркоза, его сразу выписывали домой. Считалось, что после этих насечек мышцы начинают работать намного лучше. Операцию нужно было проделать дважды за год, каждый раз делая новые надрезы.

Мне, в шестилетнем возрасте уже пережившей мучения после подобной операции, оставившие глубокий след и на душе, и на теле, и, по понятной причине, не желающей новых внедрений в свой организм, было сложно принять желание мамы, пойти на новый операционный шаг.

Были для сомнений и другие причины. Сразу назревал вопрос, как же можно выписать пациента из больницы сразу после операции? Ведь я помнила тот свой тяжелейший период пробуждения после наркоза. Также вставала проблема с обработкой послеоперационных ран, ведь жили мы в отдаленной сельской местности...

На мамино предложение съездить на эту операцию я согласия не дала. Мы договорились подождать, пока наша знакомая, уже точно намеревающаяся свозить в Тульскую область своего ребёнка, вернется и поделится результатами. Тогда и будет резон подумать о новой операции.

И вот наша землячка свозила в ту клинику свою дочь. В письме она сообщила моей маме, что ребенка действительно выписали почти сразу после того, как она очнулась от наркоза. Они в тот же день выехали поездом домой, но в пути девочке стало плохо, и она чуть не погибла.

Больше тема новых операций в нашем доме не обсуждалась, и я успокоилась.

Ну, а мое заключительное лечение в областной детской больнице оставило о себе ещё одно грустное напоминание от пережитого стресса во время ручного массажа и ЛФК. Тогда я запрещала себе кричать от боли, а лишь беззвучно плакала. С тех пор у меня, видимо, на нервной почве, исчезли слезы – перестал работать слезный канал.

Годы лечения, начавшиеся от рождения и наполнявшие всё моё детство, конечно же, отразились на характере, сделав его жестким и упрямым. И уже в девятилетнем возрасте от пережитого и переживаемого у меня появились первые седые волосы...

Много позже окажется, что мне сильно повезло, что не случилось ни «примерить» костюм «Адели», ни подвергнуться очередной ортопедической операции. Если бы это произошло, не известно, что сегодня было бы с моими позвоночником, шеей, мышцами... С моей жизнью...

12. МЕЧТЫ СЕРЬЁЗНОГО ПОДРОСТКА

Мне пятнадцать... Подростковый возраст – один из самых простых периодов в жизни человека. Ты, вроде, уже не ребенок,

но ещё и не взрослый... В это время подросток нередко сталкивается с недопониманием. Вот и я не оказалась исключением, и мои мысли, желания и поступки большинством взрослых воспринимались как капризы избалованного из-за болезни ребенка. Это вызывало во мне бурю негодования. К тому времени я научилась «прочитывать» людей и замечала, что они порой недооценивают и занижают уровень моих физических и интеллектуальных возможностей. В ответ, чувствуя фальшивое ко мне отношение, я могла нагрубить даже незнакомому человеку.

Еще большее негодование вызывало (да и по сей день вызывает) отношение ко мне врачей. Например, на приеме невролог подчас задавал мне такие простейшие вопросы, словно я была пятилетним ребенком. Иногда, даже вовсе игнорируя моё присутствие, он начинал беседу с мамой. Всегда вспоминала моего детского врача-невролога, которая такое поведение себе не позволяла. Конечно же, тут встает вопрос медицинской этики...

В силу того, что в юности действительность воспринимается нами более остро, а негативное отношение порой особенно болезненно, у меня развился комплекс неполноценности, выразившийся во внутреннем угнетении и даже отрицании своего тела. Мне казалось, была бы я, как все, на своих ногах, то и жизнь шла бы иначе, и с людьми нашлось бы взаимопонимание.

В дальнейшем эта появившаяся ненависть к своему телу привела к психологическим и физическим проблемам: нарастал тонус мышц в руках, ногах и спине, по-прежнему держалось высоким артериальное давление, началась экзема.

Со временем я перестала выходить на прогулки, так как из детской прогулочной коляски давно выросла, а кресло-коляска, которую родители привезли из Пензы, была настолько тяжелой и огромной, что гулять в ней по не асфальтированным деревенским улицам было невозможно. Кроме того, и мне самой комфортнее было дома.

Несмотря на все трудности, я серьезно задумывалась о дальнейшем обучении. Бабушка и дедушка сетовали, что вряд ли из моей идеи что-то выйдет, так как мне с моим диагнозом просто нигде получить профессиональное образование. Я спорила и гово-

рила, что они сильно ошибаются, мол, образовательные технологии изменятся, и у меня непременно появится возможность получить высшее образование, даже не выезжая из дома, и что от меня обязательно будет польза людям. Конечно, мое мнение всерьез не воспринималось.

Как-то в одной из телевизионных реклам я увидела ролик об удаленных курсах английского языка для начинающих. Учебные материалы присылались по почте. Выполняемые по программе задания надо было также отсылать в школу на проверку преподавателю. Такое обучение, конечно же, было платным.

Я упростила маму позволить мне окончить эти полуторагодовые курсы английского языка, так как за всё время надомного школьного обучения иностранный язык мне вообще не преподавали. Кроме того, я хорошо понимала, что это – ещё одна ступень к осуществлению мечты о высшем образовании. Так я получила базовые знания английского, заверенные сертификатом.

О какой профессии мечталось?

Уже с двенадцати лет я твердо намерилась стать юристом. С детства нравилась мне и профессия врача, но я понимала, что очно в силу своих физических данных обучаться не смогу. Что касается юридического образования, то правовед, так же, как медик, несет полную ответственность за судьбу обратившегося к нему за помощь. К тому же, чем старше я становилась, тем чаще сталкивалась с бездушностью и непробиваемостью чиновников. Вот поэтому и дала себе слово получить юридическое образование, чтобы отстаивать законные права обычных людей.

Достигнуть поставленной цели можно было только собрав в кулак свою волю, опираясь на моральные и духовные силы. Кстати, мне всегда придавало энергии сопротивление людей, не принимавших всерьез меня и мои планы.

Самоуважение и чувство самосохранения есть в каждом, и их нужно вовремя направлять в правильное русло, чтобы не потерять самого себя.

13. ЗАЧЕМ ТЕБЕ ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ?

Мне почти семнадцать... Я решила обратиться с письмом в Министерство образования Российской Федерации, чтобы узнать

подробнее о возможностях получения заочного юридического образования. Пришел ответ, где сообщалось, что действительно существует немало ВУЗов, имеющих такую практику, но для поступления необходимо иметь полное среднее образование.

Я понимала, что даже при заочной форме обучения мне всё равно придется ездить в институт на сессии. Но, живя в отдаленной деревне, да ещё с такими «особенностями», как проблемы с переправой через реку в моменты половодий, это было мало возможным. Выход один – переезд в город. Но как его осуществить?

Однажды мама дала мне почитать газету, где были сведения о Федеральном Законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Одна из его статей гласила: инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет...

Ознакомившись с текстом, я сказала маме, что раз мне скоро исполнится восемнадцать, то я уже сейчас попробую самостоятельно обращаться в определенные инстанции, чтобы встать на учет как человек, нуждающийся в улучшении этих самых жилищных условий.

Без долгих размышлений я составила письмо губернатору нашей области, изложив в нём по какой причине прошу признать меня нуждающийся в улучшении жилищных условий и предоставить жилое помещение согласно льготной очереди в городе. Через месяц пришел ответ. В нём говорилось, что моим вопросом поручено заниматься нашей районной администрации. Вскоре оттуда к нам приехала женщина, чтобы проверить мои жилищные условия. Эта чиновница занималась социальными вопросами населения. Она была весьма вежлива со мной при общении, но мне была нужна не ее любезность, а внимание к сложившейся проблеме.

Во время встречи я сидела за письменным столом у окна. Гостя поинтересовалась, по какой причине меня не устраивает проживание в сельской местности. Главным моим доводом было планируемое обучение в ВУЗе, которое я смогу осуществить лишь при наличии полного среднего образования, получить которое у меня возможности нет в силу того, что по исполнению совершеннолетия домашнее обучение в соответствии с законом будет ис-

ключено. Кроме этого, в нашей деревне вообще нет полной средней школы. Но даже если бы у меня и имелось это образование, то в моем положении с физически ограниченным передвижением обучаться заочно в ВУЗе, да ещё с выездами на сессии из деревни, которая дважды в год оторвана речным разливом от внешнего мира, нереально. Среди прочих причин я посетовала на санитарные условия, рассказав, что в нашей квартире отсутствует ванная комната, что создает проблемы с мытьем. Нужно ходить в общую баню, где нет условий для меня, и что в моем положении необходима ванная в квартире.

В ответ на мои доводы «любезная» собеседница произнесла: «Ириночка, зачем тебе городская жизнь? В деревне и воздух свежий, и птички поют. Вот посмотри, как много цветов в вашем огороде... Красота». В тот момент мне очень хотелось высказать какую-нибудь грубость, но я обуздала свой гнев. В моей голове не укладывалось, как эта чиновница, бывший врач-терапевт, которая, наоборот, должна хорошо понимать мои сложности, остается непрошибаемой. А моё желание получить высшее юридическое образование она вообще, вроде как, и не услышала... Дальнейшая беседа была банальным пустословием...

Через месяц из областной администрации пришло письмо, где сообщалось, что по моему заявлению с просьбой признания меня нуждающейся в улучшении жилищных условий была проведена выездная проверка. В результате сделаны выводы, что коли я проживаю с родителями в трехкомнатной квартире, где имеются все необходимые бытовые условия, то не могу претендовать на получение другого благоустроенного жилья. Признаюсь, я вполне была готова к отказу, но ошарашило, что согласно отчету приехавшей к нам «административной дамы», наша квартирка причислялась к жилью «со всеми удобствами».

Под властью эмоций тем же вечером я написала другое письмо, на этот раз адресовав его в Москву на имя Президента Российской Федерации. В нем подробно описала ситуацию с произошедшей чиновничьей проверкой. В результате к нам домой прислали областного депутата, так как письмо из Москвы перенаправили в администрацию области. Депутатом вновь оказалась женщина, да к тому же, словно по иронии судьбы, тоже врач, ранее работавшая в

районной поликлинике. Наша беседа происходила на том же самом месте, что и с предыдущей гостьей. Только, сидя за письменным столом, я видела за окном уже не цветы, а огромные снежные сугробы...

Этот разговор тоже как-то не заладился. Депутатша, видимо, относилась к тем людям, которые слышат только то, на что запрограммирован их чиновничий мозг. Она никак не могла понять причины моего желания переехать в город. Доводам о надежде на высшее образование и о том, что в случае ухудшения моего здоровья в районную больницу в силу географических особенностей местности быстро не попасть, внимание вообще не придавалось.

В результате этой встречи в Москву был отправлен отчет о моих вполне хороших жизненных условиях. Единственной помощью, правда, стало то, что мне предоставили инвалидную кресло-коляску для уличных прогулок, которую прежде нам было чрезвычайно сложно получить от государства, а тем более – невозможно приобрести за свой счет.

Но и этот неправдоподобный отчет о моём житье-бытье не остановил моей борьбы с чиновничьим безразличием. Получив очередной отказ насчет улучшения жилищных условий, я вновь написала письмо Президенту Российской Федерации, с просьбой повторно компетентно разобраться с вопросом моих условий проживания в сельской неблагоустроенной квартире. На этот раз никто из представителей власти к нам не приехал. Была избрана иная тактика – в районную администрацию для беседы вызвали мою маму! Узнав об этом, я высказала твердое желание также присутствовать при разговоре. Мне было непонятно, при чем тут мама, когда обращение писала я, уже достигнувшая совершеннолетия и не нуждающаяся в опекуне.

В тот день в районной администрации рыжеволосая женщина в шали, накинутой на плечи, сухо с нами поздоровавшись, начала сходу отчитывать мою маму, словно нашкодившую школьницу за то, что та продолжает писать письма, требуя улучшения жилищных условий. Мама сказала, что эти письма принадлежат мне, что я тут же подтвердила. Представительница власти, округлив глаза, усомнилась, что быть такого не может. Мол, она досконально знакома с текстами этих посланий, и так хорошо писать человек при

моём заболевании попросту не способен. Несмотря на наши возражения, она осталась при своем мнении...

Что я чувствовала тогда? Я не обижалась, а жалела эту женщину... В результате беседы нам было предложено написать заявление по переселению с Крайнего Севера и приравненных к нему районов. И вот наша семья была поставлена на очередь за номером четыре на переезд в Вологду.

И вроде всё хорошо получалось. Мы знали, что на нужды переселения с Севера деньги из Федерального бюджета выделялись ежегодно. А в очереди мы – четвертые... Чего уж там, радость казалась не за горами... Но...

Прошел год, за ним – другой... Я вновь и вновь отправляла письменные запросы в районную администрацию, а очередь не двигалась... Мы так и значились «четвёртыми».

И тогда я вновь обратилась в администрацию области, с просьбой сообщить, какие суммы поступили из Федерального бюджета на переселение с Крайнего Севера и приравненных к нему районов, в частности из нашего. Пришедший ответ-отписка меня не устроил, и я опять обратилась в Москву для уточнения информации. Данные, полученные из столицы, совершенно не совпадали с прежними районными и областными ответами. Я намеревалась продолжить разбираться с ситуацией, зная, что закон на моей стороне, но жизнь внесла свои коррективы. В итоге борьбу за истину пришлось временно отложить. О причинах расскажу позже...

Мне хотелось поведать о первом собственном опыте общения с чиновниками. Я убедилась, насколько сложно доказывать правоту и отстаивать свои законные права в кабинетах тех «небожителей», которые на самом деле далеки от обычных людей. Безусловно, и среди управленцев есть порядочные, достойные люди, но мне почему-то они поначалу не встретились...

В результате жизненных передряг я только укрепилась в решении во что бы то ни стало получить юридическое образование, чтобы помогать отстаивать законные права людей там, где это необходимо.

Забегая вперед, скажу, что почти через двадцать лет я встрети-лась с той представительницей власти из районной администра-

ции, побывавшей у нас дома первой. Во время разговора она призналась: «Ириночка, ты все же получила юридическое образование! Оказывается, не лгала, говоря, что хочешь переехать в город, чтобы в первую очередь стать полезной людям. Знаешь, а тогда мне в это не верилось».

14. НУЖНО ДВИГАТЬСЯ К ЦЕЛИ

Первый день нового 2003 года. Вечер...

По телевизору транслируют очередную развлекательную программу, но мои мысли далеки от всего происходящего в квартире. Вспоминается, как год назад мы ехали с мамой на поезде в наш областной центр и познакомились с соседкой по купе. Она рассказала, что работает заведующей городского отдела народного образования в одном из городов нашей области и направляется на совещание. Узнав, что я обучалась на дому, но полного среднего образования не имею, она поинтересовалась, есть ли у меня желание учиться дальше.

Я призналась, что думаю об этом, хотя, наверное, уже поздно, так как мне исполнилось восемнадцать лет, и обучение на дому теперь невозможно. Наша спутница ответила, что безвыходных ситуаций не бывает, и нам с мамой стоит попробовать обратиться к руководителю отдела образования по месту жительства.

И вот, вспомнив это прошлогоднее событие, я повторяю самой себе слова той равнодушной женщины, что неразрешимых ситуаций нет, и если чего-то хочешь достичь, то нужно двигаться к цели. Кроме меня лично, никто мою жизнь не проживёт. Поэтому необходимо перестать прятать свои стремления за болезнями, «заедать» чем-то из холодильника страх перед необходимостью действий или «замазывать» его лекарствами. И именно 1 января – самое подходящее время открыть новую страницу своей жизни...

Я сказала маме, что приняла твердое решение получить полное среднее образование и попросила как можно скорее съездить на прием к заведующей РОНО, чтобы попробовать организовать моё обучение на дому.

Мама поначалу думала, что я шучу. Убедившись в серьезности моих намерений и узнав о задумках про институт, она спросила, как я себе это представляю, если после прохождения той школьной

программы, по которой я занималась, и по предметам которой у меня были не очень твердые знания, минуло целых шесть лет? И тогда я возразила:

«Если цель поставлена, и есть большое желание её добиться, то всё преодолимо. И я намерена не только восстановить прежние знания, но и приумножить их».

Мамин поход в РОНО оказался успешным. Заведующая внимательно выслушала просьбу и пообещала помочь, сказав позвонить ей в конце августа. Мама так и сделала перед первым сентябрем, но в ответ в телефонной трубке раздался печальный голос заведующей, сказавшей, что получить разрешение на мое обучение ей не удалось. В тот момент я находилась рядом и слышала всё сказанное.

Для меня словно рухнул весь мир! Не верилось, что происходит такая несправедливость! Ведь мое желание учиться было искренним, а стремление получать знания имело целью в дальнейшем помогать людям...

Но Господь, видя искренность моих чаяний, был милостив... Придя в себя, я стала размышлять, как быть дальше... Несмотря ни на что, от цели отказываться не собиралась. Кроме того, что-то подсказывало, что заведующая РОНО обязательно поможет. Даже по тону её голоса чувствовалось, что ей не безразлично моё будущее. После окончания девятилетки я помнила, как она говорила маме, что поможет в получении мною полного среднего образования, но тогда мое здоровье не позволило это осуществить.

Наступило девятое сентября.

Помню, сплю и сквозь сон слышу телефонный звонок... Открыла глаза. – На часах восемь утра. Тут же пришла мысль, что этот звонок связан с моим дальнейшим обучением. Так и оказалось. Нам звонила та самая руководительница отдела образования, чтобы сообщить о закреплении меня за ближайшей средней школой, находящейся в 60 километрах от нашей деревни. Так ознаменовалось начало моего обучения на дому по программе десятого класса.

Порой говорят, что истинное ощущение счастья длится лишь миг, но такие мгновения в жизни могут появляться неоднократно.

Это самое острое чувство радости я и испытала в тот день и мысленно поблагодарила Бога за не иначе как Его помощь.

Утром десятого сентября я, как много лет назад, уже сидела в комнате за тем самым коричневым полированным письменным столом и ждала преподавателя. В основном моими учителями остались те, что занимались со мною раньше, но учительница по алгебре поменялась. С ней и было то моё первое занятие после шестилетнего перерыва в учебе. Первый урок на новом этапе жизни.

Этого педагога я знала как очень сильного специалиста в нашей школе, хоть она никогда меня лично и не учила. Перед началом урока я честно призналась, что алгебру знала неважно, да и те бывшие знания уже покинули меня... В ответ учительница произнесла: «Не стоит переживать, все поправимо».

Первое время мы повторяли материал за девятый класс, и только через пару месяцев перешли к изучению программы десятого. Часто выполнение домашнего задания занимало более двух часов. Порой я за один раз списывала половину тетради для восстановления и закрепления знаний. Преподавателю приходилось задавать мне для вечерней самостоятельной работы большое количество задач. По собственной инициативе учительницы, она приходила ко мне и в выходные, и мы занимались от двух до четырех часов. Не было у меня и каникул. Поначалу приходилось трудно. Я одной лишь алгеброй занималась ежедневно по несколько часов. Часто ложилась спать глубоко за полночь. В те времена поспать мне удавалось не более пяти часов, так как преподаватель приходила к нам уже к восьми утра, чтобы позаниматься со мной перед своей основной работой в школе.

В то время моё обучение контролировала сама заведующая РОНО, что меня очень радовало. Журнал с оценками велся исправно и находился постоянно на моем столе. Поначалу в этом школьном документе нередко оказывалась оценка по алгебре под названием «удовлетворительно», чего и следовало ожидать, но в дальнейшем ситуация изменилась к лучшему. Решение множества уравнений различной сложности и еженедельные контрольные работы делали свое дело, и в одиннадцатом классе преподаватель давала мне выполнять задания, предназначенные для студентов ВУЗа.

Закончив десятый класс, я попросила преподавателя по алгебре обратиться к руководству отдела образования с просьбой выделить хотя бы час в неделю и для геометрии. Разрешение было получено. Так для меня расширились границы школьной программы. Хотя геометрию я изучала лишь год, она меня увлекла так же, как алгебра. Кроме того, учительница перед каждой новой темой рассказывала мне о каком-то всемирно известном ученом-математике и его открытиях.

Потом также невзначай появится и информатика, но об этом расскажу попозже...

Обучение по остальным предметам особых трудностей не вызывало. Русский язык в программу уже не входил, а для занятий по литературе хоть и пришлось прочесть массу книг, но сочинений и изложений я не писала. Учительница, так же как в прежние годы моего обучения, лишь просила устно изложить прочитанное или ответить на заданные ею вопросы.

Географию и биологию, по моей просьбе, мне преподавала тоже прежняя преподаватель. Правде, она уже была на пенсии, но мне хотелось продолжить обучение именно с ней. Для самой учительницы темы по анатомии человека были новыми, и вот мы с ней вместе разбирали каждую из них. Как-то она мне в шутку призналась, что отчасти теперь сама чувствует себя школьницей...

Однажды в почтовом каталоге я увидела подписку на научно-познавательный журнал, рассказывающий о географии, биологии, математике, литературе, новых высокотехнологических открытиях в мире и т.д. Меня заинтересовало это чудо-издание, и я стала его подписчицей, ежемесячно получая новый иллюстрированный номер. И вот моя учительница перед началом уроков по биологии или географии просила меня рассказывать, что интересного из мира природы или науки удалось прочесть в журнале.

Время от времени мне приходила информация о новостях школы, в которой несколько лет назад я прошла курс «Английский язык для начинающих».

Листая очередной информационный буклет, я обратила внимание на курс «Законодательная азбука», длящийся двенадцать месяцев. Мне захотелось освоить его. Хотя это и не юриспруденция, но все же азы законодательства там будут, поэтому смогу не

только с ними познакомиться, но и понять, стоит ли в дальнейшем посвятить себя делу правоведения.

Стоимость ежемесячного обучения была значительной, потому я понимала, что маме будет не просто его оплачивать. Вскоре после тех событий к нам в гости пришел мой дедушка. Мы разговаривали про мою учебу в одиннадцатом классе, и я между делом рассказала, что хотела бы пройти курс «Законодательная азбука». Через два дня дедушка снова пришел к нам и неожиданно сказал, что, если я действительно хочу изучить азы законодательства, которые могут пригодиться в жизни и помогут определиться окончательно в выборе профессии, то он сам оплатит все месяцы учебы.

Я одновременно и обрадовалась, и удивилась. Дело в том, что дед не воспринимал всерьез мое школьное обучение даже в те далекие годы. Он считал, что нет смысла также учиться дальше, тем более прицеливаться к юриспруденции, так как, по его мнению, юрист из меня точно не получится в силу физических недостатков. Он не одобрял мой упорный, «правдоискательный» характер, считая это настырностью. И вот вдруг именно дедушка действительно оплатил то моё годовое обучение!

Я изучала азы правовой грамотности с большим интересом. Материал старалась осваивать в промежутках между основными школьными занятиями. Спать приходилось по три часа. Курс был пройден хорошо, все проверенные преподавателем задания получали «отлично». Кроме всего прочего, я поняла, что юриспруденция – это мой путь в мире профессиональной деятельности.

15. ПЕРВЫЙ ПК И ВСТРЕЧА С ИНФОРМАТИКОЙ

За пару месяцев до начала обучения в одиннадцатом классе, по инициативе директора неполной средней школы, от которой я обучалась на протяжении девяти лет, от имени всех преподавателей было написано коллективное письмо одному состоятельному человеку, приехавшему работать в наш район. Он зачастую помогал людям финансово, особенно, если проблема была связана с оплатой лечения. В письме учителя рассказали обо мне, о причинах, побуждающих меня продолжать обучение, и пояснили, что для более успешного развития и предполагаемого обучения в ВУЗе мне необходимо иметь персональный компьютер. Но эта вещь для

нашей семьи слишком дорогая и непосильна для приобретения даже в кредит. Для меня такой поступок моих педагогов был полной неожиданностью, а что касается компьютера, так я даже не мечтала о нём.

И вдруг меценат вскоре приехал познакомиться и пообщаться со мной. При разговоре я призналась, что ровным счетом ничего не смыслю в компьютерах. На это мой собеседник с улыбкой ответил, что разобраться с этим несложно.

Конечно же, потенциальный спонсор хотел лично от меня узнать мои планы на будущее, особенно всё, касающееся профессионального обучения и предполагаемой профессиональной деятельности. Мои идеи ему понравились, и он принял решение купить мне компьютер, что и произошло вскоре...

Мне был подарен один из самых дорогих по тем временам офисный персональный компьютер, вместе с лазерным принтером. Единственное, что пришлось купить родителям в кредит, это – жидкокристаллический монитор. Нам повезло, что нашелся специалист, который этот компьютер подключил. Так совпало, что в то время в нашей деревне отдыхал один программист, он и согласился помочь.

Компьютер – такая вещь, которую совершенному новичку освоить за пару дней, конечно, невозможно. Но дорогому добродетелю, подарившему мне «железного друга», я пообещала познакомиться с ним в кратчайшие сроки. Потому ежедневно после основной учебы сидела перед монитором, читая два самоучителя по азам компьютерной грамотности.

Через полтора месяца при помощи этих самоучителей я уже могла самостоятельно настроить работу операционной системы и обращаться с базовыми программами. Стало интересно, а можно ли в мой школьный учебный план добавить изучение информатики, которая тогда становилась необходимой при обучении в вузах. С этим вопросом я обратилась к учительнице алгебры, которая в ответ пообещала переговорить об этом с заведующей РОНО.

За неделю вопрос был решен. Оказалось, что в школе недавно начала работать учительница информатики, которая вскоре и стала преподавать мне её на дому. Согласно общеобразовательной школьной программе, ребята изучали информатику несколько лет,

но мне предстояло как-то охватить этот объем за один учебный год...

По моему графику занятий информатика была не каждый день, и мне приходилось к каждому занятию готовить по две-три темы, делать по ним задания и пересказывать материал в устной форме, отвечая на вопросы учительницы, а также выполнять задания на компьютере. Информатика оказалась такой увлекательной, что я совсем не ощущала усталости. В результате к концу учебного года мне уже многое было понятно из мира компьютера. Единственное, я не смогла на деле познакомиться с работой Интернета, так как в нашей деревне на тот период не было технической возможности его подключить.

Через три месяца после появления у меня компьютера директор школы обратилась ко мне с просьбой помочь с выпуском школьной газеты, которую она планировала издавать раз в месяц. Хотя у меня почти не было свободного времени, я согласилась. Хотела помочь школе, а кроме того, это была прекрасная возможность познать что-то новое в Word и других программах.

С тех пор, как я стала общаться с чиновниками, отстаивая справедливость, судьба стала сводить меня с журналистами из районной и областной газет.

Редактору районной газеты, замечательной пожилой женщине, приходилось совмещать со своей должностью и работу журналиста. С ней мы очень быстро подружились. В дальнейшем она даже стала обучать меня азам верстки газеты, при этом мне нужно было сверстать школьную газету, используя только имеющуюся у меня программу Word. Еще приходилось умудряться вставлять соответствующие текстам картинки, которых в программе самого компьютера имелось мало, а взять их из Интернета при его отсутствии было невозможно.

В мои задачи входило набрать текст, который писали школьники, сверстать его и выпустить на своем принтере. Помню, что первый опыт был очень сложным. Программа упрямо ставила текст не так, как требовалось правилами журналистики. Работать с одной страницей приходилось не менее двух часов. Но тем не менее, начиная с 7 января 2005 года, стала выходить наша еженедельная газета, заметки в которую писались самими учениками.

16. АТТЕСТАТ О ПОЛНОМ СРЕДНЕМ И НЕОЖИДАННЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Учась в одиннадцатом классе, я познакомилась с руководителем того класса, к которому была прикреплена. Эта женщина специально приехала на рейсовом автобусе ко мне, преодолев расстояние в 60 километров...

Ближе к концу учебного года произошла и моя личная встреча с заведующей районного отдела образования, пришедшей вместе с коллегами со мной познакомиться. Так мы впервые увидели друг друга. После очного общения с ней стало радостно от понимания, что существуют руководители, которые трудятся во благо людей и которым не нужно знать человека лично, чтобы проявить к нему понимание и сердечность.

На этот раз я приняла приглашение на выпускной вечер, на который ездила на машине с родителями и с одной из учительниц. Свой аттестат о полном среднем образовании мне очень хотелось получить из рук человека, благодаря которому всё это стало возможным. Безусловно, тем самым человеком была заведующая РОНО. Всегда буду благодарна ей за то, что она с пониманием отнеслась к моему желанию, к моей мечте.

10 июня 2005 года она приехала вручить мне документ об образовании в кругу учителей, классного руководителя, редактора районной газеты, которая для всех присутствующих, по моей просьбе, написала благодарственные стихи. Каждое посвящение было красиво оформлено мной лично. К сожалению, в этот день не смог приехать человек, подаривший однажды компьютер.

Момент вручения аттестата для меня навсегда останется одним из самых памятных моментов жизни. Заведующая РОНО вручила его, произнося добрые слова в мой адрес, а по щекам её текли слезы радости. Взяв в руки этот поистине выстраданный документ, я была удивлена собственным чувством. Раньше мне думалось, что, получив аттестат, я испытаю радость и душевное облегчение,

что желаемая цель достигнута. А на деле вместо облегчения неожиданно почувствовалась глубокая усталость, накопленная за эти два года, и вместе с тем понимание, что в жизни все преодолимо. Главное – поставить цель и смело идти к ней.

После вручения аттестата директор школы прочла обо мне стихотворение, которое сочинили сами учителя. В нём рассказывалось, как я училась эти два года. Стих содержал строки приглашения на работу в школу... Поначалу мне было непонятно, к чему это. Закончив прочтение стихотворения, директор школы сказала, что я менее чем за учебный год смогла стать с компьютером на «ты», поэтому педсовет принял решение принять меня с нового учебного года на должность педагога дополнительного образования. Мне предлагалось стать руководителем детского компьютерного кружка по выпуску школьной газеты.

Я не верила своим ушам! Но по одобряющей улыбке заведующей РОНО убедилась, что всё верно, и меня с первого сентября ждут в школе в качестве коллеги.

Вот так завершился важнейший этап моей жизни, в котором огромная заслуга принадлежит именно заведующей районным отделом образования. Благодаря ее человечности я получила путевку в новую жизнь... Именно она – первый руководитель, с которого я взяла пример, как нужно относиться к своему служению, когда ты работаешь с людьми.

17. РАБОТА В ШКОЛЕ

После получения свидетельства о полном среднем образовании я вскоре узнала, что в райцентре есть филиал одного из частных московских вузов, где обучение происходит дистанционно. Вот и поступила туда на юридический факультет. Приобретя в институте учебную литературу, я несколько разочаровалась, поскольку учебник оказался весьма тонким, какую дисциплину не возьми. Но выбора не было. Осенью начала учиться и работать в школе педагогом дополнительного образования.

Моё оформление на работу, разумеется, происходило по всем правилам. Вначале прошла в райцентре медико-социальную экспертизу для получения разрешения работать при наличии инва-

лидности. Затем было необходимо посетить ряд врачей и для получения допуска на работу в образовательное учреждение непременно сделать необходимые прививки, несмотря на имеющийся у меня от них медотвод. Но я была твердо настроена на работу и поэтому согласилась на вакцинацию.

С каждым днем, приближающим начало учебного года, мне становилось все волнительнее. Ведь в детский сад и школу я практически не ходила, и опыта взаимодействия с детьми было мало. Но я понимала, что к любому человеку надо просто относиться искренне и сердечно. Это и есть самое главное в общении.

Настал мой первый рабочий день. Отец привез меня в школу на машине и помог подняться по лестнице на второй этаж, где располагался компьютерный класс. В помещении обнаружилось четыре стареньких персональных компьютера, что для сельской школы было очень даже неплохо по тем временам. Отец помог мне снять верхнюю одежду, присесть на стул и тут же уехал. Я осталась в классе одна, ожидая директора школы, которая накануне пообещала прийти и представить меня детям, записавшимся на кружок, но она так и не появилась.

Вот и пришлось мне самостоятельно знакомиться с ребятами. Мы жили с ними в одной деревне, но я их не знала. Первая встреча прошла хорошо. Правда, когда я поняла, что директора не будет, у меня даже ладони от волнения вспотели, а мысли путались в голове. Но переживала я напрасно, так как с первых минут общения взаимопонимание со школьниками возникло сразу. А запыхавшаяся директор все же появилась в классе, когда занятие нашего кружка уже подходило к концу. Она объяснила, что совсем заматалась и упустила из вида обстоятельство, что у меня сегодня первый рабочий день.

Я стала работать три раза в неделю, проводя двухчасовые занятия с ребятами с третьего по девятый класс. Постепенно росло число желающих заниматься в моем кружке по выпуску школьной газеты, а так как персональных компьютеров было мало, то дети сидели за ними по очереди. Ребят увлекало написание статей о жизни в школе и деревне. Они сами набирали на компьютере тексты, а в дальнейшем освоили даже их распределение в колонках и

рамках в программе Word, как это требовалось по правилам журналистики.

Наступил день получения моей первой зарплаты – 350 рублей 5 копеек. На что я её потратила?

Ещё в детстве подметила, что моя мамочка очень любит вафли, и тогда я ей пообещала, что на свою первую получку куплю ей столько вафель, что они будут занимать большой чемодан! Я так и поступила! К сожалению, в тот день мамы не было дома. Она лежала в больнице, но по возвращению её ждали заполненные вафлями кухонные шкафы. Поначалу я думала, что моих денег на такой сюрприз не хватит, но даже после того, как я скупила нужные лакомства в трех продуктовых магазинах деревни, деньги еще оставались, а вот вафель даже чуть-чуть не хватило, чтобы был «целый чемодан».

К работе в школе я привыкла быстро. Она мне нравилась. Радовало также отношение детей к занятиям, их ответственность, желание узнавать новое и вежливость. Когда отец привозил меня на «Жигулях» на работу, кто-то из ребят непременно уже ждал на улице, чтобы помочь открыть входную дверь, а другие дети стояли у компьютерного класса. Снять верхнюю одежду мне помогала одна молоденькая учительница, с которой мы были почти сверстницами и росли в одной деревне, а вот познакомились только уже при моей работе в школе.

Случилось, что отцу понадобилось лечь в больницу на три недели. Это означало, что меня некому будет возить на работу. Директор школы разрешила на этот период заниматься с ребятами прямо дома на моем компьютере. И они приходили к нам в гости.

Пришла зима... В тот памятный день было около 20 градусов мороза, но при этом уроки в школе не отменялись. Я, как обычно, собиралась на работу. Неожиданно позвонила директор, сообщив, что в расписании произошли изменения, и занятия моего кружка перенесены на час позже. Она пообещала оповестить об этом и учеников. И вот когда папа привез меня в школу, многие учителя уже расходились по домам, детей тоже не было видно. Я сидела в классе и ждала моих кружковцев, не понимая причины их отсутствия. Ведь прежде они даже не опаздывали. В кабинет заглянула директор, которая в тот момент вспомнила, что расписание работы

компьютерного кружка так и не поменяли! Оказывается, ребята ждали меня в обычное время, а теперь разошлись по домам... Спыхватившись директор просила меня не переживать. Мол, она найдет способ передать детям, что я их жду.

Трое учеников пришло где-то через полчаса... Надо сказать, что к тому времени я сильно замерзла. Но причины холода в моем классе не понимала, ведь школа хорошо отапливалась. А на том занятии ребята вынуждены были заниматься даже в верхней одежде и шапках.

Настал момент, когда я почувствовала, что продрогла так сильно, что от холода даже свело скулы, а пальцы на руках посинели... Решила прекратить занятия и попросила детей сходить уведомить директора о невозможности работы в таких условиях, когда в кабинете при дыхании изо рта идет пар... Но её на месте не оказалось, а мобильная связь в деревне в то время работала из рук вон плохо...

Наконец за мной приехал отец. Перед уходом я окинула взглядом окна класса. Они были покрыты льдом даже изнутри. Домой приехала совершенно продрогшей, сразу попила горячего чая и постепенно начала согреваться. Утром проснулась из-за того, что было сложно дышать. Голова гудела, а ладони были влажными от пота. Промучившись с насморком и головной болью всю субботу, на следующий день попросила отца отвезти меня к врачу, так как в то воскресенье в райцентре принимал лор, работающий в соседнем районе.

Осмотрев меня, доктор спросил, где я же это смогла получить такой сильный двухсторонний гайморит? Ответила, что на работе. Врач был удивлен. Глубоко вздохнув, он прописал мне лечение, которое нужно было проводить сельским фельдшерам.

Вернувшись домой, я передала медицинское назначение маме, которая сразу перезвонила тому врачу. Застав его, она спросила, почему он не предложил мне лечь в стационар? Доктор согласился, что мне действительно следовало бы лечь в больницу, но там нет мест. Он попросил перезвонить через неделю, если мне не станет лучше.

Состояние моё ухудшалось с каждым днем. Инъекции антибиотиков не помогали. Росла температура. Дойдя до +38,5 градусов,

она не понижалась. Мама, как было условлено, перезвонила лору и описала моё состояние. Врач сказал, что на днях освобождается палата, где мама сможет находиться со мной круглосуточно.

Привезли меня в больницу уже совсем обессиленную. Началось лечение. Рентгеновский снимок носовых пазух показал, что прокол делать нельзя. И меня стали лечить инъекциями сильных антибиотиков, но из-за отсутствия положительной динамики их дозу увеличили до пяти кубиков три раза в день. Лишь на пятые сутки температура снизилась до +37,7.

Через неделю пребывания в стационаре, когда я стала чувствовать себя значительно бодрее, неожиданно на мобильный телефон мне позвонила директор школы. Она сообщила, что через пару дней школу посетит делегация из ЮНЕСКО, и я должна бы быть на этой встрече. Поначалу мне было непонятно, какая связь между мною и ЮНЕСКО, но директор напомнила про сочинения, которые год назад писали все ученики, в том числе и я. Необходимо было кратко поведать о себе, рассказать, кем хочется стать... Я тогда искренне поделилась своей судьбой и стремлением получить юридическое образование. Все сочинения были отправлены в департамент образования области. Моё признали одним из лучших и вывесили на стенд... Плюсом была и моя нынешняя работа в школе. Всё это заинтересовало делегацию, вот её члены и захотели со мной лично познакомиться.

Выслушав начальницу, я, в свою очередь, поинтересовалась, найдена ли причина того ужасного холода в классе? Оказалось, что работники не только забыли закрыть форточку, но даже не утеплили окно на зиму. Сейчас раму забили ватой, на что ушел целый тюфяк.

Утром я спросила у лечащего врача, можно ли мне на один день уехать домой? Врач удивился моей просьбе. После того, как мама объяснила ему ситуацию, доктор предупредил, что мне совершенно нельзя мёрзнуть, так как это опасно для жизни. Он вообще скептически отнесся к идее покинуть больницу, так как хоть мое состояние и улучшилось, оно было далеко не стабильно.

Мы с мамой посетовали, что мое отсутствие в школе может подвести педагогический коллектив. Только тогда лор согласился отпустить меня на денёк с условием, что мне будут ставить все

нужные уколы, а делегация, если у неё такое большое желание познакомиться со мной, пусть навестит меня дома, ибо мне отправляться в школу он категорически запрещает. Так и договорились.

Приехав домой, мы согласовали ситуацию с заведующей районным отделом образования. Решено было ожидать членов делегации у нас дома в полдень.

Гости появились в назначенное время. Среди них были французы с переводчиком. Иностранцы задавали стандартные вопросы, которые обычно звучат при знакомствах. Одна французенка поинтересовалась моей зарплатой. Я честно ответила, что первые три месяца получала 350 рублей 5 копеек в месяц, а сейчас – 750 рублей, так как преподаватель информатики отдала мне часы своего кружка. От услышанного французенка даже ахнула, сказав, что такая зарплата – ужасная несправедливость по отношению ко мне. Директор школы, не дав мне продолжить диалог, сама ответила, что это из-за того, что работаю в бюджетной сфере. Ещё немного пообщавшись и распрощавшись со мной, члены делегации отправились в путь по другим деревням.

После уезда гостей уже стало смеркаться, и мы с мамой решили отправиться в больницу рано утром, так как добираться туда предстояло 60 км на машине, преодолевая ледовую переправу. Лекарственных препаратов было достаточно.

Ближе к вечеру снова раздался телефонный звонок. Трубку взяла мама. Ей сказали, что я виделась не со всеми представителями делегации ЮНЕСКО, на которых встреча со мной произвела большое впечатление. Мол, один человек, узнавший от них мою историю, тоже очень желает встретиться. Через четыре часа этот пожилой седовласый мужчина был у нас в гостях. Он предварил беседу словами, что рассказ коллег обо мне его поразил. Гость сообщил, что является руководителем организации, занимающейся лечением детей, пострадавших из-за взрыва на Чернобыльской АЭС. Врачи этой организации прошли обучение определенным методикам в Германии. Кроме прочего, они довольно успешно лечат детский церебральный паралич, а маленьких детей даже ставят на ноги.

Он сказал, что понимает, что я уже не ребенок, но все равно приглашает приехать к ним пройти курс лечения. Также он добавил, что врачи Центра обучают мам точечной терапии, которую те могут в дальнейшем проводить своему ребенку уже самостоятельно.

Лечение платное. Очередь в Центр большая... Но попытаться стоит. Гость попросил маму дать ему копию моей медицинской карты, чтобы показать её коллегам с целью постановки меня на очередь.

Мама дала выписки из областной детской больницы, а возможности предоставить более подробную информацию у нас не было. Дело в том, что несколько лет назад сельский фельдшер сообщила маме, что главный врач районной больницы попросила ее привезти мою медкарту, которая велась в медпункте, можно сказать, с первых дней моего рождения. Фельдшер и отдала этот документ главному врачу из рук в руки. Больше карту она не видела...

В дальнейшем я делала письменный запрос по поводу моей медицинской карты в район, в областной департамент здравоохранения. И удивительное дело – нигде её не нашли. Не было даже данных регистрации получения документа! Бесследно исчезла моя карта и из районной поликлиники...

18. ОКСАЛИС ИЗ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Через две недели после вышеописанных событий нам позвонил из Брянской области наш недавний гость, чтобы уведомить о возможности начала моего лечения в их Центре через неделю. Это известие стало для нас неожиданностью, так как предполагалось, что ждать придется не менее трех месяцев.

На тот момент у нас не было денег для оплаты лечения и съемного жилья (у Центра не имелось своего жилфонда). А ведь также требовалось купить и билеты на поезд! Когда наш педколлектив узнал об этом, коллеги сами собрали для меня часть необходимой суммы.

По прибытии в назначенный день нас у вокзала ждал автомобиль, который отправил лично руководить Центра, чтобы отвезти нас с мамой на съемную квартиру, подобранную заранее.

Квартира оказалась просторная, весьма удобная, а, главное, она располагалась в 10 минутах ходьбы от Центра. Мы приехали без кресла-коляски, потому и оно было выделено мне на время пребывания на лечении. У меня появлялась возможность даже гулять по городу.

Первый день посещения Медцентра оказался весьма своеобразным. Доктора встретили нас с мамой не очень-то дружелюбно. Одна врач сразу заявила, что, посмотрев мои медицинские выписки, уведомила руководителя, что мне в их заведении делать нечего, так как здесь не лечат взрослых. Оказалось, что в ответ на её заявление начальник стукнул кулаком по столу и сказал, что придется лечить через «невозможно».

Правда, уже через пару дней отношение к нам потеплело. Все стали приветливыми и заботливыми.

Со мной занималось два лечащих врача. Одна делала точечный массаж, которому одновременно обучала маму, чтобы выполнять его и дома. Вторая лечила при помощи техник остеопатии. Вскоре в моем состоянии была замечена положительная динамика. Это порадовало и одновременно удивило докторов, поскольку, несмотря на мой уже не детский возраст, организм неплохо реагировал на лечение.

Было обращено внимание и на мой позвоночник. По словам невролога, за все годы работы такой ужасной спины она не встречала. И тут я тоже «увидела» свою спину на снимке... На позвоночник действительно было страшно смотреть. Позвонки вылезли наружу и торчали вразнобой. При этом некоторые ушли в сторону. Кожа в районе поясничного отдела была бордового цвета. Нельзя сказать, что я раньше не жаловалась на боли в спине, особенно в поясничном отделе. Они преследовали меня уже много лет. Порой просто невозможно было терпеть этот по ощущениям «раскаленный утюг» на спине. Приходилось задерживать дыхание, чтобы хоть чуточку отдохнуть от жжения. А обезболивающие препараты я не принимала.

Вспомнила, как однажды давно, находясь на приеме у травматолога, я сказала ему про проблемы с позвоночником. Доктор, осмотрев спину, произнес, что ничего нет страшного. Мол, это у

меня профессиональное. Вот таким был ответ человека с высшим медицинским образованием...

Одна из врачей Центра посоветовала, что раз мы едем домой через Москву, то стоит попробовать проконсультироваться в одной из остеопатических клиник столицы. Мол, там работают грамотные специалисты, у которых она сама училась. За неделю до нашего отъезда мама дозвонилась в ту клинику и записала меня на прием.

Пребывание в Брянской области радовала теплым климатом. Мы выехали из дома закутанными, так как у нас в марте ещё лежит снег и случаются заморозки, а там окунулись в настоящую весну. Всё уже начинало цвести, сияло солнышко, и физически мне стало намного лучше: начало снижаться напряжение в мышцах конечностей, стало проще двигаться... Нос дышал свободно, и я позабыла о лекарствах, прописанных прежде лором.

У нас поначалу даже возникла идея переехать туда на постоянное местожительство, но врачи отговорили, ссылаясь на зараженность местности после аварии на Чернобыльской АЭС. Они вспоминали, как сложно приходилось в то время, когда никаких лесных или огородных даров нельзя было употреблять. Даже во время нашего посещения все питались привозными овощами и фруктами.

Таким образом, этот чистый, уютный городок, все ещё хранил боль страшной трагедии, о которой напоминали лишь иногда встречаемые черные деревья без признаков жизни...

В момент нашего пребывания в Центре пришло известие о скоростижной смерти младшего брата мамы, проживавшего в одном из городов нашей области. Выехать на похороны из-за отсутствия железнодорожных билетов было невозможно, да и прерывать лечение, на которое люди собирали деньги, не было смысла. И мы приняли решение съездить туда на сороковой день дядиноного ухода в Вечность, уже после возвращения домой.

Наступил последний день терапии. Врач-osteopat на прощание из рук в руки передала мне ее любимый цветок – Оксалис, который ласково именовала «бабочкой». Она сказала, что это растение всегда чувствует своего хозяина, и я по одному его внешнему виду

всегда буду знать о своём здоровье. Он мудро подскажет. Те слова я небрежно пропустила мимо ушей. А зря...

Забегая вперёд, поделюсь удивительным случаем, касающимся моего нового зеленого друга. Когда мы везли цветок из Брянской области, один из двух его стебельков переломился и почернел в месте повреждения. Мама испугалась, что он может погибнуть. Оказывая срочную «неотложную помощь» хрупкому растению, она аккуратно привязала к сломанному стебельку палочку. На удивление он вскоре сросся. Через пару недель, уже будучи дома, я смотрела по телевизору Пасхальную службу. Мой Оксалис стоял неподалеку на письменном столе. Из земли совсем недавно показался новый росточек. Его листики были еще маленькими, но за время, пока шла служба, они выросли, можно сказать, на глазах! Пасхальным утром, когда цветок раскрылся, тот самый росточек был уже крупным и крепеньким...

Вернусь снова к событиям в Брянской области. Попрощался с нами лично и руководитель Центра. Он искренне поинтересовался, как обстоят мои дела с высшим образованием? Я призналась, что оставила институт по причине невозможности добираться туда во время сессии из-за отдаленного моего проживания и разлива реки.

Собеседник уверил, что наперекор всем обстоятельствам необходимо получить хорошее образование, которое в будущем позволит заботиться о себе также в плане лечения, которое, по большей части, происходит на платной основе. Я пояснила, что оставила обучение временно, и планирую найти теперь уже государственный ВУЗ с дистанционной формой обучения, чтобы в конце концов получить такую желанную для меня профессию юриста.

19. ОСТЕОПАТИЯ

На пути домой, до вечернего поезда в Москве у нас оказалось достаточно времени, чтобы побывать на консультации у остеопата. Как только мы вышли с вокзала, нас начали буквально атаковать частные таксисты. К счастью, мир не без добрых людей, и какой-то пожилой гражданин помог нам с верным выбором машины за умеренную плату.

Холл клиники приятно удивил своей обстановкой. Администраторы оказали приветливый прием. Мы с мамой расположились на кожаном диване, и нас угостили чаем.

В назначенное время зашли в указанный кабинет. За столом сидел худощавый врач лет тридцати, который поприветствовал нас и предложил присесть. Беседа поначалу велась с мамой. Звучал стандартный набор вопросов. Посмотрев на меня, доктор со вздохом отметил, что из-за моего уже не детского возраста нет гарантий, что организм хорошо отреагирует на остеопатическое воздействие, но, тем не менее, предложил меня осмотреть. Он пригласил в кабинет свою коллегу. Ею оказалась женщина с короткой стрижкой и такой располагающей улыбкой, что я сразу почувствовала, что ей могу полностью довериться.

Меня положили на массажный стол. Начался сеанс. Принимавший меня врач попросил свою коллегу начать работать с моей головой, а сам начал с живота. Человек, впервые столкнувшийся с остеопатией, может поначалу подумать, что всё это – надувательство, ибо врачи только лишь прикладывают свои ладони к определенным телесным зонам и будто бы ничего больше при этом не делают. Но это не так. Безусловно, остеопатия – не панацея от всех болезней, которой и в принципе-то не существует... У каждой лечебной методики имеются свои плюсы и минусы, и ко всему надо подходить взвешенно. К моменту того диагностического сеанса в Москве я уже была знакома с техниками остеопатии, которые применялись в процессе лечения в Центре Брянской области. Но даже меня удивило ощущение, возникшее после того, как та самая женщина-врач положила руки мне под голову, а ее коллега просто прикоснулся ладонью к моему животу. Поначалу я почувствовала внутри себя волну тепла, растекающуюся от макушки до кончиков пальцев ног, затем через несколько секунд моя спина приподнялась, и получился «мостик». При этом все тело стало словно «пластилиновым».

В конце осмотра врачи уделили особое внимание и моему позвоночнику. Был сделан вывод, что проведенный сеанс показал способность моего организма на положительную динамику, и можно попробовать провести два курса лечения, состоящих из

восьми процедур. Правда, для эффективности необходимо сеансы не реже раза в неделю.

Снимать жилье и жить весь этот период в Москве было, конечно же, очень дорого. Дешевле – приезжать в столицу. Вот мы и начали еженедельно отправляться из нашей деревни в московскую клинику, благо, что было лето, и не возникало проблем с переправой через реку.

Финансовая ситуация была невероятно сложной. Один сорокаминутный сеанс в ту пору стоил около двух тысяч рублей, а мне за один раз проводили сразу по два сеанса. Кроме прочего, необходимы были деньги на железнодорожные билеты. Потому те недели лечения превратились в кошмар. Постоянно приходилось думать, где взять средства... Просить у односельчан, которые сами – люди далеко не состоятельные, не позволяла совесть. Приходилось обращаться к предпринимателям. Кто-то помогал, кто-то отказывал... Самый запоминающийся отказ я получила от одной женщины – Главы администрации района, которая аргументировала его тем, что, по её мнению, детский церебральный паралич – заболевание неизлечимое, и она не видит смысла тратить на это деньги.

Меня бы не так ошаршил подобный ответ человека, не сведущего в медицине, но у нашей Главы был самый настоящий диплом врача! Выходило, что при неизлечимом заболевании ты совершенно не имеешь права на поддерживающую терапию!

Один раз пришлось попросить деньги на билеты у человека, купившего мне когда-то персональный компьютер. Чувствовала себя я очень неудобно, но через пару дней необходимо было ехать на очередной сеанс, а денег мы найти не смогли. Он сразу помог. Больше я к нему уже не обращалась. Было неловко...

Еженедельные поездки превратились в каторгу не только из-за катастрофической нехватки денег, но и сопутствующих обстоятельств. До поезда из нашей деревни приходилось добираться полтора дня. По приезде зачастую нужно было преодолевать длинный перрон вокзала пешком. Хоть родители и придерживали меня, но все равно это было мукой, особенно в жару.

Конечно, для маломобильных пассажиров на вокзалах имеется услуга по оказанию встречи с доставкой к вагону поезда инвалидного кресло-коляски. Но, к сожалению, чаще всего это прописано

только на бумаге. На деле – начальник поезда при каждой нашей поездке заранее сообщал на вокзал, что меня необходимо встретить, но помощь приходила далеко не всегда...

В клинике моим лечащим врачом стал тот самый мужчина, с которым мы общались при первой встрече, а помогала впоследствии ему коллега, но уже не та, которая участвовала при моем начальном осмотре и мне очень понравилась. Условно назову этих моих докторов Романом и Ольгой...

С каждым сеансом, хоть и очень медленно, состояние моего тела улучшалось. Был сделан рентген позвоночника. Посмотрев снимок, Роман определил, что мышцы работают неправильно, позвоночник сильно сжат и изогнут, и это обстоятельство привело к потере роста примерно на 12 сантиметров. По его мнению, мой рост должен был бы быть около 164 сантиметров.

После каждого полуторачасового сеанса мое тело начинало ныть. Боль в мышцах конечностей и спине не позволяла делать лишних движений. Встать было практически невозможно.

Я старалась просто лежать на спине. Интересным для самой себя было, что с первых остеопатических сеансов я начала чувствовать своё тело как бы изнутри, ощущать даже кровотоки по сосудам. Врачам я могла совершенно точно сказать, как отреагировала та или иная мышца или сосуд в тот момент, когда проводилась определенная манипуляция. Подобное ощущение собственного тела помогало не только остеопатам понять, что в действительности происходит со мной в процессе терапии, но и научило меня отличать «хорошую» боль от «плохой».

«Хорошая» боль имеет теплое воздействие на весь организм. Тебе кажется, что в определенной части тела больно, тянет, но, прислушавшись к себе, понимаешь, что так тело словно бы само себя восстанавливает, по миллиметру перестраивая работу мышц, сосудов, связок на анатомически правильное положение.

Думаю, что человеческое тело себе самому не навредит. Оно хочет жить, и любая манипуляция, связанная с восстановлением, идет на пользу. А вред состоит в том, когда нет веры в силу и мудрость собственного организма. Происходит мысленная блокировка его ресурсов, имеющих огромные возможности и потенциал.

Первый курс лечения в клинике завершился довольно успешно. Начиная с пятого сеанса, я стала пытаться стоять и ходить в самодельных ходунках, где основная опора позвоночника была на предплечьях. (Ходунки, продающиеся в медтехнике, мне не подходили). В итоге мой позвоночник стал значительно лучше, прямее. Постепенно начали исчезать бордовые пятна на выпирающих позвонках. Правда, мышцы спины были всё ещё слабыми.

Второй курс лечения предполагал приезды в Москву один раз в месяц, что очень нас обрадовало. А восьминедельная жизнь в поездах осталась позади...

20. ДОМ ЧЕЛОВЕКА ТАМ, ГДЕ ЕМУ УЮТНО И БЕЗОПАСНО

Начался новый учебный год. Я продолжала работать педагогом дополнительного образования, но, по просьбе директора, теперь занималась не только с детьми, а также и с педагогами, поскольку не все из них на ту пору умели обращаться с компьютером. Вот я и помогала им получить необходимые азы компьютерной грамотности, навык которой становился в любой профессии все более актуальным.

Зимой снова попала в больницу с тяжелой формой гайморита. На этот раз его получила по той же причине, что и ранее, – окна в моем классе не были как следует подготовлены к морозам.

Дома дней десять пролежала с температурой +39 градусов, при этом фельдшер лечила меня от ангины. Замечу, что заболела я накануне нашего отъезда в остеопатическую клинику, запланированного согласно схеме моего лечения. Маме пришлось звонить лечащему врачу Роману, чтобы узнать, примут ли меня там с температурой. Ответ был положительным. Кроме того, маму уверили, что в клинике помогут улучшить мое состояние здоровья. Но буквально за день до поезда мне стало настолько плохо, что начались даже потери сознания. Родители срочно повезли меня на прием к лору в соседний район. После осмотра врач возмутился неправильной постановкой диагноза, что и привело к таким ужасным последствиям. О поездке в Москву не могло быть и речи...

Железнодорожные билеты были сданы, а меня положили в больницу под капельницу... Снова началась в буквальном смысле

борьба за мою жизнь. Новый гайморит, осложненный неверным лечением, оказался агрессивнее прежнего. Так как проколы делать было нельзя, то вновь последовали огромные дозы антибиотиков. Состояние моё долго не улучшалось. Трижды собирался врачебный консилиум... Полегче стало недели через две, когда начала снижаться температура, и воспалительный процесс в носоглотке уменьшился. Пребывание в больнице продлилось месяц. Выписали меня, сильно похудевшую и обессиленную, со все ещё не нормализовавшейся температурой (+37,5 градусов).

Оказавшись дома, я позвонила Роману и объяснила, как себя чувствую, рассказав и про повышенную температуру. В ответ услышала, что такое положение дел с температурой опасно. Врач назначил мне новый сеанс. В Москве я как-то сразу почувствовала себя покрепче. Перестали потеть ладони, и утих шум в голове... Во время остеопатического сеанса врачи Роман и Ольга также занялись проблемами, вызванными гайморитом. Домой я приехала уже без каких-либо признаков болезни с нормальной температурой.

Третий курс остеопатии мне предстояло проходить, приезжая на него уже раз в два месяца. Могу отметить, что с момента начала лечения очень медленно, но верно начались улучшения в моем организме. Все реже возникали и жгучие боли в поясничном отделе позвоночника. Меня всегда озадачивало, почему мой позвоночник и осанка все же иные, чем у людей с диагнозом «детский церебральный паралич»? Ответ не получала даже от докторов...

Между врачом и пациентом непременно должны быть взаимопонимание и доверие. Именно это лежит в основе успешного процесса лечения. Вот такие отношения поначалу сложились и у меня с московскими врачами. Мне казалось, что я нашла «своих людей»... Они искренне заботились обо мне, интересовались моими делами и жизнью.

Как-то во время очередного сеанса Ольга спросила, когда же я собираюсь переехать из деревни в город, где у меня теперь есть завещанная дядей, который умер, пока мы были в Брянской области, квартира. Ответила ей, что после его смерти прошел лишь год, да к тому же работаю у себя в деревне... Узнав, что моя зарплата

составляла около тысячи рублей, врач парировала, что такие копейки не стоят моего здоровья и возможностей, которые предполагает жизнь в городе, что, в первую очередь, надо получить высшее образование. Нужно это не только для профессионального будущего, что, конечно, тоже важно, но также и для активизации работы головного мозга, чтобы помочь организму в деле самовосстановления. Обучение чему-то новому – полезнейшее лекарство для любого человека!

С моей мамой на эту тему у врача также состоялся разговор. Так мы и решили переехать в город. Я заранее предупредила директора школы, что думаю уволиться в конце учебного года. Та медлила подписывать моё заявления, прося хорошо подумать о переезде. Но я объяснила, что это – не просто прихоть, а настоящий совет лечащего врача, уверенного, что пребывание в городской среде облегчит мою повседневную жизнь и реально позволит получить высшее образование.

Летом мама со своей двоюродной сестрой, проживающей в том же городе, куда мы намеревались переехать, сделали косметический ремонт в однокомнатной дядиной квартире, наведя в ней порядок. Дядя не был женат и весьма запустил квартиру ввиду своего образа жизни со склонностью к алкоголю, потому и пришедшую в негодность старую мебель тоже пришлось выбросить. Новую мы частично привезли из деревни. Перебраться в город было решено осенью, до завершения сезона речной переправы. Но не очень хорошо подгадали. Вышло, что тем ноябрьским вечером уже образовавшиеся льдины зажали катер и грозили понести его с собой по реке... Борьба капитана и стихии шла несколько часов, но ему удалось освободиться из ледового капкана. В райцентр катер обычно идет минут сорок, а мы переплывались порядка пяти часов...

Отец в тот период лежал в областной больнице. С ним была договоренность, что мы с мамой поживем неделю у брата в райцентре, и, когда папа выпишется из больницы, мы уже вместе на нашей машине отправимся на новое место жительства.

С декабря 2007 года мы стали жить в городе. Мебели у нас тогда почти не было в силу отсутствия финансовых средств. Более года не имелось даже холодильника. Но постепенно приобретались необходимые в хозяйстве вещи. Что-то покупали так, что-то

в кредит. В нашей квартире не было чего-то сверх модного, но именно там с первого дня я по-настоящему ощутила себя «дома», то есть комфортно и защищенно!

Людам порой не понять, почему, приезжая летом в деревню, где я родилась и выросла, мне скоро начинает хотеться обратно в город. Всё просто – дом человека там, где ему уютно, хорошо и безопасно...

Через две недели после начала городской жизни я увидела странный сон:

Большая, наполненная светом комната с окном, в которое заглядывает солнце... Мой взгляд останавливается на красивой мягкой мебели... Я понимаю, что она – наша, которую мы расположили в квартире, принадлежащей дяде. Вдруг дверь открывается, и в неё уверенной походкой, которая как раз и была именно у маминого брата (он выработал её специально после перенесенного в детстве полиомиелита и вынужденного долгого пребывания прикованным к постели), входит сам хозяин квартиры... Я оторопело смотрю на дядю и говорю, что нам передали о его смерти, на что слышу: «Я не умер, а долго болел. Сейчас здоров». Понимая, что это хозяин вернулся в свой собственный дом, я говорю дяде, что с этого момента его квартира мне, конечно же, не принадлежит, а он, оставаясь хозяином в ней, пусть пользуется и нашей мебелью. Беру его руку, вкладываю в ладонь ключи от квартиры...

Тут я проснулась.

Рассказала маме о сновидении. Она подумала и ответила, что, по её мнению, теперь дядя тоже получил «хорошую квартиру», только в другом мире, а сам рад, что и я со своим жильем...

21. РЕПЕТИТОРСТВО

После нашего переезда в город отец устроился работать в детский сад плотником, мама занималась домом, а я по Интернету искала государственные ВУЗы с возможностью удаленного обучения, но находились лишь частные...

Прошел год. Однажды подумалось, что среди круга моих знакомых практически нет никого с юридическим образованием. Решила устранить этот «пробел» и, зарегистрировавшись на юридическом форуме, кратко написала о себе. И мне неожиданно начали

отвечать юристы. Так я познакомилась с мужчиной-адвокатом из Магадана и двумя девушками-москвичками, работающими в сфере юриспруденции, с которыми удалось даже пообщаться вживую, встретившись на вокзале во время моих приездов на остеопатические процедуры.

Каждый из этих людей оставил позитивный след в моей жизни, но особое значение имело знакомство с адвокатом из Магадана. Будучи высококвалифицированным специалистом, он, обратив внимание на меня на Интернет-форуме, сам откликнулся. Благодаря ему у меня сформировался не какой-то отстраненный мифический образ «настоящего юриста», а реальный, жизненный. Я поняла, что юрист должен постоянно повышать свои навыки, уметь работать в разных областях права, быть справедливым и объективным в случае каждого рассматриваемого дела, не взирая на лица, чины и социальный статус.

Я понимала, что одного желания получить юридическое образование недостаточно, поскольку мне в любом случае придется учиться платно, ибо в государственных ВУЗах дистанционного образования не было. В то время большая часть семейного бюджета уходила на моё лечение в остеопатической клинике. И хотя сеансы тогда проводились уже раз в три месяца, с учетом повышения их стоимости и оплаты дороги в Москву все равно требовалась значительная сумма.

Я решила заняться репетиторством на дому и начать обучать взрослых компьютерной грамотности. Попросила отца найти желающих среди работников детского сада. Первой моей ученицей стала воспитательница, которой было уже под 60 лет. Она посещала мои занятия тайно, так как смущалась и не хотела огласки среди коллег. Но постепенно стало расти количество желающих научиться работать с компьютером. Ими в основном были люди сорока лет и старше. Кто-то хотел познакомиться с работой на компьютере просто для себя, а кто-то, чтобы в дальнейшем применить знания на работе.

Заработок я откладывала на будущую учебу. Правда, денежные средства скапливались очень медленно. Мне было совестно брать с учеников значительные суммы, да и профессионального педагогического образования я же не имела. Шел 2009 год, а стоимость

моих услуг равнялась всего десяти рублям за часовое занятие. Были некоторые люди, кто добровольно платил больше. Я старалась не затягивать обучение, и, когда видела, что человек уже вполне себе самостоятельно справляется с проходимыми нами компьютерными программами, занятия прекращала.

Часть свободного времени уделяла своему здоровью. Дело в том, что остеопатическое лечение не ограничивается лишь терапевтическими сеансами. Дома пациент ежедневно должен самостоятельно заниматься, иначе положительной динамики не достичь. С маминной помощью я выполняла упражнения для ног, позвоночника, лежа на полу...

Не оставляла также и поисков государственного ВУЗа, продолжая общение на юридическом форуме. В День юриста, отмечаемый в России 3 декабря, я написала на форуме поздравление всем правоведам в прозе. Через несколько часов на поздравление стихами ответила девушка-юрист, проживающая в Казани. С тех пор мы уже на протяжении долгих лет общаемся онлайн.

За эти годы я познакомилась со многими людьми как по Интернету, так и вживую, но эта девушка остается для меня ближе всех. Она разделяет и радостные, и грустные моменты моей жизни, очень поддержала меня, когда я только начала получать высшее образование, давала профессиональные советы, когда я, будучи студенткой первого курса юридического факультета, только только начала практиковать.

Эта история подтверждает, что доброе человеческое общение не зависит от онлайн или офлайн формы, социального статуса и расстояний.

22. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И СЛЁЗЫ ОКСАЛИСА

Молодой человек, подключивший мне персональный компьютер, подаренный когда-то добрым спонсором, жил и работал в нашем городе, и после переезда мы продолжили общаться. Однажды он рассказал обо мне своим коллегам, и те, в свою очередь, захотели со мной познакомиться. И вот пришли к нам в гости парень с девушкой. Во время общения я рассказала о платном лечении в Москве и о том, что мы с мамой просили помощи у депутатов округа, дважды побывав у них на приеме. Но когда те узнали,

что мы лишь недавно переехали, вместо материальной, да и моральной поддержки услышали: «Зачем выехали из деревни, там бы и оставались!».

Через пару недель новые знакомые неожиданно связались со мной, чтобы взять копию договора на оказание платных медицинских услуг! Оказалось, в тот период в нашем городе проводилась акция, целью которой было доведение до жителей информации о людях, которым необходима финансовая помощь для лечения, и с помощью добровольцев шел сбор необходимых средств.

В течение месяца деньги были собраны и переданы нуждающимися, в число которых вошла и я. Все это произошло благодаря тем молодым людям! Вскоре мне сообщили, что я выбрана для произнесения слов благодарности по местному телевидению всем равнодушным жителям от имени получивших помощь. Я пыталась отказаться, ибо стеснялась говорить перед камерой, но меня убедили в необходимости и важности выступления, и я согласилась.

Видеосъемку решили провести прямо у нас в квартире. К нам приехало порядка десяти журналистов с местного телевидения и из городской газеты. В процессе записи оператор держал камеру в метре от меня. Думала, что от волнения получу сердечный приступ. Но с задачей справилась, собралась и произнесла теплые слова от имени всех благополучателей.

Вскоре после вышеописанных событий мы уехали на лето в деревню, где неважно работал Интернет, но проверять почту все же удавалось. И вот получила я вдруг письмо от незнакомки. Ею оказалась жительница нашего города, увидевшая меня по местному телевидению и захотевшая лично встретиться. После нашего возвращения из деревни она пришла к нам в гости.

Эта женщина оказалась из разряда людей, которые не пройдут мимо человека, попавшего в беду, и постараются ему помочь. Совершенно не зная меня, она сразу проявила заботу, предложив поступить учиться на экономический факультет в ВУЗ, где сама работала. При этом пообещала придумать что-то и с удаленной формой обучения. Но я вежливо отказалась, объяснив, что интересуюсь именно юриспруденцией. Собеседница отнеслась к моему же-

ланию с пониманием. Кстати, мне импонировало, что предлагаемая ею помощь в некотором смысле учила меня самостоятельно, подобно тому, когда в руки дается удочка, а в душу вселяется уверенность, рыбку ты в состоянии выловить сам.

Новая знакомая переговорила с коллегой, владеющей техникой иглоукалывания, попросив ее прийти к нам. Оказалось, что та изучала эту методику на курсах в Москве, правда, не имея при этом медицинского образования. Но я сразу почувствовала её талант в целебном деле и согласилась пройти у нее курс иглоукалывания, а также попробовать лечение акутоной (камертонной терапией). Удивительно, но работала со мной эта женщина совершенно бесплатно! После первого курса у меня проявилась положительная динамика. Хоть очень и очень медленно, но я начала самостоятельно садиться на диване, приподнимаясь из лежачего положения. При прохождении второго курса я стала пытаться ходить по комнате, держась рукой за спинку стула и передвигая его. Лечившая меня женщина попросила заснять это на видео и показать своему врачу-остеопату Роману, который в то время ездил лечить детей и взрослых в наш город, кстати, благодаря нам с мамой.

Дело обстояло так:

Из-за финансовых проблем мы не в состоянии были больше ездить на лечение в Москву, а в других городах услуги по остеопатическим сеансам предлагались в ту пору редко. И вот я позвонила Роману и спросила, не рассматривал ли он возможность иногда поработать у нас, где врачей его профиля ещё не было. Тем самым он бы помогал другим людям и продолжал лечить меня. В беседе выяснилось, что Роман как раз недавно ушел из клиники и стал работать сам на себя, и что такое предложение ему интересно, но необходимо какое-то помещение... Мы активно начали искать выход из положения. Мама ходила в отдел здравоохранения, но там отнеслись к остеопатии равнодушно. В итоге ей удалось договориться с одной помогающей детям организацией, которая и предоставила комнату для остеопатических сеансов. И Роман стал ездить в наш городок.

Видеосюжет, как начинаю ходить со стулом, я показала Роману перед началом очередного сеанса. Но ответная реакция буквально ошарашила меня! Сквозь зубы он пробурчал: «Говоришь, ходишь?

Все люди сначала ползают, только потом начинают учиться ходить. Вот с сегодняшнего и будешь ползать».

Отчего-то, не придав его словам значения, и по-прежнему доверяя ему, как хорошему врачу, я спокойно лежала на массажном столе. И тут началось... Остеопат схватил мою ногу и начал производить какие-то новые, весьма болезненные манипуляции, близко не похожие на привычные мне за долгое время лечения. Он находил болезненные точки и с силой воздействовал на них, говоря, что будет делать ещё больше, пока я не соглашусь, что сначала нужно ползать, а уж потом учиться ходить.

Я была в шоке, но решила, что этот человек никогда не увидит моих слез, тем более, какого-то странного признания его правоты! За час этих жутких манипуляций с моим телом у меня периодически прерывалось от боли дыхание. Надо сказать, что и он был изрядно вымотан... После сеанса я молча при помощи мамы покинула кабинет... Навсегда...

Дома мне становилось хуже с каждой минутой. Сняв с меня одежду, в свой черед в ужас пришла мама. – Мои спина и ноги оказались бордового цвета, все в кровоподтеках. Измерили температуру. +40!

Несколько дней мне пришлось в буквальном смысле отлеживаться... В тот день, когда Роман издевался над моим телом, придя домой мы не узнали мой цветок – тот самый подарок из Брянской области! Еще несколько часов назад он был пушистым, радостно цветущим, а теперь его листочки свисали унылыми тряпочками по бортикам кашпо. Чудо в том, что выправляться он начал, когда мне стало лучше.

После того памятного «лечения» я больше не могла сделать и шага, держась за стул. Мышцы словно окаменели. Ни о каких следующих визитах к Роману не могло быть и речи... Я позвонила в Москву другому, лечившему меня остеопату – Ольге, которая также уже работала вне клиники самостоятельно... Выслушав мою жуткую историю, она пригласила к себе на сеанс. Мы поехали.

После встречи мне стало лучше. Ольга объяснила, что видимо, при причиненной мне Романом боли мышцы перенапряглись, и для их восстановления просто необходимо время.

Мы продолжили посещать Ольгу в Москве, но теперь всего трижды в год. С этим врачом у меня сложились нормальные, доверительные отношения. Она была рада, что, прислушавшись к её советам, мы все же перебрались из деревни в город. Интересовала её и моя судьба, моё образование. Я рассказала о репетиторстве, позволяющем хоть как-то подкапливать деньги на обучение. Поделилась, что знакомая юрист из Москвы сообщила об открывшемся представительстве одного из государственных столичных ВУЗов в нашем городе. Там имелись и юридический факультет, и дистанционное обучение.

Дослушав, Ольга сказала, что с моим крошечным «репетиторским» заработком за учебу не заплатить, а она действительно необходима, чтобы клетки головного мозга активнее работали. Именно это поможет организму как в целом, так и для восстановления опорно-двигательного аппарата.

Неожиданно моя врач добавила, чтобы я поступала учиться в текущем году, мол, она сама будет по возможности помогать финансово. Мои возражения она пресекла решительно, отказов слушать не стала.

23. ИНСТИТУТ

В августе, вернувшись из деревни в город, я попросила отца отвезти меня на встречу с директором представительства московского вуза, о которой была предварительная договоренность.

Подниматься на второй этаж пришлось по лестнице. Отец, конечно же, поддерживал меня.

В приемной нас встретила секретарь. Вежливо поздоровавшись, пригласила пройти в кабинет руководителя, которая меня уже ожидала.

За большим письменным столом, на котором красовался компьютер и пара стационарных телефонов, сидела женщина средних лет. Она, внимательно посмотрев на меня сквозь очки, предложила присесть. Как и подобает руководителю, эта женщина начала беседу по-деловому. В первую очередь ее интересовало, какую специальность я намерена получить. Мой ответ ей понравился. Она заметила, что так как в настоящее время идет активное развитие

компьютерных технологий, то есть большая вероятность, что я смогу в будущем, после окончания ВУЗа работать дистанционно.

Потом в кабинет была вызвана куратор абитуриентов. Когда она появилась на пороге, то пронзила меня таким взглядом, от которого стало не по себе. Познакомив нас, руководитель объяснила, что, пока идет набор студентов, мне необходимо сдать три вступительных теста-экзамена. Если справлюсь, то обучение начнется через пару месяцев.

Мне пришлось рассказать, как сложно было только что подниматься по высокой лестнице. В ответ руководитель сказала, что куратор вполне может приехать к нам домой, зайти с моего компьютера в систему ВУЗа, и таким образом принять тест-экзамен. При этом последняя недовольным тоном возразила, мол, все абитуриенты приезжают в представительство ВУЗа, и нечего устраивать поблажки. Начальница строго ответила, что это не «поблажка», а в моем случае – вынужденная мера.

Затем мы все вместе прошли в кабинет куратора, чтобы та приняла мои документы и назначила день вступительных экзаменов. На прощание директор сказала, что, в случае моего поступления, она лично станет внимательно наблюдать за моей учебой.

В назначенное время ко мне домой действительно явилась та самая куратор. Я сдала 3 теста-экзамена. Скоро пришли ответы об их успешном прохождении.

Когда началось обучение, куратором моей группы была назначена именно та дама, с которой мы встретились в кабинете руководителя, и которая принимала у меня экзамены. Конечно же, на первых порах у меня были вопросы, касающиеся работы в личном кабинете студента, но от неё я получала такие грубые и неинформативные ответы, что обращаться к ней дальше не было смысла, и все возникающие трудности я устраняла самостоятельно методом проб и ошибок.

Особых проблем в ВУЗе у меня не возникало. Учиться было интересно. Настал момент, когда необходимо было справиться с курсовой работой. Только я совершенно не знала, по каким правилам она пишется и оформляется. Но делать нечего, написала и отправила на проверку. Получила «удовлетворительно». Захотелось

исправить допущенные ошибки. Я обратилась через личный кабинет к преподавателю с просьбой позволить мне ликвидировать недоработки, допущенные по причине того, что при домашнем обучении в средней школе учительница русского языка не учила меня писать рефераты. Попутно мне пришлось раскрыть обстоятельства, из-за которых обучалась индивидуально, так как о наличии инвалидности в ВУЗ я не сообщала.

Преподаватель дал день на исправление ошибок, при этом акцентировав на них моё внимание. Мне было сказано, что если работа после доработки будет достойной, то оценка повысится на балл. Это произошло в день моего рождения. Посидев недолго с пришедшими гостями за праздничным столом, я покинула их, чтобы заняться курсовой. В то время для меня учеба была на первом месте. В итоге я получила «хорошо»... При этом в душе испытывала искреннюю благодарность преподавателю за предоставленную возможность исправить работу и за то, что он объяснил мне, как пишутся «курсовики».

Получалось, что со всеми учебными заданиями я справлялась раньше запланированного графика да и экзамены сдавала досрочно. Это давало больше времени для отдыха перед очередным семестром.

Однажды директор пригласила меня в свой кабинет побеседовать. За разговором она осведомилась о моих делах, а потом сказала, что видит, как сложно нашей семье платить за моё обучение, потому она решила половину суммы выплачивать сама. Мне стало очень неудобно при этом, но она отвергла всякие возражения, объясняя, что работает и имеет пенсию, потому может позволить себе оказать мне эту помощь.

Подошел период прохождения практики. Директор заранее уведомила меня, что буду проходить её удаленно в представительстве ВУЗа, и что надо обратиться к куратору насчет оформления для этой цели необходимых документов. Только вот куратор при моём разговоре с ней грубо ответила, что никаких документов не даст, и нечего названивать директору по поводу личных учебных дел... Человеку было не объяснить, что директор сама общается со мной. Общается сердечно, желая быть в курсе всех обстоятельств...

В итоге я прошла практику в ином месте. За отчет по ней получила двойку. В душе мне было очень стыдно перед директором, но незадолго до начала нового учебного года я позвонила ей с просьбой меня принять.

Наша беседа сразу же коснулась больной для меня темы – двойки по практике. Директор была в гневе из-за того, что я ослушалась и прошла практику «на стороне», да ещё и «неуд» по ней схлопотала... Высказавшись, она добавила, что лично читала мой отчет и не понимает, за что же там поставлена «двойка». Мол, есть вероятность сбоя в компьютерной системе, и она позвонит в Москву, чтобы разобраться.

Видя мой потерянный вид, она, смягчившись, уже тихим голосом попросила объяснить, почему я не стала проходить удаленно практику в представительстве ВУЗа, о которой уже были все договоренности, и все нужные документы мне бы предоставили, так как её подчиненные были хорошо осведомлены о моем случае. Мне пришлось признаться, что так сложилось из-за куратора. Директор строго попросила уточнить ситуацию, ибо она должна знать, кто и как у неё работает. И я рассказала, что все три года моей учебы куратор при обращении к ней ничем не помогает, а только грубит в ответ. Что же касается практики, то она сама заявила, что никаких документов мне не даст и вообще запретила обсуждать мою учебу с руководством представительства.

Директор тут же вызвала мою кураторшу к себе. Когда та явилась, ей был задан вопрос, помнит ли она, что директор лично многократно призывала её и других преподавателей оказывать мне помощь в вопросах обучения. Кроме того, понимает ли она, что мне попросту сложно являться в представительство ВУЗа, поэтому многое должно решаться по телефону. Куратор опустила глаза и молча сидела на стуле...

Вскоре один мой однокурсник сообщил, что куратор нашей группы в ВУЗе больше не работает...

Кстати, и с «двойкой» за практику тоже все решилось. Как предполагала директор, она появилась из-за сбоя в системе, то есть в ведомости оценка отобразилась некорректно... И когда вопрос был пересмотрен, то «неуд» превратился в «отлично».

Все последующие практики я бесппроблемно проходила в представительстве нашего ВУЗа.

24. РАВНОДУШИЕ К МАЛОМОБИЛЬНЫМ ЛЮДЯМ ИЛИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ МЫТАРСТВА

Отдельно хочется коснуться проблем, с которыми мы зачастую встречались при поездках.

Ездить в Москву пришлось с 2006 года. Поначалу я сама добиралась от поезда до вокзала с помощью родителей. Когда проводники уже неплохо были знакомы с нами, они начали предлагать вызвать полагающуюся в таких случаях специальную помощь.

Бригадир поезда за 12 часов до прибытия в Москву связывался с вокзалом, прося встретить меня с кресло-коляской, но это случалось не всегда. Порой мне подвозили обычную багажную каталку. Конечно же, она нами отвергалась, ведь я – не багаж, а человек... Иногда на остеопатические сеансы мы с мамой, чтобы сэкономить на билетах, ездили без отца, и тогда приходилось особенно сложно.

Однажды в поезде, как обычно, подошла проводница и спросила, нужно ли через локомотивную бригаду передать на вокзал, чтобы меня встретил работник медпункта. Мама ответила утвердительно. По прибытию никакого лица, ответственного за помощь в перевозках, у вагона не оказалось. Проводница успокоила нас, сказав, что сейчас снова свяжется с медпунктом. Мы вышли на перрон. Подождав немного, я сказала отцу, что нам стоит пойти самим. Мама шла с нами рядом. В тот день уже с утра припекало жаркое солнце. Было душно, но мы потихоньку двигались.

Минут через 15 подошел носильщик с пресловутой каталкой для багажа, уведомляя, что он направлен за мной. Мне снова пришлось напомнить, что я – человек и к грузовому багажу не отношусь. С ворчанием носильщик удалился. Нам оставалось совсем недалеко до вокзала, как рядом возник все тот же человек, но уже с необходимой мне кресло-коляской. На предложение о помощи я в сердцах ответила, что действительно очень устала, но в коляску не сяду, чтобы не дать вокзальной службе написать в своем отчете об «успешной встрече маломобильного пассажира».

Долгие годы, терпя подобное хамство, я наконец-то решила написать жалобу. И хоть меня продолжали упрашивать присесть в коляску, от услуг я категорически отказалась.

Вернувшись домой, обратилась к президенту ОАО «РЖД». Вскоре пришло ответное сообщение, что в результате проведенной проверки по моей ситуации было установлено, что информация на тот железнодорожный вокзал Москвы была якобы несвоевременно передана локомотивной бригадой.

В следующий раз меня встретили у вагона поезда уже без каких-либо проволочек. Правда, такое положение вещей продолжалось недолго. Вскоре мы с мамой вновь стояли на перроне в осеннюю дождливую погоду, а помощника с креслом-коляской даже на горизонте не было видно... Проводница тоже недоумевала и сказала, что, несмотря на то, что в этот раз по всем необходимым требованиям заявку на встречу меня, как маломобильного пассажира, отправил сам наш областной железнодорожный вокзал, видимо, что-то пошло не так, и она сейчас же сообщит о нашей ситуации. Носильщика мы прождали порядка получаса, стоя под ветром с дождём. Он явился лишь после сообщения по громкой связи, что его ожидает маломобильный пассажир там-то и там-то... На этот раз претензий ему, дабы не тратить нервы, мы с мамой не высказали.

Приехав домой, я вновь решила написать жалобу президенту ОАО «РЖД». Вскоре с извинениями позвонила заместитель начальника московского вокзала. Она сообщила, что у них особой комиссией ведётся проверка, основанием для работы которой послужили эти уже две мои жалобы. Через несколько дней с нами по телефону связался сам начальник вокзала. По его словам, проверка была проведена. Проводница вагона поезда, в котором я ехала в Москву, подтвердила, что носильщик действительно не встретил меня. Также были просмотрены записи с видеокamer, подтверждающие мои жалобы. На основании этого администрация вокзала приносит мне свои извинения...

Через месяц пришел и письменный ответ от ОАО «РЖД». В нём сообщалось, что в ходе проведения служебного расследования факт нарушения по обслуживанию маломобильных граждан подтверждён. Лица, не исполнившие свои должностные обязанности,

наказаны. Дежурный по вокзалу получил выговор, а носильщик уволен за несоблюдение технологии обслуживания инвалидов и маломобильных групп населения. Также меня уведомили, что в целях недопущения подобных случаев были даны указания начальникам вокзалов Московской РЖД о проведении со всеми причастными работниками повторных технических занятий по изучению нормативных документов, касающихся организации перевозки пассажиров с ограничением способности к самостоятельному передвижению и обеспечению безопасной посадки-высадки и дальнейшей транспортировки данной категории граждан, а также о культурном обслуживании пассажиров.

Во всех последующих поездках в Москву, подобных проблем больше не возникало. Меня своевременно встречали у вагона с кресло-коляской.

25. СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Встречами в Москве «железнодорожные мытарства» не ограничились.

Однажды, как обычно поднимаясь при помощи родителей к перрону по высоченной лестнице уже нашего железнодорожного вокзала, я заметила, как сложно преодолевать этот подъем и идущей неподалеку пожилой женщине. Она тяжело дышала и еле-еле поднимала ноги. И я задумалась, как много маломобильных да и просто пожилых, немощных людей вынуждено испытывать унижительные трудности, которые государству можно решить при помощи создания элементарной доступной среды... Ведь это – не блажь какая-то, а острая необходимость. Тем более, у многих из таких людей нет даже близких, которые бы им помогли в повседневной жизни...

Приехав с лечения домой, вновь написала письмо президенту ОАО «РЖД» с вопросом, почему на железнодорожном вокзале областного города до сих пор отсутствует необходимая для инвалидов и пожилых лиц доступная среда? Я привела в пример как раз тот самый подъем по лестнице.

Ответ довольно скоро пришел. Оказалось, что в Северном РДЖВ утвержден и определен порядок обслуживания инвалидов и маломобильных групп населения, на основании которого «на

вокзалах оказывается максимально возможное содействие и помощь в организации посадки-высадки, ожидания поездов или автотранспорта, доставки ручной клади и багажа, сопровождения по территории вокзала и привокзальным площадям, предоставления инвалидной коляски».

Кроме прочего, в письме указывалось, что при обращении к администрации вокзала письменно или устно все оргвопросы решаются в оперативном порядке, что и подъезд к перрону на личном автотранспорте также разрешен, причем на безвозмездной основе, но после необходимой регистрации номерного знака ТС у дежурного помощника начальника вокзала.

Меня, по понятным причинам, весьма заинтересовал факт, что «допустим подъезд автотранспорта». При очередном отъезде в Москву я попросила папу перед моим возвращением подойти к дежурному по областному вокзалу и зарегистрировать номер машины, чтобы наш автомобиль пропустили к перрону.

Правила, с которыми меня познакомили в письме из ОАО «РЖД», конечно, замечательные, только вот на деле вышло следующее.

Поезд уже прибывал, когда позвонил отец и сказал, что дежурная по вокзалу наотрез отказывается зарегистрировать номер нашей машины, утверждая, якобы автотранспорт должен быть предварительно осмотрен в ГИБДД... Кроме того, по её словам выходило, что для получения кресла-коляски для меня папа должен оставить в залог свой паспорт, и что она не обязана встречать маломобильных граждан!

Я предупредила отца, чтобы он «не повелся» на это самый настоящий развод. И раз дежурная по вокзалу начала нарушать прописанные в нормах «РЖД» правила, то он совершенно не обязан ей подчиняться.

В итоге препирательств дежурная вызвала бригаду скорой помощи. Когда медики зашли в вагон, чтобы вынести меня, я сказала, что никуда с ними не поеду. Мол, у меня есть законное право требовать пропустить на перрон встречающую машину.

Предварю дальнейший рассказ ещё одним весьма памятным случаем.

Состав московского поезда совсем недавно стал приходиться на путь с высокой платформой. Ранее из вагона приходилось спускаться на гравий, а потом ещё и обходить в круговую весь состав. Понятное дело, что преодолевать такие сложности для меня было непросто. Вот мама однажды и позвонила в скорую с просьбой, чтобы нас довезли до стоянки машин. Скорая приехала, но нам пришлось выслушать уйму возмущенных упреков от медиков, которые «не являются таксистами».

Именно этот случай мама и припомнила явившейся на вокзал за мной медицинской бригаде, продолжавшей настаивать, чтобы я поехала с ними.

Дальнейшие события развивались словно по сценарию фильма ужасов. Я попросила маму помочь мне подняться на ноги... Воспользовавшись этим моментом, работники скорой схватили меня и понесли из вагона к выходу. Я кричала, что они делают мне больно, что у меня больной позвоночник.

Один из несущих придерживал меня за подмышки, при этом мое лицо упиралось ему в плечо. Его коллега держала мои ноги. Я чувствовала, что позвоночник сильно прогнулся, и очень боялась, что мне нанесут травму вплоть до перелома...

Возле скорой меня небрежно перевалили на носилки, причем на живот. Из-за боли в спине было страшно пошевелиться. Наконец, вслед за нами из вагона смогла выбраться мама, которая тут же подбежала и стала помогать мне слезть с носилок. Она ругала медиков, которые своими странными действиями могли нанести мне непоправимый вред, мол, мы уже 7 лет ездим в Москву лечить позвоночник, который из-за них мог серьезно пострадать. В ответ на мамины крики врач говорила, что ничего особенного они не сделали. Вокруг нас на перроне собрались люди, с ужасом следящие за происходящим. Неподалеку стояла и дежурная по вокзалу. Вскоре она ушла и вернулась с кресло-коляской, предложив довезти меня до автостоянки.

Я опустилась на сидение, но сие транспортное средство почему-то не имело подножек. Пришлось поставить ноги на ремень, предназначение которого на самом деле в том, чтобы не дать ногам съехать с подножек назад. В результате такой «посадки» мое тело

оказалось согнутым в позе эмбриона. Я попросила маму снять на телефон мое передвижение на кресло-коляске без подножек.

Пока мы добирались до автостоянки, дежурная по вокзалу шепталась с сотрудницей скорой, прося её прикрыть себя «в случае чего». Та утвердительно кивала, мол, можешь не волноваться. «Уладив» дело со своим алиби, дежурная обратилась к нам с речью, что якобы проезд автомобиля к перрону вообще-то платный, 300 рублей, а сам автомобиль непосредственно перед встречей маломобильного гражданина должен пройти полный техосмотр в ГИБДД.

Я слушала её «сказки» с возрастающим любопытством, и в тот момент уже точно знала, что дома придется серьезно разбираться с этой страшной ситуацией.

В тот же вечер я написала жалобу на работников областного железнодорожного вокзала, подробно рассказав о произошедшем. Прочитировала также беседу дежурной по вокзалу с работником скорой «о прикрытии», о требовании суммы в 300 рублей за подъезд машины для встречи маломобильного пассажира... В конце своего обращения уведомила, что если меры по отношению к этим лицам, нарушивших мои законные права, приняты не будут, то это дело подвергнется значительной огласке, вплоть до международной. Утром мама отпечатала фотографии, и мы положили их в конверт. Письмо отправилось «Почтой России» на имя президента в ОАО «РЖД».

Недели через две, а именно, 6 марта мне позвонила женщина, представившаяся начальником соседнего нашему областному железнодорожного вокзала. Она просила о встрече. Предполагая о цели её визита, ответила ей, что к работе их вокзала претензий не имею, поэтому и встречаться нам с ней не имеет никакого смысла. Но собеседница продолжала настаивать. Пришлось согласиться увидеться. 7 марта в нашу квартиру позвонили. Мама открыла дверь и поначалу увидела огромный букет цветов, за которым скрывалась гостья. Та вошла и, поздоровавшись, протянула этот букет с коробкой конфет мне. Я отказалась принять подарок. Женщина растерялась. Цветы и конфеты были переданы маме...

Беседовали мы часа три. Гостья извинялась за предоставленные областным вокзалом неудобства, говоря, что его директор –

очень хороший человек. Мол, сейчас к ним приехала московская комиссия и ведется нешуточная проверка, в результате которой начальника вокзала могут наказать. Вот она по-дружески и просит меня отозвать свою жалобу, ведь надо войти и в их положение, понять, что у железнодорожных вокзалов нет возможности помочь всем маломобильным гражданам.

Молча выслушав этот монолог, я довольно твердо ответила, что об отзыве жалобы не может быть и речи. Хотя по глазам гостьи было видно, что она – хороший, порядочный человек, я все равно стояла на том, что все должно быть по справедливости, а она в данный момент выбрала сторону чиновников, равнодушных к нуждам маломобильного слоя населения.

Когда доводы собеседницы были исчерпаны, и, видя мою непреклонность, она собралась уходить, то в коридоре мне был протянут лист бумаги с номерами телефонов и сказано, что звонок по любому из них означает совершенно беспроblemное путешествие на поезде: и посадят, и высадут, и проведут, и встретят. Отодвинув ее руку, сказала, что никому звонить не буду, мол, я – не принцесса и не нуждаюсь в особых почестях, что все люди равны перед законом, и их права должны соблюдаться.

Через месяц из Москвы пришло письмо, где говорилось, что проведен оперативный разбор моей ситуации. По итогам совещания во избежание повторения подобных ситуаций были предприняты следующие меры:

- изготовлены и установлены новые навигационные указатели маршрута движения инвалидов-колясочников по территории рассматриваемого вокзального комплекса;

- информация по данной жалобе с принятыми мерами направлена во все вокзалы для ознакомления сотрудников и служащих смежных структур, осуществляющих свою деятельность на территории вокзальных комплексов;

- проведен внеплановый инструктаж по работе в обслуживании инвалидов и маломобильных групп населения, а также этики обслуживания пассажиров;

- во все региональные общественные объединения инвалидов направлены обращения с информацией о порядке обслуживания на вокзалах, технической возможности и доступности вокзалов, а

также контактные телефоны начальников вокзалов, дежурных помощников начальников вокзалов.

Дежурный помощник начальника вокзала переведена на нижеоплачиваемую должность. Заместителю начальника дирекции по нашему региону объявлено предупреждение.

Больше проблем с обслуживанием на том железнодорожном вокзале у меня не возникало. Вскоре там установили подъемник для маломобильных граждан, сделали специализированный туалет, появились места для колясочников, пандус при выходе на перрон.

Поехав в тот же год летом в Москву из деревни, в поезд мы сели на небольшой железнодорожной станции, где, к моему удивлению, в вагон меня сопроводили работники вокзала, предварительно подкатив к машине кресло-коляску. Мама спросила, почему они не так поступали раньше? Оказалось, что эта «услуга» введена пару месяцев назад, как и появление самого кресла-коляски.

Когда бываю в областном центре, и есть время захватить на железнодорожный вокзал, я всегда проверяю работу «доступной среды». Радует, что подъемник действует, и маломобильным гражданам больше не нужно мучительно подниматься к перрону по высокой лестнице.

26. ПРОЕКТ «ОТКРОВЕНИЯ»

Порой в жизни каждого человека происходят особенно запоминающиеся добрые события. Расскажу об одном из таких, случившихся со мной.

Однажды я, как обычно, сидела за компьютером и занималась учебными заданиями. Зазвонил мобильный. Незнакомая девушка, поздоровавшись, представилась помощницей художника, проживающего в нашем городе и надеющегося осуществить проект, изобразив портреты людей с инвалидностью. Цель этого проекта – через внешнее представление художественным образом раскрыть внутренний мир человека. Оказалось, что в перспективе даже планируется выставка этих работ и создание буклетов с рассказами о судьбах изображенных на портретах людей. Сам проект назывался «Откровения».

Я ответила, что насчет меня, вероятно, произошла какая-то ошибка, ибо ничего в моей жизни нет такого особенного и примечательного, о чем можно рассказать в буклете. Собеседница возразила, что довольно хорошо осведомлена о моей судьбе, знает и про учебу в институте. Она пояснила, что портреты будут создаваться по фотографиям, которые сделает именно сам художник. Мол, это очень талантливый, замечательный мастер, член Союза художников РФ. В итоге я дала свое согласие на участие в проекте.

Через неделю к нам приехали гости – художник и его помощница, которая во время фотосъемки брала у меня интервью. Позже оказалось, что мои размышления были важны и для того, чтобы мастер мог лучше понять сущность человека, которого намеревался изобразить.

Сама фотосъемка происходила в необычном формате. От меня не требовалось специально позировать. Художник сам улавливал какие-то необходимые мгновения во время нашего с его помощницей общения. На прощание он сказал, что портрет не будет точной копией фотографии, так как цель – передать не только внешний вид человека, но и попытаться представить его внутренний мир.

Галерею работ этого необычного проекта я встретила спустя несколько лет на странице их автора в одной из социальных сетей. Каждый портрет действительно поражал глубиной и философичностью авторского взгляда. Так, глазами художника увидела себя и я... Конечно, была удивлена, но как-то сразу пришло понимание, что это – истинная я...

Мой портрет видели многие. В основном, он нравится, хотя сколько людей, столько и мнений. Ведь и по сей день кто-то усматривает во мне беззаботного, избалованного человека, которому многое в жизни достается легко, за которого все делают родители... Что ж, каждый волен иметь собственное мнение, согласно своему взгляду на мир...

К сожалению, идею с организацией выставки не поддержали чиновники, отказав выделить средства на багеты для портретов и для печати буклетов. Видимо, не так уж и интересны судьбы людей, которые живут, преодолевая недуги и трудности...

На Новый год мне была подарена репродукция собственного портрета, а позже и сам портрет, за который я сердечно благодарна этому удивительному человеку!

27. ВЕРТИКАЛИЗАТОР

Шло время. Однажды нам позвонила знакомая и рассказала о техническом средстве – вертикализаторе, которым пользовался внук ее подруги. Он с родителями попал в автокатастрофу и из-за полученной травмы не мог ходить. Вот для реабилитации ему и приобрели этот аппарат, в котором можно не только стоять, но даже шагать. Знакомая пояснила, что, если у меня есть желание испробовать вертикализатор, стоит обратиться в детский центр реабилитации нашего города, куда семья отдала этот аппарат.

В итоге руководитель центра дала мне разрешение попользоваться этим аппаратом. Он регулируется по ширине и росту человека. Правда, хоть я и невысокая, но подростковая модель все же оказалась маловата, хотя её и отрегулировали под меня, насколько было возможно.

Как себя помню, всегда стремилась передвигаться на своих ногах, и, хотя это происходило с поддержкой, ощущение вертикализации мне хорошо знакомо. В силу того, что мой позвоночник очень слабый, когда я принимаю вертикальное положение, его отклоняет назад, хотя и при этом я делаю шаги. И вот, когда меня впервые поставили в вертикализатор, от страха высоты я не отпустила от себя родителей. Казалось, будто стою на крыше высотного дома и вот-вот упаду. Но в таких аппаратах невозможно ни упасть, ни опрокинуть их, так как конструкция четко продумана, а человек

в ней фиксируется ремнями на липучках. Мой страх прошел, как только тело привыкло к прямостоянию, то есть к такому положению, когда за счет фиксации в вертикализаторе стоишь на полностью выпрямленных ногах, с максимально ровной спиной.

Упражнялась я при помощи этого аппарата по 3 раза в день в течение часа, а то и более. В результате научилась шагать, раскачивая вертикализатор, довольно быстро. В первые дни стала ощущать болезненность в суставах кистей рук, так как было непривычно тянуть на себя рычаг аппарата, чтобы сделать шаг. В этом вертикализаторе колени не согнуть, и ходить приходилось только на прямых ногах.

Позвонив в компанию, поставляющую вертикализаторы, мы узнали, что аппарат можно получить бесплатно от Фонда социального страхования (ФСС). Также Фонд может дать за него денежную компенсацию, если вертикализатор будет вписан медико-социальной экспертизой (МСЭ) в мою индивидуальную программу реабилитации (ИПР).

Я попросила маму сходить к моему участковому терапевту, который по совместительству являлся и невропатологом, и рассказать про необходимый мне вертикализатор. Выслушав маму, врач сначала сказал, что у него и без того много работы и нет времени на заполнение документов, необходимых для моего направления на медико-социальную экспертизу. Правда, он все же снизошел до нас и за месяц подготовил нужную документацию. Пока врач справлялся с этой бумажной работой, я сделала письменные запросы, касающиеся моего права на получение вертикализатора в Федеральную медико-социальную экспертизу и в Федеральный Фонд социального страхования. Из обеих организаций пришли письменные подтверждения, что этот аппарат должен быть вписан и выдан за счет государства человеку с инвалидностью, если нет медицинских противопоказаний.

Врачами я была проверена. Противопоказаний не оказалось. Направление на медико-социальную экспертизу дали отнести маме, чтобы не затягивать процесс. Я была шокирована, прочитав в этом направлении от невролога, что у меня присутствуют постоянные головные боли, есть жалобы на ноющую боль в суставах конечностей и на ухудшение памяти. А ведь у меня всего этого не

было! Врач явно выписал это не из моей истории болезни. Я была опечалена, поскольку такая информация могла повлиять на заключение медико-социальной экспертизы не в пользу выдачи вертикализатора. Кроме того, на основании таких данных медицинская комиссия могла отказаться вписать в индивидуальную программу реабилитации разрешение на мою трудовую деятельность. А ведь без этого медицинского разрешения человеку с инвалидностью не устроиться на официальную работу.

В направлении невролога было указано, что медицинской комиссии следует приехать к нам домой, что врачи и сделали. Они отнеслись ко мне очень вежливо, внимательно провели осмотр. Невролог из комиссии всё не мог понять, почему же моё реальное состояние совершенно не совпадает с заключением в направлении. Пришлось сказать, что видимо оно «писалось с потолка».

Никто из приехавших к нам врачей еще не видел вертикализатор, на использование которого я просила дать разрешение. Медикам на верилось, что в этом аппарате я смогу шагать, поскольку у меня из-за повышенного тонуса в мышцах плохо работает левая рука. Попросив врачей подождать, я немного расслабила мышцы руки, взяла рычаг вертикализатора и, раскачивая аппарат, пошла по комнате.

В итоге в ИПР врачи из комиссии вписали и разрешение на мою трудовую деятельность, где применяется умственный труд, и разрешение на вертикализатор. Правда, была допущена неточность в названии аппарата, что могло быть чревато отказом компенсации его цены ФСС при покупке за свой счет. Получать ИПР пошла мама по моей доверенности. Перед уходом я сказала ей, если вертикализатор вписан неверно, то подписи в документах не оставлять. Пусть тогда к нам домой вновь приезжают специалисты медико-социальной экспертизы, чтобы решать этот вопрос. Мама документ не подписала. В дальнейшем все необходимые для медкомиссии документы отправились в областной центр.

Через две недели к нам прибыла областная МСЭ. Её члены были также вежливыми и внимательными. Травматолог, осмотрев мой позвоночник, пришла в ужас. Её очень насторожила зона в области нижнего грудного отдела, где на месте одного из позвонков была ямка. Врач тут же заинтересовалась, как часто мой лечащий

невролог делал мне рентгеновские снимки позвоночника или компьютерную томографию? Я ответила, что врач, являющийся участковым терапевтом и неврологом одновременно, приходил ко мне лишь в случаях, если болела ОРВИ, чтобы выписать лекарства. Объяснила, что именно как невролог он меня не осматривал, и за семь лет моей жизни в городе ни разу не направил на сдачу стандартного пакета анализов, которые необходимо проходить любому человеку хотя бы раз в год.

Врачи были этим просто возмущены. Получалось, что я жила без полного медицинского контроля, имея, мягко сказать, такой вот странный позвоночник, требующий особенного внимания. Далее наши гости посмотрели, как я хожу в вертикализаторе. Одна из них сказала, что этот аппарат из разряда очень дорогих. Мол, много тех, кому он необходим, но разрешения выделять на него средства для всех подряд нет. Я ответила, что это же не мой каприз, а жизненно необходимый аппарат, право на который имеют все люди с инвалидностью, если нет медицинских противопоказаний. Та женщина ничего не смогла возразить. А я сразу заинтересовалась у врачей, почему никто из них не говорит, что мне нужно кресло-коляска с электроприводом, так как моя левая рука работает не идеально. Но мне ответили, что такую коляску в ИПР мне не впишут по причине травмоопасной езды на ней. Я не смогла сдержаться и парировала, что в данную минуту врачи прекрасно видят, что я – адекватный человек и могу управлять подобной вещью. На это мне тоже ничего не ответили...

На следующий день одна из врачей комиссии позвонила и сказала: «Ирина, когда мы возвращались в областной центр, то посоветовавшись решили, что впишем в ИПР и кресло-коляску с электроприводом». Я поблагодарила за это и спросила, как обстоят дела с вертикализатором? В ответ услышала, что впишут и его, а в придачу и кресло-коляску с ручным приводом. Таким образом, врачи из областной МСЭ отнеслись ко мне с большим пониманием. Замечу, что в ИПР появилось и разрешение на мою трудовую деятельность

Федеральная МСЭ также держала на контроле мое обращение, касающееся права получения вертикализатора. Вскоре мне позвонили оттуда и спросили, нужно ли им запрашивать у областной

МСЭ мои документы, чтобы рассмотреть вопрос о внесении в ИПР разрешения на приобретение аппарата? Я поблагодарила их за проявленное внимание, и ответила, что вопрос уже решен положительно.

Вертикализатор мы покупали за свой счет. К подъезду дома его привезла транспортная компания. ФСС вернула мне потраченные деньги.

Кресло-коляску с ручным приводом и электроколяску я решила получить через ФСС. Обе были подобраны с учетом моих анатомических параметров. Коляска с ручным приводом оказалась удобной и легкой. А управлять электроколяской я научилась очень быстро. Правда, из-за того, что у нас в городе не было удобных мест для передвижения подобным образом, ею я пользовалась лишь летом в деревне, гуляя на улице.

Таким образом, только лишь в 32 года я впервые получила от государства средства технической реабилитации.

По квартире я, как прежде, продолжала и продолжаю передвигаться своими ногами. Меня лишь придерживают.

28. ПРАВДА О ДИАГНОЗЕ

Прошло восемь лет лечения при помощи техник остеопатии. За это время вид моей спины изменился. Она стала красивой, кожа ровной, гладкой, подровнялись позвонки, прежде выпирающие наружу, но оставался беспокоящий момент – тяжесть в шее с ограничением поворота головы и жгучие боли на уровне верхне-поясничного отдела позвоночника. С вопросами о причинах этого я постоянно обращалась к врачам. Надо заметить, что предпочитаю терпеть боль, а не снимать её медикаментозно, так как не считаю нужным дополнительно травить свой организм. К сожалению, никто из медиков так и не дал мне вразумительного ответа.

И вот, находясь на очередном остеопатическом сеансе, я сказала врачу, что намереваюсь пройти полное обследование, чтобы понять, что действительно происходит со мной. Знаю лишь, что в год детский невролог «на глаз» поставила мне диагноз детский церебральный паралич (ДЦП), и на этом всё закончилось.

В ответ она произнесла: «Если ты решишь пройти обследование, и к тебе прикоснется другой врач хоть пальцем, обо мне можешь забыть навсегда». Не предав этим словам особенного значения, я продолжала думать, как же мне себе помочь, так как терпеть боли в спине становилось невыносимо. И вдруг однажды позвонила наша знакомая и стала рассказывать, что ей порекомендовали съездить к профессору-неврологу в один из волжских городов. Он, якобы, установил её точный диагноз, поэтому она весьма рекомендует и мне со своими болями в позвоночнике также обратиться к этому специалисту. Я дала маме номер телефона клиники, где принимал профессор. В результате нам назначили дату и время приема.

Поехали на машине брата вместе с ним, его женой и моей мамой.

При нашей встрече профессор сразу стал внимательно наблюдать за моими движениями. Когда я присела на стул, стоящий рядом с его рабочим столом, он спросил, как я себя чувствую, и есть ли возможность сделать спину прямой, когда сижу? Ответила, что у меня с детства слабая спина, и её не выпрямить, а где-то с 16 лет начали беспокоить жгучие боли в области поясничного отдела позвоночника, усиливающиеся с каждым годом.

Доктор попросил маму рассказать, какой мне поставлен диагноз, и как протекали её беременность и роды. Выслушав, он предложил мне прилечь на массажный стол, и проведя осмотр конечностей, позвоночника и шеи, сказал, что тут не совсем ДЦП. Мол, многое указывает на последствие натальной (родовой) травмы шейного отдела позвоночника. Доктор предложил мне пройти обследование под своим началом.

Через пару месяцев профессор снова пригласил нас к себе в отделение, и мы с мамой отправились на Волгу.

К сожалению, в нашей городской поликлинике многие врачи почему-то приняли в штыки эту мою поездку. Они не хотели проводить предварительную диагностику и брать кровь на анализы, рекомендованные профессором. Пришлось обращаться к главному врачу, который уверил, что пациент имеет законное право на самостоятельный выбор места лечения. По его распоряжению

были выполнены все рекомендации, и выдано направление на лечение.

В новой клинике обследование проводили профессор и его коллега, доцент-невролог. Были сделаны рентгеновские снимки позвоночника в различных проекциях, и проведена магнитно-резонансная томография головного мозга и шеи. Обследование подтвердило предположение профессора – первый шейный позвонок имел трёхмиллиметровый подвывих. Доцент-невролог назвал мой случай уникальным из-за того, что хотя из-за родовой травмы шей мой головной мозг получает недостаточно кровеносного питания, при этом интеллект и возможности памяти сохранены на 100%. Он даже предположил, что клетки моего головного мозга, отвечающие за интеллект, взяли на себя работу поврежденных, ответственных за работу опорно-двигательного аппарата. Поэтому я двигаюсь, достаточно активна, и во время лечения у организма наблюдается положительная динамика. Он назвал это чудом.

Само собой возник вопрос, можно ли сделать, чтобы я заходила самостоятельно? Врач ответил, что обычно родовая травма лечится, пока ребенку не исполнился год, а мне же уже 32... Мол, время сильно упущено, травма сделала свое дело, негативно повлияв на всю работу опорно-двигательного аппарата. В моем случае теперь можно только лишь поддерживать организм, а ждать глобальных улучшений не стоит.

Признаюсь, что когда я слышу «невозможно» или «не получится», то не впадаю в депрессию. Для меня, конечно же, важны мнения специалистов, но свою судьбу я строю сама.

Кроме прочего, в результате полного обследования был найден застарелый компрессионный перелом 12 грудного позвонка... Поначалу после этого известия я была в шоке, но хотя бы стала понятна причина жгучих болей в спине. Позже припомнился случай из детства.

Был теплый весенний день. Только-только начала зеленеть трава. Родители отправились в гости, а брату поручили присматривать за мной. В то время ему было 11, а мне 6 лет.

Дома с нами также оставался наш троюродный брат, ровесник моего родного. Мальчишкам стало скучно сидеть дома, и они по-

шли на улицу, взяв меня с собой. У нас с братом был детский автомобиль «Москвич» зеленого цвета, он приводился в движение двумя педалями. Братья посадили меня в эту «машинку», а чтобы ноги не свалились во время движения, привязали их к педалям. Сам Москвич они закрепили к своим велосипедам и быстро покатали по центральной улице деревни. Все было хорошо, пока они не решили на полной скорости свернуть в узкий проулок, весь в ямах и буграх. Машинку, в которой я сидела, подбросило вверх, и она перевернулась. Я выпала из неё на живот, ударившись головой. А автомобиль приземлился прямо на меня, нанеся жесткой спинкой сидения удар по позвоночнику.

Не помню, как долго была без сознания. Очнулась, когда мальчишки трясли меня за плечи. Они с ужасом думали, что я уже не живая. Я заплакала не только от боли, но и от страха, что скажет мама по поду испачканной одежды. Происшествие от родителей мы скрыли. Кроме того, братья, пригрозив, строго-настрого запретили мне о нём заикаться. Я дала обещание молчать.

Почему-то не могла вспомнить, болел ли у меня тогда позвоночник. Мой страх перед мальчишками совершенно вытеснил тот случай из памяти.

Для уменьшения болезненности в месте застарелого компрессионного перелома позвоночника доцент-невролог делал мне блокаду, но она помогала недолго, и боли вернулось.

Домой я возвращалась с новыми лекарственными назначениями, которые не выписывались прежде. Значительную долю занимали препараты, улучшающие кровообращение, особенно в головном мозге.

Что касается массажа, то тут стояло табу на все, имеющее отношение к шее. Меня удивил запрет на массаж шеи. По моей логике выходило, что раз она травмирована, то её и надо в первую очередь лечить. Ответ на эти недоумения пришел позже...

Теперь диагноз в моей выписке был таким: детский церебральный паралич, последствия натальной травмы шейного отдела позвоночника.

Мне вновь было не очень понятно, почему диагноз «детский церебральный паралич» опять смешен с родовой травмой шеи.

Ведь если логически рассуждать, то достаточно указать обнаруженную родовую травму шеи, так как ДЦП относится к врожденным нарушениям в процессе паталогического развития плода в период беременности.

На все вопросы впоследствии я найду ответы сама, когда вернусь домой и начну внимательно изучать эту тему.

29. НЕТ БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЙ

Мне всегда было не понять шаблонного отношения врачей к пациентам. Почему-то большая часть медиков при лечении использует лишь общий теоретический подход без учета индивидуальных особенностей организма.

Мне кажется, что никто лучше самого себя, если, конечно, человек – здравомыслящий, не может понять свой организм, прислушавшись к нему и ощутив его возможности.

За 8 лет лечения у остеопатов, прервавшегося, как и было мне перед тем обещано, по причине моего обследования в клинике на Волге, я научилась слушать и чувствовать каждую клеточку своего организма, мысленно разговаривать со своим телом, получать его ответы.

И мне кажется совершенно справедливой мысль, что для того, чтобы наш организм меньше страдал, его надо научиться слушать. Чтобы понять его запросы правильно, необходимо принять и полюбить. Причем полюбить без всяких «но». Ведь это – наш «биологический домик», и он перед нами ни в чём не виноват. Это мы, живя в нём, порой очень эгоистично к нему относимся, бездумно наносим вред, не заботимся о его сохранности.

Вот я, приняв свой организм таким, какой он есть, и перестав злиться и укорять его, заметила, что многие болячки от меня отцепились. Ушла экзема, мучавшая долгие годы кожу правой руки и головы. Ведь прежде избавиться от этой напасти не помогали никакие мази и диеты. Теперь я стараюсь бережно внимать своему телу в вопросах питания, физических нагрузок, необходимых потребностей...

Узнав о родовой травме шеи, и поняв, к каким удручающим последствиям привело отсутствие её лечения для моего опорно-двигательного аппарата,

гательного аппарата, сразу приняла решение помочь «своему биологическому домику», поверив в силы моего организма и его тягу к самовосстановлению.

Приехав домой с обследования, стала находить на медицинских сайтах научные статьи, касающиеся родовой травмы первого шейного позвонка (ротационный подвывих) и ее последствий при отсутствии лечения.

Мне хотелось отыскать способ помочь своему организму восстановиться уже на основе знания истинной причины нарушения функций опорно-двигательного аппарата. Как и предполагала, от своего участкового врача я вновь получила полное отрицание наличия у меня родовой травмы шеи. Он в унисон своим коллегам настаивал на ДЦП, то есть на врожденной патологии головного мозга, нарушившей работу опорно-двигательного аппарата.

Кстати, по мнению некоторых медиков, ДЦП – это и есть родовая травма. В наши дни, когда в Интернете представлено множество предположений, сложно разобраться в верности рассуждений по поводу этого диагноза. Но истинные врачи, которых, к счастью, мне посчастливилось встретить, считают, что правда в том, что ДЦП и родовая травма шеи – абсолютно разные заболевания, которые, к сожалению, зачастую попросту «сбрасываются в одну яму». Но родовая травма исцелима. Просто ее необходимо длительно лечить и нести за её происхождение ответственность. А вот ДЦП – врожденная неизлечимая патология, поэтому легче и указать его в диагнозе.

Результаты МРТ и КТ шеи и головного мозга, по моей просьбе, смотрел также профессор-нейрохирург. По его мнению, нелеченая родовая травма первого шейного позвонка влечет сильнейшие нарушения в работе опорно-двигательного аппарата ребенка, что может закончиться параличом. Потому смешивать в одну кучу родовую травму шеи и ДЦП нельзя.

Этот доктор спас уже многих людей, проделывая уникальные хирургические нейрооперации, даже не имея при этом медицинского высокотехнологичного оборудования. Мне рассказывал один из его пациентов, как, проведя днем сложнейшие операции, профессор потом лично навещал больного, всю ночь проводя у его постели.

Мне захотелось найти этого доктора. Так как он был уже в возрасте, не оперировал, а преподавал в институте, то я и написала письмо, адресованное ему, прямо на кафедру. Он откликнулся и позвонил мне. Мы условились, что мама подвезёт мои медицинские снимки. За консультацию денег он не взял. После мы еще раз разговаривали с ним по телефону. Про родовую травму все было понятно. Меня интересовало, как быть с компрессионным переломом позвоночника? Профессор ответил, что из-за моей неспособности ходить самостоятельно оперативное вмешательство для устранения перелома позвоночника опасно. Даже при современных медицинских возможностях все равно нужно проникнуть в глубь спины, затронув связки и мышцы, которые у меня и так слабые, а с учетом сидячего образа жизни, после операции не смогут восстановиться. Всё это может иметь негативные последствия для всего организма.

Но я продолжала искать выход и обратилась к одному практикующему молодому нейрохирургу, показав мои снимки и ему. На мой вопрос, можно ли сейчас хирургически устранить подвывих первого шейного позвонка, он ответил, что тот находится очень близко к головному мозгу. Такое вмешательство опасно. Даже если и провести данную операцию, не предсказать дальнейшей реакции организма. Не исключено, что я могу попросту стать «растением». К тому же, моя родовая травма уже нарушила работу опорно-двигательного аппарата, которую не восстановить. Эти доводы меня тоже не убедили, и я решила поискать массажиста, который начнет делать мне лечебный массаж, с учетом травмированной шеи.

В то время я была уже хорошо осведомлена о ротационном подвывихе первого шейного позвонка и прекрасно отдавала себе отчет, насколько опасны какие-либо манипуляции, воздействующие на мою шею, не только для моего самочувствия, но и для жизни. Но я крепко верила в то, что человеческий организм очень умный и не будет вредить себе, и, если найдется действительно грамотный массажист, то есть вероятность, что в теле запустится механизм самовосстановления.

Как-то отец рассказал, что побывал по рабочим делам в детском центре реабилитации, где обратил внимание, что там с

детьми работают массажисты, и, если я не против, он поспрашивает, не сможет ли кто-то приходиться к нам домой и делать массаж мне.

Я согласилась. Через пару дней к нам пришла молодая женщина. Она осмотрела меня, и мы решили попробовать начать лечебный курс массажа с учетом травмы шеи. Но массаж этой проблемной зоны не отменялся, так как толку бы не было.

С этой массажисткой мне очень повезло. Во-первых, в своей практике она уже сталкивается с родовыми травмами шеи, могла их диагностировать и корректировать, во-вторых, она пообещала проконсультироваться по моему поводу со своей преподавательницей по реабилитационному массажу, чтобы получить и её советы.

И снова жизнь связала меня с замечательным человеком. Реабилитолог действительно порекомендовала бывшей ученице необходимые мне техники массажа с учетом медицинского обследования.

Первый год массаж проводился курсом по 10 сеансов для спины, повторяющимся через два месяца. К нему добавились ежедневные самостоятельные упражнения лечебной физкультуры. Положительная динамика начала наблюдаться с первых сеансов. Я потихоньку начала набирать вес, стала немного расширяться моя грудная клетка, уменьшились боли в месте компрессионного перелома позвоночника.

30. АТЛАНТ

Прошел год и два месяца после начала курсов лечебного массажа. Мышцы шеи стали крепче. Сам шейный отдел позвоночника немного распрямился.

Стоял декабрь. Недавно закончился очередной курс массажа, и я, как обычно, сделала гимнастику, сидела за компьютером, занимаясь учебой. В то время как раз готовилась к двум госэкзаменам и защите диплома, грядущими, согласно учебному плану, сразу же после новогодних каникул.

Вдруг во время чтения электронного учебника я почувствовала легкую заложенность в левом ухе, словно в ушную раковину попала вода. Не зацикливаясь на необычном ощущении, продолжила заниматься делами...

Идя в ванную комнату утром следующего дня, я почувствовала резкое головокружение и тошноту, которые прежде не возникали. Но и это прошло очень быстро. За завтраком в левом ухе опять начался шум, напоминающий звук морского прибоя. Он не проходил, а остальные звуки ухо слышать перестало. Резкое головокружение и тошнота появлялись на недолго каждый день, затем к ним добавилась тяжесть в затылочной части головы.

Откуда-то мне стало понятно, что в моем «биологическом домике» намечаются перемены. Возникающие боли в затылке и в виске не были пугающими, холодными, напротив, они были скорее приятными. Эти ощущения длились около двух недель.

Обычно днем я не позволяю себе расслабляться и валяться в кровати. Такое случается лишь при болезни с высокой температурой. Но тогда в один из дней я вдруг ощутила, что мне сложно сидеть, и как само тело словно бы «просит» прилечь на живот... Полежав на животе, мне захотелось повернуться на бок, и в этот момент почувствовался какой-то болезненный треск в затылке. Я невольно приложила к нему ладонь. Вскоре боль ушла, оставив новое, приятное, теплое ощущение в голове.

Полутора следующего дня во время занятий гимнастикой лежа на спине, при подъеме головы в затылке вдруг снова что-то щелкнуло, и я почувствовала пронзительную боль. Мама не понимала, что со мной происходит, а я слова вымолвить была не в силах. Придя в себя через несколько секунд, попросила маму помочь мне подняться с пола, сказав, что, по ощущениям, у меня словно щелкнул первый шейный позвонок.

Поднявшись, почувствовала резкое головокружение, тошноту. Перед глазами всё поплыло, и мне пришлось лечь на диван. Несмотря на то, что обычно в лежачем положении мне всегда становилось лучше, в тот раз, напротив, с каждой минутой состояние ухудшалось. В шейном отделе позвоночника в области атланта ощущалась боль. Пришлось приподнять подушку, чтобы находиться в полусидящем положении. При этом, как только я хотя бы

незначительно пыталась пошевелить головой, сразу возникало ощущение, что куда-то проваливаюсь. Начинало тошнить с новой силой. Сердцебиение было очень высоким, но артериальное давление в норме – 120/80.

Я лежала с закрытыми глазами, так было менее больно. Раздражали любые звуки. Через некоторое время, открыв глаза, я поняла, что вижу лишь крупные предметы, да и то расплывчато. Казалось, что нахожусь в темной комнате, где различаю лишь силуэты предметов.

Спустя несколько часов явно почувствовала, как по позвоночнику от первого шейного позвонка до конечностей идет теплый кровоток. Ноги и руки при этом стали горячими. Ощутила, что кровь словно бы начала вдоль позвоночника по сосудам подниматься к голове. Снова стало тошнить. В висках стучало, а в тмени сосредоточилось приятное тепло.

Так я пролежала где-то полдня, не в состоянии сделать даже глотка воды. Когда стало получше, открыла глаза и увидела на стене часы, показывающие 11 часов вечера. Порадовало, что зрение вернулось. Собравшись с силами, позвонила массажистке и рассказала о происходящем со мной. Она ответила, что по всем признакам это первый шейный позвонок начал вставать на свое законное место. Правда, ни в одном медицинском справочнике она не встречала информации о том, чтобы подвывих, полученный при рождении, самоисправился у взрослого уже человека. Массажистка сказала, что посоветуется на этот счет со своей преподавательницей. Через несколько минут она перезвонила и сообщила, что ее наставница также считает, что это первый шейный позвонок встает на место, и, чтобы помочь ему стабилизироваться, сняв напряжение с шейных мышц, необходимо надеть воротник Шанца. Снимать его можно пока лишь на ночь, когда во время сна необходимо подкладывать под шею валик, чтоб она не провисала. Кроме того, неделю придется просто полежать, чтобы не навредить шее и дать организму адаптироваться к новому кровообращению, которое и стало причиной головокружения, тошноты и потери зрения. Это произошло по причине того, что мой головной

мозг с момента подвывиха шейного позвонка был лишен достаточного кровеносного питания. Сейчас для перестройки организма нужен полный покой.

Все эти рекомендации я исполняла в течение недели.

Когда меня вновь навестила массажистка, то наблюдая, как я, по её просьбе, делаю повороты и наклоны головы, порадовалась, так как теперь я уже могла бесппроблемно поворачивать и наклонять голову, как люди, не имеющие подвывиха шейного позвонка. Теперь мой подбородок находился в правильном положении, не отклоняясь в левую сторону, как раньше. Улучшилось равновесие, и я могла даже несколько секунд постоять, прижавшись спиной к стене. Было ясно, что первый шейный позвонок (атлант) встал на своем месте.

31. ДОЛГОЖДАННЫЙ ДИПЛОМ

Придя в себя, вернулась к подготовке к госэкзаменам, до которых оставалась две недели.

В процессе обучения студенты нашего дистанционного отделения в Москву не ездили, но «госы» и защита диплома требовали личного присутствия в столице. Директор позвонила в Москву и сообщила о моих трудностях в плане такой поездки. Она даже предоставила мою справку об инвалидности. Поэтому я получила разрешение на сдачу Государственных экзаменов и защиту диплома дистанционно по скайпу прямо из нашего представительства. Условием было непременно присутствие двух дополнительных видеокамер, которые станут фиксировать этот процесс.

Настал день сдачи первого «госа». В нашем представительстве меня ждал сюрприз. – Ради моей поддержки приехала сама его директор, хоть в то время она находилась на больничном. Конечно, я волновалась, как любой студент. Тем более, что передо мной помещался огромный экран, на котором вскоре появятся члены экзаменационной комиссии, да ещё с боков внимательно следили видеокамеры... Директор погладила меня по голове, ласково наставив, чтобы я собралась и не терялась, и вышла в коридор.

На время экзамена в аудитории разрешено было присутствовать лишь куратору, сидевшей в нескольких метрах от меня. Экзамен я сдала отлично, ответив на все вопросы комиссии. Замечу,

что в то время мама с директором сидели в коридоре. Мама потом рассказала, что она пила кофе, а директор – валерьянку.

Во время сдачи второго «госа» директор также приехала на поддержку, и вновь они с мамой вместе ожидали меня за дверью. Этот экзамен тоже был сдан успешно.

Когда научный руководитель проверила дипломные работы нашего курса, их отдали в представительство ВУЗа для проверки в программе «Антиплагиат», после чего должны были вернуть для прошивки перед отправкой в Москву. Директор представительства сразу предупредила, что понимает, как мне непросто пойти в фирму и прошить документ, поэтому они все сделают сами и мою дипломную работу отправят в Москву вместе с работами остальных студентов. За это я была ей очень благодарна.

Только вот куратор моей группы до последнего дня тянула, не посылая мне файл с дипломной работой, которую проверяли на плагиат и на точность оформления текста. Его я получила за сутки до защиты, и, открыв, долго не могла прийти в себя, поскольку оформление было сбито. Дело в том, что, по правилам, каждая новая тема должна была начинаться с новой страницы, а у меня она вдруг оказывалась на той же страничке, что и глава. Получалось, что куратор могла распечатать мою работу именно в таком вот «сбитом» виде и оправить их в ВУЗ. А ведь оценка также зависела и от оформления.

Выход один – распечатать дипломную в том виде, в котором я её отправляла куратору, чтоб в случае возмущения госкомиссии, показать, что оформление мною было выполнено по указанным требованиям.

Во время защиты я заметила, как внимательно просматривает мою работу один из членов комиссии. На его лице отображалось возмущение. Мне сразу стало понятно, в чем дело. Когда комиссия удалилась на совещание, хотя звук микрофонов и был отключен, на экране было видно, как члены комиссии спорят между собой. Особенно усердствовал тот мужчина, тыча пальцем в мою дипломную и ругаясь.

Прошло несколько минут. Включили микрофон. Председатель комиссии, обратившись ко мне, сказала, что после горячего обсуждения было решено поставить мне «отлично».

Боковым зрением я видела, как моя куратор, сидя в стороне, буквально «утонула» в мониторе, замерев от напряжения. Каким же было её недоумение, когда она услышала мою оценку! Кстати, моя дипломная работа лежала рядом, но хорошо, что «доказывать» комиссии мне ничего не пришлось...

В тот день защиты диплома, находясь в представительстве нашего ВУЗа, я неожиданно почувствовала себя неважно. Произошел какой-то щелчок в затылке, и все вновь поплыло перед глазами. Тогда внезапно с уверенностью подумалось, что это мой атлант зафиксировался в нужном положении.

Не показывая вида, что мне нехорошо, я мысленно просила Бога, чтобы Он дал мне сил справиться с защитой... Вскоре зрение стабилизировалось. Я собралась. Защита прошла хорошо.

Слыша, что получила «отлично», боковым зрением увидела, как в приоткрытую дверь в аудиторию заглядывает моя дорогая директор и хлопает в ладоши.

Члены экзаменационной комиссии поздравили меня с получением права с сегодняшнего дня заниматься юриспруденцией и поинтересовались, есть ли в моих планах магистратура. Ответила, что учиться дальше, конечно, намереваюсь, но поначалу надо восстановить силы. К моему ответу отнеслись с пониманием, пожелав удачи.

После моей защиты мнения наших знакомых насчет меня разделились. Одни считали, зачем учиться дальше, раз уже и так есть диплом бакалавра, другие – что магистратура необходима, но можно переждать перед поступлением год-два.

О перспективах дальнейшего образования беседовала со мной и та моя знакомая, что лечила иглоукалыванием. С её точки зрения, обучение нельзя откладывать, так как любой из нас подвержен лени, и не известно, захочется ли мне через годик в магистратуру вообще. А она необходима, так как диплом бакалавра юриспруденции, если произойдет очередная реформа в образовании по возвращению к специалитету, будет на уровне техникума. Она советовала поступать в магистратуру сразу, ибо верила в меня. И я сама, по её мнению, также должна была поверить, что сил у меня предостаточно, а возникшая слабость - результат сдачи «госов» и защиты диплома.

Усталость действительно вскоре начала проходить, и я серьёзно призадумалась о магистратуре. Теперь необходимо было найти государственный ВУЗ со 100% дистанционным обучением.

Вскоре случилась новая встреча с врачами, утвердившая меня в необходимости повышения профессиональных знаний, чтобы в дальнейшем самостоятельно работать юристом и отстаивать права граждан.

32. БОГ ВСЁ РАССТАВИТ ПО МЕСТАМ

После того, как мой атлант удивительным образом встал на место, прошло месяца четыре. За это время я уже могла стоять около пяти минут, прижавшись к шкафу спиной. Равновесие, хотя и очень медленно, становилось устойчивее.

Я понимала, что для более быстрого восстановления организму нужна комплексная реабилитация опорно-двигательного аппарата, которую получают люди, имеющие травмы позвоночника, особенно шейного отдела. Раз в два месяца у меня продолжался курс лечебного массажа. Но именно комплексная реабилитация могла поддержать мой «биологический домик» после случая с атлантом.

Замечу, что после каждого курса массажа положение мышц спины становилось анатомически всё более правильным. Но этот процесс сопровождался болью, из-за которой я порой не могла пошевелиться и нормально дышать. Ложилась на живот и не двигалась, поскольку организму нужен полный покой. Даже при сдвиге мышцы на полмиллиметра затрагивается функционал всего организма, начиная от кровообращения, заканчивая нервными окончаниями, которым тоже нужно адаптироваться. Моё состояние потихоньку стабилизировалось, и боли уходили в течение двух-трех дней.

Удивительно, но в такие моменты я не опасалась за свою жизнь, так как сразу стала осознавать, что организм сам себе не вредит, зная меру в деле самовосстановления. А главное, рядом всегда есть Господь, не оставляющий нас без Своей Помощи!

И вот после случая с атлантом появилась мысль добиться изменений в моём официальном диагнозе. Среди аргументов были

снимки, доказывающие наличие травматизации шеи при рождении. В случае осуществления этой надежды я, как все люди с травмами позвоночника, смогу проходить и соответствующую реабилитацию.

Не откладывая в долгий ящик, написала письмо на электронную почту одному областному чиновнику в Министерство здравоохранения области, в обращении кратко рассказав о своём официальном диагнозе «ДЦП» и о родовой травме шеи. Я просила его посодействовать, чтобы мне провели полное обследование позвоночника, шеи, головного мозга. Тогда врачи смогли бы сравнить новые данные с показателями 2014 года и сделать вывод, наблюдается ли положительная динамика в моём организме.

Также в письме я указала, что у меня нет заболеваний или патологий внутренних органов, которые обычны есть у людей с диагнозом ДЦП, что даёт основание для сомнений в правильности поставленного мне прежде диагноза. Вместе с текстовым файлом к посланию я прикрепила копии результатов медицинского обследования от 2014 года и стала ждать ответ.

Вскоре нам домой позвонила врач-невролог из поликлиники и принялась расспрашивать об имеющихся у меня технических средствах реабилитации, интересуясь, что ещё нужно вписать в программу индивидуальной реабилитации (ИПР). Я пояснила, что ИПР у меня с 2014 года, и она – бессрочная. На это невролог ответила, что из области на меня пришел запрос, потому она и предлагает попутно обновить ИПР.

Я предложила обсудить эти вопросы, а заодно и ближе познакомиться при личной встрече, тем более что живу близко от поликлиники. Но доктор раздраженно ответила, что работает на полставки, и ходить по квартирам за такую зарплату не нанималась, поэтому предлагает написать перечень необходимых ТСР, и пусть кто-то из родни занесет этот список ей в течение дня. Я согласилась.

После этого разговора я собралась принять ванну. Примерно через 10 минут раздался звонок в домофон. Мама открыла неожиданному визитеру подъездную дверь и, заглянув ко мне в ванную, сказала, что идет врач из поликлиники. Я заторопилась с помыв-

кой, и тут услышала обрывок разговора. Вошедшая в квартиру гостя сказала, что я ей собственно-то и не нужна, а побеседовать она хочет с моей мамой. На что мама, в свою очередь, возразила, раз пришли по моему поводу, то и разговаривать надо именно со мной. Женщине пришлось меня подождать, а мама удалилась ко мне, чтобы помочь с мытьем спины.

Приведу одну особенность, связанную с принятием мною ванны. После помывки всегда выхожу в махровой накидке, затем мама помогает лечь на диван, прикрыв меня дополнительно большой махровой простыней, чтобы тело обсохло, а я не простыла. Так было и в тот раз.

Когда я прилегла, мама пригласила врача в комнату. Доктор присела подле дивана на стул. Не представившись мне и не пояснив цели своего визита, она огорошила своим странным вопросом, умею ли я читать и писать!

Ответила, что не только «читать и писать» научена, но вот недавно защитила юридический диплом. Реакция собеседницы меня шокировала. Она сказала: «Зачем надо было учиться, если лежите тут как овощ без движения? От подобных людей нигде толку нет, тем более, на работе». В ответ чудом сдержалась и спокойно ответила, что я «не овощ», а человек. Далее собеседница, совершенно не смутившись, спросила, что меня беспокоит? Объяснила, что позвоночник, шея.

Врач пробурчала, что иного ответа и не ожидала, мол, только на позвоночник жалуюсь, словно других органов нет. Я уведомила, что «другие органы» у меня не болят. Затем последовал вопрос, с какой целью я обратилась в Министерство здравоохранения области? Ответила, что для изменения диагноза на основании обнаружения при обследовании родовой травмы первого шейного позвонка. Вот мне и нужно, чтобы в дальнейшем меня лечили с учетом именно этого.

Гостя возмутилась: «Зачем меня путаете и «пудрите мозги» с диагнозами? Давайте уж определитесь, какое у Вас заболевание – ДЦП или родовая травма шеи? Это совершенно разные диагнозы!» Я сказала, что в курсе, поэтому и прошу восстановить истину. Врач сдерживала себя изо всех сил. По выражению её лица и дрожащим рукам, сжимающим мои документы, было видно, как она

раздражена. Уходя, забыла тонометр, которым так и не измерила мне давление. Пришлось маме её догнать и отдать аппарат.

Придя в себя после визита оскорбившей меня госты, я в тот же день написала жалобу заведующей поликлиники. Через неделю та позвонила и сказала, что хочет переговорить со мной по поводу случившегося инцидента. Я ответила, что на такие темы люди беседуют не по телефону, а лично, смотря друг другу в глаза. Заведующая согласилась и пригласила меня в свой кабинет, уточнив, что в поликлинике недавно сделали пандус и лифт, организовав доступную среду для маломобильных пациентов.

Заведующая поликлиникой вежливо начала беседу с извинений за поведение врача, которую сама попросила прийти ко мне и провести осмотр, дав наш домашний номер телефона, чтобы договориться о времени прихода. Она и подумать не могла, что её подчиненная заявится без предварительного звонка наобум, да ещё и нахамит, обижая меня.

Заведующая еще раз попросила пересказать ситуацию, описанную в жалобе. Выслушав, произнесла, что по моим глазам видит, что это я говорю правду, а не врач, навещавшая меня, которая при их беседе преподнесла всё совсем иначе. Что касается моего желания разобраться в верности собственного диагноза, на что я имею полное право, то она его понимает.

Далее завполиклиникой спросила, по какой причине я ещё раньше написала официальный отказ от своего участкового врача. Пришлось объяснять, что, являясь его пациенткой с 2008 года, я совсем не встречала его внимания ни как невролога, ни как терапевта. Он ни разу не дал направления даже на общий анализ крови. Был случай, когда я взяла талон на приём к нему и ждала целый месяц своей очереди. В назначенный день в поликлинику ходила мама, просидев у кабинета с раннего утра с целью попросить для меня направление на КТ. Он же так и не принял её, сославшись на нехватку времени и сказав подойти вечером, но это было невозможно, так как вечером мы ждали мою массажистку. Тогда мама отправилась к нему после обеденного перерыва, вновь просидев у кабинета несколько часов. Врач не принял, не выслушал, а попросту ей нагрубил. Именно этот случай стал последней каплей моего терпения, и я написала отказ от «услуг» такого доктора с просьбой

перевести меня на участок к другому терапевту, который мне вовсе не знакомый, но я надеюсь, что он окажется хорошим человеком.

Моя собеседница вдохнула и сказала, что это моя интуиция помогла в выборе нового участкового. Этим врачом оказалась действительно достойный специалист, которую она сама очень уважает, и с сегодняшнего дня я буду переведена на ее участок.

Забегая вперед и справедливости ради отмечу, что интуиция меня действительно не подвела, и моё здоровье сегодня в надежных, ответственных руках. Моя врач уже пенсионерка, но продолжает работу, и вот именно на таких замечательных людях и держится медицина в нашей стране.

В конце разговора заведующая спросила, нужен ли мне письменный ответ на жалобу или достаточно устного? Я подумала и сказала, что необходим именно письменный ответ. Он пришел из поликлиники через несколько дней. Сообщалось, что с обидевшей меня сотрудницы взята письменная объяснительная, а за ее недопустимое поведение заведующая от имени поликлиники просит у меня прощения.

Вот и получилось, что ту докторшу совершенно не наказали за хамство. Вначале мне было горько это осознать, но я подумала и решила, что не всегда с человеком нужно разбираться в соответствии с законом. Есть ситуации, которые стоит просто оставить как есть. Бог всё Сам расставит по местам.

33. НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

И вот, наконец-то мне провели обследование шеи и головного мозга при помощи КТ и МРТ. Обследование шеи показало, что первый шейный позвонок находится на положенном ему месте. Через месяц пришло известие, что согласно моей истории болезни, запрошенной из поликлиники, телемедициной сделан вывод о несомненности диагноза ДЦП, и его оставляют прежним.

Разумеется, меня такой ход событий не устроил. Я вновь написала в Министерство здравоохранения области, настаивая на проведении очного медицинского консилиума, где стану присутствовать лично, и где меня вновь осмотрят врачи. Иначе получалось, что заочно телемедицина была проведена, а данные МРТ и КТ от

2014 года врачи словно и не сравнили с показателями 2016 года. Все выводы были основаны только на данных медицинской карты, которая за годы моего проживания в городе непонятно как заполнялась тем самым терапевтом-неврологом, от услуг которого (за абсолютным их неимением) я отказалась. В итоге мне удалось настоять на проведении очной медицинской комиссии.

На консилиум в областной центр со мной поехали мама и научная руководительница моего диплома, которая, сама являясь преподавателем правовых дисциплин, хотела не только меня поддержать по-человечески, но намеревалась также поделиться с врачами, как очевидец положительной динамики состояния моего организма после того, как атлант встал на место. На консилиум поехали, взяв с собой ноутбук, где были файлы с результатами моего обследования.

Зашли в кабинет. Там находилось несколько врачей. Я была в моём кресле-коляске, мама присела рядышком, а научный руководитель – чуть поодаль на свободный стул. Мы представились, и когда моя преподавательница назвала свою должность, то было видно, что некоторым врачам это не очень понравилось. Получалось, что на консилиуме присутствует действующий юрист...

Первое слово предоставили мне. Я решила наконец-то высказать всё, что думаю, описать все мои испытания за прошедшие годы, часть которых была напрасной, ибо лечили меня некорректно от приписанного мне ДЦП, а не исцеляя от родовой травмы шеи, и что только сейчас я стала чувствовать себя лучше, и мой организм медленно восстанавливается.

Я сказала, что в 2014 году при медобследовании была выявлена родовая травма первого шейного позвонка, последствия подвывиха которого и привели к параличу моих конечностей. Ввиду этого мне необходима реабилитация опорно-двигательного аппарата с учетом травмы шеи, что невозможно из-за официального диагноза детский церебральный паралич.

Только закончила свою речь, как тут же услышала от сидящего рядом врача чуть ли не возмущительный крик, что я несу чушь про какую-то там родовую травму шеи. Он возмущался, что если даже подвывих и случается, то это не приводит к нарушению опорно-двигательного аппарата у ребенка, а вот ДЦП приводит.

Тут слово взяла моя преподаватель. Она ответила, что знает меня не первый день, и прекрасно видит мою положительную динамику после того, как первый шейный позвонок встал на свое место. Как же тогда это объяснить с медицинской точки зрения?

Её оппонент побагровел и вскочил со стула. Он закричал, что моя преподаватель путает диагнозы, так как ДЦП – врожденная патология плода, что он утверждает, как гинеколог с большим стажем.

В нарастающую по накалу беседу вступила моя мама. Она тут же спросила, мол, раз он гинеколог, то пусть объяснит, как это его коллеги так халатно роды принимают? Не может быть, чтобы столько женщин вынашивало детей с патологией плода, а детей с ДЦП в стране не уменьшается, а увеличивается с каждым годом. И она начала рассказывать, как акушерка принимала у нее меня. Уже позеленевший от гнева гинеколог, оборвав маму, сказал, что она родила ребенка с патологией, и это не обсуждается, а откуда и почему возникает ДЦП, медицине не известно.

Тут уже и я не выдержала и, защищаясь на повышенных тонах, стала призывать врачей хотя бы сейчас посмотреть правде в лицо и признать последствия именно родовой травмы.

Сидевшая рядом со мной пожилая врач-невролог спросила, зачем мне так нужна эта смена диагноза, ведь лечение в обоих случаях носит схожие методики? Я ответила, что может это и так, но меня уже до глубины души достало, что врачи, видя в моей медкарте ДЦП, относятся ко мне как к человеку второго сорта. Со мной либо начинают разговаривать как с недоразвитой, либо, вообще не обращая на меня внимания, сразу начинают вести беседу с мамой. А ведь человеческое отношение врача к пациенту – это уже половина лечения!

И тут все врачи начали в один голос твердить, что я несу полный бред. Мол, доктора никогда не притесняют пациентов, ко всем без исключения отношение доброжелательное, и человек с ДЦП для любого врача такой же, как все другие люди. Услышав это, мои нервы сдали еще больше. Я выпалила, что могу сказать, опираясь на собственный опыт, что многим из медиков все равно, что будет с пациентом, им безразлично, что он чувствует в душе, и оскорбить его вообще ничего не стоит. Для наглядности готова вот

прямо сию минуту дать почитать копию моей жалобы на аналогичный случай с врачебным хамством.

Внезапно того сердитого гинеколога вызвали на срочные роды. Когда он покинул кабинет, воцарилась спокойная атмосфера, и разговор продолжился уже в нормальном тоне. Мама сказала, что мы привезли ноутбук, где есть файлы с результатами моих обследований, и она предлагает с ними ознакомиться, чтобы убедиться в имеющей место положительной динамике. Но доктора сказали, что ничего смотреть не собираются, так как из-за прошедшего времени у нас просто нет доказательств насчет имевшей место родовой травмы ...

Разумеется, их высказывания были неправдой. Для профессионалов разглядеть такую травму даже спустя годы вполне реально, но это лишь в том случае, когда у людей есть искреннее желание помочь человеку и совесть...

В кабинет вновь вернулся скандальный гинеколог и с порога заявил коллегам, что он ни за что не подпишет документ, если они признают у меня наличие родовой травмы и ее последствия. Высказав это, он тут же ушел, находясь по-прежнему во взвинченном состоянии.

Прошло более двух часов полемики. Беседа, правда, стала поспокойнее, но напряжение все равно чувствовалось. Ко мне подсел нейрохирург, которого я уже спокойным тоном спросила, как же они не понимают, что я прошу помощи в смене диагноза не из-за каприза, а чтобы лечиться дальше правильно. К тому же у меня присутствует большой прогресс – правильно установился первый шейный позвонок благодаря грамотному массажу шеи и спины.

Я принялась рассказывать, что ощущала и чувствовала, когда атлант вставал на свое место. Потихоньку я начала рассказывать о том дне... Но меня неожиданно оборвал нейрохирург, сказав, что мои бредни никому не нужны.

Ответно и я уже более грубо сказала, что они просто не хотят видеть очевидного и посмотреть правде в лицо, а я докажу их неправоту, встав с коляски и показав, что умеет мое тело. Нейрохирург сказал, что им ничего не нужно показывать. Но я не стала его слушать, а, попросив маму помочь подняться с кресло-коляски, встала у стены, оперевшись о неё спиной.

И вот, когда я так стояла, а мама подстраховывала меня, все присутствующие с удивлением приблизились ко мне, а нейрохирург произнёс: «Боже, она стоит сама! Пусть неуверенно, но стоит, чудеса!» Остальные врачи молчали. Нейрохирург прощупал мышцы моей спины и констатировал, что мне вовсе не нужны лекарства. Дело в том, что у меня просто очень слабые спинные мышцы, и мне необходима реабилитация опорно-двигательного аппарата. Он заметил, что скорее всего, если бы мышцы спины были крепкими, я бы ходила самостоятельно. Невролог, стоящая неподалеку, с ним согласилась. Потом одна из врачей подала мне свои руки, и попросила, держась за них, попробовать пойти на нее. Я это выполнила. Врачи не знали, что думать.

Меня попросили присесть на коляску. Нейрохирург с неврологом решили меня осмотреть. Как только нейрохирург коснулся к моей левой руке, в которой всегда повышен тонус мышц, он произнес: «Смотрите, она полностью живая, конечности с повышенным тонусом невозможно разогнуть в локте, а тут все разгибается-сгибается, и даже кисть руки выводится».

Начался осмотр стоп. Тут дела обстояли сложнее. Я объяснила, что не смогу ими подвигать, так как мне в детстве сделали подрезание сухожилий, и теперь мои стопы напоминают лапы моржа и не слушаются меня. Врач сказал, что таким способом меня спасли от «конской стопы». Но я ответила, если бы не родовая травма шеи, не было ни «конской стопы», ни изогнутого позвоночника, ни ослабленных и неправильно работающих мышц. Невролог провела осмотр молча. После этого я попросила маму дать врачам копию жалобы на врача из поликлиники. Прочитав её, доктора сказали, что им жаль, что у нас с тем врачом не нашлось взаимопонимания. Увидев подпись на жалобе, нейрохирург спросил, моя ли она. Я подтвердила. Он был удивлен ровности моего почерка и попросил написать для него на листе бумаги пару строк на память. Он сказал, что будет показывать мой почерк своим пациентам и рассказывать, каким нужно быть сильным и стойким, чтобы встать на путь выздоровления и идти по нему.

Часа через три нашей встречи врачи наконец-то принялись обсуждать, что писать в медицинском заключении. Всё говорилось

почти шёпотом, но было слышно, как произносятся названия лекарственных препаратов, хотя еще десять минут назад они соглашались, что лекарства мне не нужны, а необходима реабилитация опорно-двигательного аппарата. Но меня, маму и мою преподавательницу особенно поразило, что в результате обсуждения вопроса о необходимых мне специалистах, они решили порекомендовать обращение к логопеду, дефектологу и психологу!

Услышав это, я стала возмущаться, так как в заключении врачами писалось нечто несурзкое! Сразу попросила копию, но мне было отказано...

Тогда к столу, за которым разместился консилиум, подошла моя преподавательница и сказала, что чисто по-человечески просит не портить мне жизнь. Раз так сложно изменить диагноз, пусть дополнят к ДЦП последствия родовой травмы шеи, и, конечно же, не указывают в медицинском заключении специалистов, которые уж точно мне не нужны, мол, она сама учила меня и отлично знает интеллектуальные способности студентки, имеющей диплом с отличием. Выслушав мою преподавательницу, одна из присутствующих врачей ответила, что мне уже не пять лет, чтобы что-то серьезно менять в моих медицинских документах, и раз я прожила уже большую часть своей жизни с этим диагнозом, то вполне себе поживу с ним и дальше, а им всем еще работать.

Приехав домой, я чувствовала себя физически вымотанной, но полной эмоциональных сил и решимости продолжить образование и поступить в магистратуру.

Увиденное и услышанное на консилиуме многое изменило в моей картине мира. Я поняла, что всё, касаемое диагноза, пусть и поставленного по ошибке, уже не изменить. Врач будет стоять горой за коллегу, даже совершившего такой существенный промах. Как говорится, «отстаивая честь мундира». Поэтому лучше не тратить попусту время и нервы, а продолжать свой собственный путь. С этого дня я решила учиться, чтобы стать сильнее и по возможности защищать тех, кому нужна справедливость. Кроме того, я была твердо намерена лечиться как сейчас, пусть неофициально и за свой счет, но при этом получая достойное человеческое отношение к себе. Также решила, что в моей жизни больше не будет никаких научных медицинских центров, так как я не кролик для

экспериментов. Просто буду жить, учиться, работать и помогать своему организму самому себя восстанавливать.

Я решила написать письмо в Министерство здравоохранения области, и рассказать о прошедшем консилиуме. Ответ пришел довольно быстро. Помимо многословной «воды» суть сводилась к тому, что мой диагноз несомненно – ДЦП. Кроме того, я должна прислушаться и обратиться за помощью к рекомендованным докторами специалистам. Также в письме было ясно выражено предположение, что все обращения по инстанциям за меня пишет кто-то другой. И тот факт, что я могу общаться с людьми, говорит лишь о колоссальном труде моих родственников, которые в детстве занимались со мной, уча общению.

Ответила сразу, что никто не смеет ничего подобного писать или говорить обо мне, не зная моего детства, моей судьбы, не общавшись со мной вживую, что на самом деле никто за меня не думает, не решает, не пишет. Закончила послание словами, что если бы в медицине отсутствовали бездушие, хамство и халатность, то было бы намного меньше детей с родовыми травмами.

34. МАГИСТРАТУРА

Итак, я искала и нашла российский государственный институт, где имелась необходимая мне форма дистанционная обучения, включающая в себя и сдачу государственных экзаменов. Летом, успешно сдав вступительный тест-экзамен, я была зачислена в магистратуру. В профиле образовательной программы значилось: правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления.

Учиться пришлось платно, несмотря на мой бакалаврский диплом с отличием, так как дистанционная форма обучения предлагалась лишь на коммерческой основе.

Сам процесс обучения для меня был несложен. Предоставлялся удобный электронный кабинет студента, через который позволялось выбрать даже преподавателя, с которым бы хотелось общаться и в плане проверки рабочих заданий, и для уточнения неясных учебных моментов. Часто проходили онлайн лекции, во время которых также можно было задать преподавателю вопрос и

тут же получить ответ. Лекции были доступны и в офлайн формате. Так что процесс дистанционного обучения оказался удобным. Сложности наступили, когда подошло время прохождения практики.

Из отдела практики мною были получены документы, согласно учебному направлению, так как практику предстояло проходить по профилю обучения.

Я решила связаться с администрацией нашего города. Но ведь просто так на прием к Главе не попадешь. Я позвонила в приемную и получила ответ, что по вопросу прохождения юридической практики стоит обратиться к начальнику юридического отдела. Отмечу, что у входа в здание городской администрации пандус имеется. Только вот на этом вся «доступная среда» и заканчивалась. Отделы разбросаны по разным этажам, а лифт узкий, и кресло-коляску не поместить. Потому пришлось просить маму сходить в юротдел и поговорить от моего имени насчет практики.

На проходной перед мамой стеной встал охранник, мотивируя отказ в пропуске тем, что она предварительно не записана на прием. Тогда мама пригрозила вызвать журналистов местного телевидения и рассказать, как её не пропускают всего лишь поговорить насчет практики дочери-студентки, которая лично не может это сделать, ибо является маломобильной, а в здании нет необходимой для её передвижения доступной среды. Охранник сдался.

В кабинете начальника юротдела поддержки не нашлось. Руководитель сразу задал вопрос, почему для практики выбрана именно городская администрация? Мама пояснила это тем, что в нашем городе почти отсутствует доступная среда, а практику я должна проходить именно в госучреждении. Что же касается других организаций социального значения, то попасть в здания, где они размещаются, мне будет сложно, а городская администрация хотя бы пандус у подъезда имеет.

В ответ было сказано, что в данный момент в отделе нет свободных рабочих мест, а ради моей студенческой практики руководитель никого увольнять не собирается. Мама возразила, что отлично знает о том, что студенты всегда проходили и проходят практику просто прикрепленными к какой-то организации. При этом ни о каких увольнениях штатных сотрудников даже речь не

идет. Она попросила, чтобы я хотя бы удаленно прошла у них практику. Начальник пообещал подумать.

В тот же день мне позвонили из отдела практики моего института и попросили срочно прислать документы с указанием места прохождения учебной практики. Пришлось признаться, что, имея инвалидность, я передвигаюсь при помощи кресло-коляски. (Дело в том, что про это обстоятельство прежде я в ВУЗ не сообщала, чтобы обучение проходить на общих основаниях). Вот и сложилась теперь ситуация, когда доступной среды в госучреждениях нашего города, можно сказать, нет, а в администрации, где имеется хотя бы пандус, не в восторге от такой практикантки как я.

Объяснив ситуацию, я с грустью добавила, что раз с практикой дела не складываются, а она – неперемнная часть обучения, то могу прямо сегодня добровольно написать заявление на отчисление. Мне было обещано перезвонить часа через два.

Вскоре вновь раздался звонок из моего ВУЗа, и меня, к моему удивлению и радости, уведомили, что на кафедре факультета принято решение о моем дистанционном прохождении практики прямо у них, а о том, чтобы бросить учебу, и речи быть не может! Я от всей души поблагодарила мою собеседницу и всех, принявших такое решение, за равнодушие ко мне.

За год до завершения обучения всем студентам был предложен список тем для магистерских диссертаций, но как-то в нём я ничего для себя интересного не выбрала. Хотелось написать работу, связанную с медициной... И вот я обратилась на кафедру с просьбой разрешить мне попробовать заняться диссертацией на тему: «Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность». Просьба была одобрена.

Магистерская диссертация, как и любая другая, создается «не наскоком». Для обдумывания, сбора материала и написания глав выделяется необходимое время согласно заранее утверждённому графику. Мне крайне повезло с научным руководителем, который параллельно вёл и другие правовые дисциплины. С первых дней обучения в магистратуре я поняла, насколько он умный и ответственный человек. В процессе проверки каждой главы он очень внимательно относился не только к содержанию, но и к оформлению текста и был требовательным во всем. Благодаря таким

наставникам из студентов впоследствии и получают знающие специалисты.

С диссертацией справилась раньше положенного срока. Углубленной работе способствовало то, что тема меня крайне интересовала, а также опыт учебы на бакалавриате, когда я также справлялась досрочно со всеми заданиями. Ко всему прочему, я располагала и необходимым временем. Правда, учебой в магистратуре я занималась в основном в ночное время. Днем уделяла внимание здоровью – массажам, физкультуре, а также, стараясь немного подзаработать, подчас уже оказывала юридические услуги.

Кстати, консультировать в вопросах права я начала с самого начала моего обучения на юридическом факультете ещё в 2011 году. Оказывала помощь совершенно бесплатно, понимая, что практика необходима, в первую очередь, для меня самой, если хочу стать настоящим специалистом. Поначалу я испытывала естественные эмоциональные сложности и стеснение, что ещё – всего лишь на всего студентка... Кроме того, невольно пропускала через себя проблемы своих клиентов, что категорически делать нельзя, чтобы не заработать профессиональное выгорание. Постепенно я научилась оказывать именно правовую помощь, основываясь на Законодательстве, и перестала сама «проживать» чужие проблемы как свои, так как в этом обращающиеся ко мне уж точно не нуждались.

Наступила пора «госов» – самый напряженный момент для студентов. Государственный экзамен предписывалось сдавать всем учащимся нашего отделения одновременно и дистанционно. Прием начался в 9 утра. Из-за многочисленности студентов было понятно, что процесс окажется долгим. У каждого из нас ноутбук был расположен так, чтобы для экзаменационной комиссии был полный обзор комнаты, где находился экзаменуемый.

Моя очередь подошла где-то через 5 часов... По дистанционной связи я видела, что мой научный руководитель пришел в аудиторию, где сидела приемная комиссия, в самом начале экзаменов. Все это время он, сидя на последней парте и наблюдая за происходящим, ждал, когда я приступлю к сдаче. Безусловно, было очень

приятно видеть его и понимать, что таким образом он меня поддерживает. Это подтверждает, что, даже зная кого-то просто онлайн, к нему можно проявлять искреннюю человечность.

Надо отметить, что этот человек поддерживал меня всегда, даже в момент, когда за пару месяцев до защиты магистерской диссертации мне и еще нескольким студентам заменили научного руководителя. Такое моральное подбадривание мне было необходимо. Дело в том, что по непонятной причине мне не давали ссылку на допуск к защите. Все студенты получили код доступа за сутки до защиты, а мне ничего не присылали. Но я почему-то была твердо уверена, что Бог сделает все так, как для меня полезно. Не имея доступа к системе для защиты диссертации, я все равно сидела за компьютером. Когда оставалось пять минут, я мысленно помолилась и обратилась к Богу со словами, если я училась на юриста все эти семь лет не ради стремления помогать людям, а ради тщеславия и какой-то выгоды, то допускать к защите диссертации меня не надо, а если Господь видит, что этот путь я прошла без корыстных целей, то пусть Он мне поможет. И в этот момент мне прислали код доступа.

Моя защита прошла хорошо. Как только комиссия объявила оценки, я сразу написала своему научному руководителю, сообщив что НАША с ним оценка «5». Преподаватель тут же откликнулся: «Поздравляю!!!»

В тот же день, причёсываясь перед зеркалом, я увидела, как мне на лоб упала тонкая серебристая прядь волос, которой не было еще утром...

Свой магистерский диплом я считаю наполовину дипломом и моего научного руководителя. Если бы он не вложил в меня часть своей души, я бы не получила тех юридических знаний, которые имею. У меня не появилось бы и желания писать научные статьи, которые с его моральной поддержкой я в итоге потихоньку начала отправлять в научно-практические журналы.

С тех пор минули годы, но я не теряю связи со своим научным руководителем и другими преподавателями института. Ведь этой благодарной памятью сильны мы сами.

35. ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО

Порой в жизни неожиданно возникают люди из нашего прошлого, с кем нас, казалось бы, давно развела судьба...

Приехав на лето в деревню, я как-то сидела дома и занималась делами. Пришел отец и сообщил, что только что видел NN, которая спрашивала обо мне и хотела бы завтра встретиться. Я удивилась, поскольку не понимала, чем, спустя много лет, моя персона могла её заинтересовать. Ведь когда мне была нужна её поддержка, как человека, занимавшего в районной администрации значимый пост, она, приехав к нам, высказалась, что мне незачем переезжать в город. Мол, жить в деревне куда лучше. Воздух чистый, цветочки цветут, птички поют... Именно эта женщина в своем отчете в область когда-то написала, что я совершенно не нуждаюсь в улучшении жилищных условий. Так зачем ей потребовалось встречаться со мной теперь?

На следующий день эта дама пришла к нам в гости. Она несколько не изменилась. Бала такой же общительной, осанистой и любезной. Так как в прошлом у неё был диплом врача, она сразу обратила внимание на изменения, произошедшие со мной в лучшую сторону. Конечно, я уже не была той наивной девушкой, и слова любезности не очаровали меня...

Гостью словно бы искренне интересовала моя судьба, все произошедшее со мной за эти годы. Оказывается, до неё дошли слухи, что я не только переехала в город, но и сумела получить диплом юриста. По её словам, я не обманула её при нашей беседе, случившейся много лет назад, говоря, что хочу жить в городе ради возможности получить образование и стать полезной людям.

Я ответила, что действительно скоро заканчиваю обучение в магистратуре. Затем беседа зашла о моем здоровье. Я рассказала, как попала на обследование, как нашли родовую травму шеи, да и про консилиум врачей по вопросу смены диагноза. Она, как человек с акушерским и терапевтическим образованием, ответила, что, даже не видя моих последних данных медобследований, совершенно согласна с коллегами, что травма шеи была. Ей, как врачу, тоже захотелось познакомиться с анамнезом. Пришлось ответить,

что все данные обследований с заключениями врачей у меня в городе, но, если ей так хочется с ними познакомиться, то можно попросить моих родных, которые на днях приедут в деревню, их захватить. Гостья обрадовалась.

Когда документы оказались у меня, эта женщина снова приехала к нам. Внимательно все просмотрев, сказала: «Я рада, что наконец-то на твоём жизненном пути встретились настоящие врачи, сумевшие найти причину, почему ты не ходишь. Безусловно, дело в родовой травме шеи. Утверждаю это как акушерка и терапевт. Береги эти документы. Они важны своей правдивостью».

Когда мы остались в моей комнате наедине, то она, встав с кресла, подошла, положила руку мне на плечо и произнесла:

«Ириночка, прости нас, врачей, мы переписали всю твою жизнь... Если бы до годовалого возраста начали лечить родовую травму, ты бы давно бегала своими ногами без всяких последствий. Тебе не пришлось бы преодолевать тот путь, который ты проходишь с малых лет, те трудности, о которых мы можем только догадываться».

Пока она говорила, я молча смотрела в окно. Слов не было. В юношеском возрасте, думаю, мне было бы, что ответить. Но прошли годы. Моё восприятие многих вещей изменилось. Теперь я понимаю, как неправильно жить прошлыми обидами, и, главное, жить с «если бы» ... Именно это пресловутое «если бы» ничем никогда не поможет. Надо жить настоящим, имея надежды в будущем. «Киноленту жизни» обратно не перемотать, а вот реальность и будущее – в наших руках.

Не знаю, была ли искренней моя гостья, но надо отдать ей должное, ведь подобные слова способен произнести далеко не каждый...

36. ПОИСК РАБОТЫ

Получив диплом магистра юриспруденции, в поиске работы я первым делом обратилась в центр занятости населения, если кратко, то в ЦЗН. Кстати, в здании, где он размещен у нас в городе, тоже отсутствует доступная среда.

Я помнила слова инспектора, которая несколько лет назад, когда я приехала жить в город, сказала, что у меня нет профобразования, и сейчас им не подыскать мне работу, что они смогут что-то сделать, лишь когда я выучусь.

Мое вторичное обращение в ЦЗН уже при наличии диплома о высшем образовании работниками было воспринято со словами: «Мы ничем не можем помочь, так как в основном подыскиваем работу для людей без высшего образования».

Далее всё с той же просьбой помочь с поиском работы я обратилась в администрацию города. Оттуда вновь перенаправили в ЦЗН, где стали гонять по кабинетам для постановки на учет по безработице, на котором меня могли держать не более трех месяцев.

Зарегистрировав мои данные на первом этаже, меня оправили к инспектору, чей кабинет находился на четвертом. А в здании не было ни пандуса, ни лифта. По лестнице я поднималась при поддержке отца. Пока дошли, куртка моя была мокрой от пота. Инспектор мне ничего утешающего не сказала, лишь посоветовала самой поискать работу в частных юридических фирмах или государственных организациях, тем более что юрист может работать удаленно, но при этом необходимо будет зарегистрироваться в налоговой инспекции, как самозанятая. Через три месяца, ничего не предложив, меня сняли с учета по безработице.

До того момента со мной уже произошло два неприятных случая, связанных с работой.

Однажды директор представительства института, где я училась на бакалавра, посетовала знакомому юристу, что у меня нет работы. Этот человек позвонил мне и сказал, что ему нужна помощь с подготовкой кодов по госзакупке. Я призналась, что такое дело мне совсем не знакомо. В ответ было обещано всё разъяснить.

Нужные для анализа документы мне были присланы по электронной почте. Я перезвонила своему неожиданному работодателю с просьбой подсказать, что к чему, но он ответил, что не имеет времени, и мне вполне можно разобраться самой. Почитав о госзакупках, я поняла, что моя задача состоит в нахождении кодов и названий... Я всё отыскала, кроме трех необходимых кодов, о чем и сообщила тому юристу. Он ответил, что это не страшно, и

он доделает сам, а основная работа мной выполнена хорошо, и мне заплатит, как обещал...

После того случая мне неожиданно позвонила сотрудница ЦЗН и спросила, почему я не интересуюсь, что конкретно из оргтехники будет закуплено для моего рабочего места? Я растерялась, так как абсолютно не понимала сути вопроса. Собеседница пояснила, что к ним только что обратился мужчина, при этом было названо имя моего недавнего работодателя. Мол, он сказал, что собирается принять меня работать в свою фирму и знает о программе ЦЗН, согласно правилам которой работодателю возвращаются деньги за оборудование рабочего места дома у сотрудника, который имеет инвалидность и разрешение медико-социальной экспертизы (МСЭ) на трудовую деятельность. Ему ответили, что такая программа действительно существует, и они готовы согласно ее лимиту компенсировать ему, как работодателю, денежную сумму, потраченную для создания моего рабочего места. Но всё это возможно только после того, как он закупит, привезет к нам домой и установит все необходимое. После из ЦЗН должна будет прийти с проверкой комиссия и свериться с чеками. Только если все окажется в порядке, компенсируется потраченная сумма. Также юриста заверили, что ЦЗН будет контролировать соблюдение моих трудовых прав.

По словам инспектора ЦЗН, этот мой «потенциальный работодатель» почему-то не явился в день подписания договора. На телефонные звонки он тоже не отвечал...

Такой вот странный случай... А деньги за проделанную работу по госзакупкам он мне все же отдал. Правда, произошло это почти год спустя.

Позвонил 31 декабря и сказал, что разбирался в отчетах и увидел, что забыл мне заплатить. Появившись через час, отдал, не глядя в глаза, две тысячи рублей и тут же ушёл.

Второй случай состоял в следующем: однажды пришло письмо от человека, представившегося руководителем юридической фирмы. Мол, ему рассказали обо мне, и он готов пригласить меня работать к себе удаленно. Я с готовностью согласилась. Это как раз был период коронавирусной инфекции COVID-19, когда многие частные организации уходили на вынужденные каникулы.

Хотя моя юрподготовка иного направления, но при необходимости можно его переквалифицировать. В задачу входило составление текстов заявлений для коммерческих предприятий. Рабочий день был ненормированным. Начальник мог позвонить или написать в любой момент, и тут же нужно было приступить к выполнению работы. Случалось, он говорил, что я на сегодня свободна, но уже через полчаса перезванивал с очередным заданием написать какие-то шаблоны для писем. И как-то так выходило, что зачастую я оставалась без обеда или ужина.

Однажды он позвонил поздно вечером, и мне пришлось сидеть за компьютером до четырех утра. За две недели такой «ненормированной» работы я поняла, что превращаюсь в подобие рабыни, которой как захотят, так и руководят. Кстати, о зарплате мой начальник и речи не заводил. Поначалу думала, что делаю что-то неправильно, но ведь он меня не поправлял, да и неожиданно на сайте его фирмы стали появляться «плоды» моей работы! С этой фирмой я распрощалась, не получив ни копейки, но пусть все останется на совести того человека...

37. НЕОБОСНОВАННЫЕ ОТКАЗЫ

Два года я проходила дистанционно курсы «Медицинское право: этика и деонтология» в Москве в НИИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева. Случилось это так:

Знакомая познакомила меня с профессором хирургии, проживающим в столице. Наше с ним общение происходило и происходит по сей день в онлайн формате, что не мешает слышать и понимать друг друга.

Новый знакомый, узнав, что работаю над юридической магистерской диссертацией, связанной с медициной, вскоре написал, что видит во мне склонность к этой области и, если в дальнейшем как правовед выберу её, он будет рад. Я ответно поблагодарила, так как получить такое мнение именно от врача было особенно ценно. А ещё радовало, что он не думал, будто я из-за своих жизненных проблем таю злобу на весь «медицинский свет».

Вскоре профессор прислал сообщение, что в Москве в Бакулева будет проходить курс «Медицинское право: этика и деонтология». Мне захотелось поучаствовать, что и сделала. После, как все

остальные слушатели, сдала итоговый тест-экзамен, и мне «Почтой России» прислали Удостоверение. Через время тот же мой знакомый предложил попробовать писать научные статьи, касающиеся «Медицинского права». Поначалу отказывалась, хотя опыт работы над научными статьями у меня уже имелся при учебе в магистратуре. Правда, тогда речь шла об учебных материалах, а не публикациях в специализированных изданиях.

В переписке со своим научным руководителем из магистратуры, с которым мы не переставали общаться, поделилась, что один профессор-хирург хочет, чтобы я начала делать первые шаги в науке. Мой руководитель тут же порекомендовал федеральный научно-практический журнал, сказав, что профессора поддерживает, и мне нужно начинать потихоньку двигаться в этом направлении.

Так, поддерживаемая моими наставниками, я написала свою первую научную статью, которую вскоре опубликовали в федеральном научно-практическом журнале «Медицинское право».

Заниматься теорией интересно, но еще увлекательнее, когда она совмещена с практикой. Я решила написать губернатору нашей области, рассказать ему о себе с просьбой помочь найти работу, желательно дистанционную. Сообщила и то, что прошла курсы по Медицинскому праву.

За месяц пришло два письма. Первое – из Министерства труда и социального развития. В нём сообщалось, что на текущий момент по нашей области имеется 20 вакансий для граждан с юридическим образованием. Основное содержание письма давало рекомендацию обратиться в центр занятости населения (ЦЗН) по месту проживания.

Второе письмо я получила из Министерства здравоохранения. Там говорилось, что вакантных мест на должность юриста в учреждениях здравоохранения не имеется. Мне предложили рассмотреть вакантную позицию в детской больнице – оператора организационно-методического отделения, дав контакты для связи с главным врачом.

Позвонила в тот же день. Договорилась о встрече. На этот раз мне повезло – не пришлось преодолевать лестничных пролетов,

так как кабинет главного врача находился на первом этаже. С собой я взяла документы, необходимые для потенциального работодателя.

Моя собеседница встретила меня довольно вежливо, но напряжение, возникшее сразу, невольно ощущалось. Главврач сначала просмотрела мои документы, удивившись двум красным дипломам. На её вопросительный взгляд пошутила, что у меня в общем-то не было изначальной цели получить документы с отличием, но так случилось. Удостоверение о курсах «Медицинское право: этика и деонтологии» осталось без её комментариев. Вот только ознакомившись с моей индивидуальной программой реабилитации (ИПР) главврач сказала, что несмотря на присутствие в этом документе медико-социальной экспертизы (МСЭ) с разрешением на трудовую деятельность, она все равно хотела бы уточнить у юриста больницы, имеет ли оно актуальность. Я ответила, что ИПР, как и указано, дана мне бессрочно, и разрешение на труд действительно.

Главврач все равно вызвала юриста, а пока та шла в кабинет, сказала, что несмотря на мое образование, юристом она меня взять не может, так как это место занято. Хотя там сейчас и работает пенсионерка, но с ней расставаться никто не намерен. Я ответила, что понимаю это и готова работать и не по своей специальности. Наконец подошла юрист и просмотрев ИПР подтвердила, что документ актуален, и я имею права работать. Главврач помедлила и произнесла, что все равно не допустит меня к работе оператором организационно-методического отделения, пока я не пройду медицинскую комиссию, которая дополнительно подтвердит разрешение на трудовую деятельность.

Когда юрист покинула кабинет, моя собеседница стала разъяснять, насколько сложна эта работа. Мол, там сотрудники от усталости падают, надо много печатать на компьютере, и у нее есть сомнения, справлюсь ли я. Пришлось объяснить, что печатаю неплохо, ибо семь лет дистанционной учебы не прошли даром.

Кивнув, она согласилась, но снова последовал вопрос, смогу ли я, конечно же, подразумевая потом мою деятельность удаленной, первое время приезжать в больницу, чтобы обучаться необходи-

мым навыкам? Я подтвердила, что это возможно. Следующий вопрос ошарашил – уверена ли я, что меня примет коллектив? Я не растерялась и сказала, что проблем при знакомстве и общении с людьми обычно не имею. В итоге главврач решила, что надо дожидаться выхода из отпуска заведующей отделением, где я намерена работать, и со мной вновь свяжутся.

Кстати, во время нашей встречи главный врач обратила внимание на воротник Шанца на моей шее. Это обстоятельство ее заинтересовало. Я объяснила, что долгие годы жила, не подозревая о родовой травме шеи, а когда ее выявили лишь много лет спустя и стали лечить массажем, то неожиданно подвывихнутый атлант встал на место. Потому сейчас мне необходимо беречь шею, особенно во время поездок на автомобиле. Рассказала я и о том, что пришлось прочесть массу медицинской литературы, чтобы понять, что к чему, и могу ей рассказать о своих выводах. Главврач ответила, что знает, к каким последствиям приводит подвывих первого шейного позвонка при рождении.

В конце встречи моя собеседница вызвала в кабинет секретаря, чтобы та сняла копии с моих документов. Когда та вернулась и положила на стол оригиналы и сделанные с них копии, главврач, взяв в руки один из листков, зло зашептала: «Что Вы наделали?!» Я поняла, что испорчен какой-то из моих документов. Но в тот момент, не зная в точности, в чем дело, промолчала.

Просматривая документы уже дома, вдруг увидела, что на титульной странице ИПР секретарем написано «копия верна» и поставлен штамп детской больницы! Я была в шоке! Ведь теперь Фонд социального страхования (ФСС) этот документ может признать недействительным, не дать технические средства реабилитации (ТСР) или отказать в выплате компенсации за их самостоятельное приобретение. Запрашивать же дубликат ИПР или делать новый документ – процесс очень длительный! Чтобы решить эту проблему, я написала в Федеральный ФСС и Федеральную МСЭ, объяснив кратко суть происшествия, спросив действителен ли ещё мой документ? Обе организации, к счастью, ответили, что он по-прежнему актуален.

Прошло несколько недель, но заведующая организационно-методического отделения, которая по всем срокам уже должна была

выйти из отпуска, мне не перезванивала. У меня же номера её телефона не было, но я нашла её страницу в одной из социальных сетей и, извинившись за беспокойство, объяснила, кто я такая и почему обращаюсь.

Женщина оказалась совершенно не в курсе дел, и ничего обо мне главврач ей не сообщала. Позже она написала, что её начальницей мне отказано в принятии на работу, так как я не справлюсь с предполагаемой работой, не смогу печатать на компьютере с необходимой скоростью.

Что мне оставалось? Поблагодарила завотделением за хлопоты. Конечно, неприятно было узнать об отказе, когда тебя даже не проверили на испытательном сроке...

Я сделала письменный запрос на имя главного врача с просьбой дать мне письменное разъяснение, по какой причине мне отказано в приеме на работу. В ответе была указана совсем иная причина! Мне сообщалось об отсутствии у детской больницы денежных средств на проведение для моей дистанционной работы отдельного защищённого интернет-канала...

Может быть, и нужно было продолжить борьбу за рабочее место, но я очень вымоталась морально. Приняла решение сделать перерыв, чтобы «перезагрузиться».

38. «БИОЛОГИЧЕСКИЙ ДОМИК»

Наш организм и его здоровье бесценны... Пока мы живем здесь на земле в своем теле, то просто обязаны заботиться о нем и любить таким, какое оно есть.

Спустя шесть лет после того, как мой атлант встал на нужное место, я начала пытаться ходить с ходунками по комнате. Первое время было очень сложно. Ведь даже когда человек вынужден был не ходить по какой-то причине даже месяц, первый самостоятельный шаг после этого ему тоже сделать непросто. Он может словно «забыть» о ходьбе, но при этом всегда остается мышечная память, которая помогает нейронам головного мозга восстановить сигнал.

У людей как я, которые никогда не ходили самостоятельно, ни клетки головного мозга, ни мышцы тела не имеют памяти, связан-

ной с самостоятельной ходьбой. Поэтому оторвать хотя бы на миллиметр ногу от пола, не говоря уже о самостоятельном шаге, для организма не только стресс, но и огромный труд.

Чтобы приподнять ногу, стоя в вертикальном положении, необходим сигнал, идущий от головного мозга к спинному и далее «по цепочке», ведущей к ногам. Чтобы сделать шаг, я мысленно обращаюсь к своему головному мозгу и шее помочь ногам. Тело всегда слышит и помогает... Порой этот самый шаг получается не совсем правильным, и ногу заносит в бок. Но это только до поры, пока мышцы не запомнят движение.

Если мой организм что-то делает не так, я не сержусь, а, понимая, как ему непросто, позволяю передохнуть необходимое для него время. Как только тело готово продолжить занятие, оно само об этом подсказывает.

Месяца два я ходила, преодолевая по комнате порядка четырех метров в день. Это только в фильмах реабилитация происходит быстро, а на деле все иначе. Организм перестраивается очень медленно... Как только я чувствую его готовность увеличить расстояние для ходьбы с ходунками, прибавляю за один раз по два метра. При этом новые шаги болезненны для позвоночника, и порой приходится лежать по 2-3 дня, практически не вставая.

Я заметила, что сразу после прибавки шагов в моем организме начинается анатомическая перестройка на физиологически правильное расположение мышц, связок, усиление кровообращения шеи и головного мозга... Когда начинают происходить анатомические изменения в верхних отделах позвоночника, непосредственно затрагивающих шею, то в ней даже при незначительном повороте головы появляется острая боль. По ощущениям, шейные позвонки затрагивают нервы.

Боль напоминает ту самую, когда при лечении зуба задевается нерв. Также при этом может возникнуть довольно сильная, но «теплая» болезненность в правом виске, над правой бровью, в центре лба. Бывает, что болит сам позвоночник. Становится сложно дышать, а во время выдоха боль перемещается в подреберье. Кроме того, в такие дни тело поначалу ощущает холод, а потом – волною распространяющееся тепло и пульсацию крови.

После таких преобразований в течение двух-трех дней тело начинает даже немного удивлять. Например, уже не надо посылать мысленный сигнал ноге, чтобы оторвать ее от пола. Она сама делает шаг. Улучшается равновесие, меньше чувствуется усталость при ходьбе с ходунками, ровнее становится позвоночник.

Прошло уже два года, как я начала учиться ходить с ходунками по квартире. За этот период организм значительно окреп и изменился в лучшую сторону. Продолжает нарастать мышечная масса, благодаря чему проще держать равновесие. Но шея, конечно же, будет восстанавливаться еще долго. Сделать шаги в ходунках получается, если смотришь в пол. Стоит чуть-чуть приподнять голову, и контроль над телом теряется. Сильно сказываются последствия родовой травмы, повлиявшей на работу всей нервной системы организма.

Но я уверена, что человек способен восстановить свое здоровье, и главное на этом пути – наш разум и вера в силы своего организма.

Я часто испытываю боли, но не принимаю обезболивающие препараты, так как за девять лет лечения последствий родовой травмы как-то интуитивно научилась отличать «плохую» боль от «хорошей». Что касается иных лекарственных средств, то я принимаю их только по рекомендации моего врача-реабилитолога, которая всегда в курсе всего происходящего со мной.

Кстати, в фокусе моего зрения начисто отсутствуют всякие колдуны-экстрасенсы-шарлатаны... Так сложилось, что я сталкивалась с разными врачами, и кто-то из них очень огорчал меня. Но я благодарна Богу за встречи с истинными докторами, настоящими, добрыми, квалифицированными, человечными!

Я упорно иду по сложному пути выздоровления. И сегодня могу сказать, что неотъемлемым в этом странствии являются полное доверие между врачом и пациентом и любовь к своему «биологическому домику».

39. ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО

Заботы о здоровье, конечно, важны, но в моей жизни были и другие необходимости.

На дворе 2021 год (два года, как закончила магистратуру). В качестве юриста я уже практиковала, но частным образом, а хотелось найти официальную работу. Но тут оказался камень преткновения. Дело в том, что потенциальный работодатель, даже предлагая «удаленку», все равно запрашивал информацию о рабочем стаже порядка трех лет, об опыте...

Вспомнилось, что я имею право работать не только юристом, но преподавателем в колледже. Сейчас дистанционное обучение популярно, и педагоги нередко работают удаленно. Вот и начала просматривать в Интернете список учреждений, предоставляющих услуги с дистанционным обучением. Их нашлось порядочно. Выделив те, где требовались преподаватели права, я разослала в них резюме. Ждала месяца три, но ответы не приходили.

И вот в раздумьях, что же мне теперь делать, ведь для юриста необходима постоянная практика, я решила попробовать просто стать волонтером. Зная, что некоммерческие организации (НКО) почти всегда нуждаются в юридической помощи, открыла их список в нашей области и принялась просматривать.

Перечень оказался довольно длинным, но мое внимание особенно привлекло наше региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», где, как известно, помогают людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Но тут же подумалось, что наверняка там работает опытный юрист, и моя помощь явно будет не ко двору даже в качестве добровольца.

Продолжила просматривать список НКО, но в голове все равно засела мысль про Российский Красный Крест... И я всё же решилась найти рабочие контакты председателя нашего регионального отделения этой организации. Признаюсь, что раз десять заходила и тут же выходила с его страницы в социальной сети. Наконец спросила себя, почему это я трушу-то? Ведь просто предлагаю свою помощь, свои услуги, как дипломированный юрист да ещё и как волонтер, то есть совершенно бесплатно...

Написала письмо с кратким рассказом о себе, отправила, стала ждать ответ... Отклик последовал очень быстро. Мне сообщалось что в отделении нет и никогда не было юриста. Председатель была

согласна, чтобы я попробовала взяться за это дело, но предупредила, что, по правилам, добровольцам зарплату не платят. Я уведомила, что мне это известно. Буквально на следующий день я уже работала в качестве добровольца-юриста в региональном отделении «Российский Красный Крест», начав оказывать реальную помощь обращающимся.

Через неделю мне позвонила заместитель председателя нашего отделения, сказав, что организация выиграла губернаторский грант по оказанию помощи перенесшим инсульт, инфаркт, а также их семьям. Мол, в данный момент идет поиск добровольцев, которые, согласно графику, будут дежурить на телефонной линии, чтобы принимать звонки от заболевших и членов их семьи.

Заместитель председатель предложила мне в социальном проекте возглавить группу волонтеров и вести полную работу: настраивать виртуальную телефонную станцию для переадресации звонков добровольцам-операторам; составлять и выкладывать в чате график дежурств на телефонной линии; дежурить на телефонной линии; вводить в курс работы вновь поступающих добровольцев; ежедневно после дежурства общаться с добровольцами-операторами, чтобы у них не возникло эмоционального и физического выгорания.

Сказать, что предложением я была шокирована, значит, ничего не сказать. Я ответила, что вряд ли мне это под силу, так как не имею лидерских качеств. Собеседница возразила, что помимо меня она никого не видит на этом месте и очень просит дать согласие. Кроме того, это работа удаленная, звонки будут переадресовываться на мобильный телефон добровольца-оператора, находящегося у себя дома. Все общение будет по телефону в чате с командой добровольцев, но раз в месяц мы станем встречаться вживую, чтобы дружески пообщаться.

Мне было безумно страшно, но я дала согласие возглавить группу добровольцев этого проекта. Дать-то дала, да вот сомнения все же оставались. Если разобраться, то я, совершенно не «коллективный» человек, теперь как-то должна находить общий язык по работе сразу со многими людьми. Плюс – коллектив-то доброволь-

ческий, и его члены могут в любое время покинуть проект без объяснений... А что будет, если я не справлюсь?! Но ведь Господь почему-то дает мне этот путь...

На следующий день мне на электронную почту пришло письмо из московского колледжа с сообщением, что с нового учебного года, то есть уже через 3 недели, меня готовы принять на удаленную работу в должности педагога...

У меня замерло сердце! Работа нашлась! Но тут же сверкнула мысль: ты же обещала участвовать в проекте, где на тебя уже надеются. Твоя волонтерская работа будет ежедневной, кроме воскресенья, с девяти утра до шести вечера все восемь месяцев, пока идет проект. Как совмещать сразу два дела? К тому же как преподаватель ты – новичок, и тебе, помимо преподавания, нужно будет готовиться к лекциям.

Совесть не позволила мне отказаться участвовать в проекте. Да, я отдавала себе отчет, что потеряю работу, которую так долго искала, но ведь Красному Кресту я пообещала свою помощь раньше, чем пришло это письмо. Поблагодарив отдел кадров колледжа, я отклонила их предложение.

Перед тем как наша добровольческая команда из 22 человек приступила к работе в проекте, мы прошли дистанционные курсы по оказанию психологической поддержки на телефонной линии. При этом в проекте участвовало и два волонтера-психолога, которые оказывали профессиональное консультирование, если это было необходимо.

Во время работы в проекте я убедилась, что не смогла бы совмещать её с преподаванием. Мой рабочий день теперь начинался в девять утра, а заканчивался не раньше девяти вечера, так как после завершения дежурства волонтеров-операторов требовалось подготовить и вывесить график на следующий день, пообщаться с ними...

В команде проекта собрались люди разных возрастов и профессий. Большинство – из медицинской сферы. Коллектив оказался дружный. Каждый выполнял свою работу с душой. Руководителем проекта была заместитель председателя нашего регионального отделения «Российский Красный Крест», пригласившая меня к участию. По завершении этой миссии, в торжественной обстановке

все наши добровольцы получили благодарности от отделения, а трое – Благодарственное письмо от Губернатора области.

За два года добровольческой деятельности я получила не только большой профессиональный опыт, но и жизненный, так как добровольцем-юристом являюсь не только в «Российском Красном Кресте», но также и в нашем областном «Союзе общественных объединений инвалидов». В эту организацию меня пригласила её председатель. Узнав обо мне, она нашла мой номер телефона и позвонила с предложением помочь и их организации на добровольческих началах. Отказать я не могла, понимая, как сложно бывает людям с мизерным финансовым доходом получить квалифицированную юридическую поддержку.

В нашей жизни ничего не бывает просто так. Судьба почему-то свела меня с двумя организациями, где я вновь убедилась, что самое главное в жизни – стяжать в себе человечность и любовь к ближним, особенно к тем, кто столкнулся с трудностями и нуждается в нашей помощи.

Первое время я не могла понять, почему среди множества НКО мой выбор остановился именно на «Российском Красном Кресте». Каково же было мое удивление, когда оказалось, что дата моего рождения 8 мая совпадает со Всемирным Днем Красного Креста и Красного Полумесяца и с днем рождения основателя этой организации, швейцарского предпринимателя и общественного деятеля Анри Дюнана.

За добровольческую деятельность в «Российском Красном Кресте» я получила Благодарственные письма от Губернатора области и от Комитета по молодежной политике Государственной Думы Российской Федерации. Приятно, когда твою работу оценивают на таких высоких уровнях. Но самая большая награда – отзывы людей о моей работе и само человеческое доверие, как специалисту.

40. СВЕТЛАЯ ВСТРЕЧА

Однажды ученица профессора-хирурга из Москвы, с которым я виртуально общаюсь несколько лет, пригласила меня на Международную православную конференцию, которая должна была состояться в Медицинском Университете нашего областного центра.

Это приглашение поступило мне, как добровольцу «Российского Красного Креста». Присутствие на конференции позволило бы встретиться и с тем самым по-человечески дорогим мне профессором.

Приглашена я была ко второй части, уже после пленарных чтений, проходивших на втором этаже, что создавало, по понятным причинам, для меня сложности. А после обеденного перерыва работа конференции как раз должна была переместиться в помещения первого этажа.

Накануне я уже готовилась лечь спать, когда сердце словно подсказало проверить электронную почту. Было за полночь, но включила компьютер. Оказалось, мне действительно пришло сообщение. Одна из организаторов конференции уточняла, буду ли я присутствовать? Ответила, что собираюсь быть после обеда. Но моя неожиданная Интернет-собеседница тут же спросила, почему же так, когда торжественное открытие будет с утра, а до конференции я к тому же смогу познакомиться с её участниками из Воронежа. Я попыталась объяснить про трудности с передвижением, на что мне снова сразу ответили, что с этим проблем не возникнет, и всегда будет оказана необходимая помощь. Поблагодарив за заботу, ответила, что тогда, конечно же, приеду на конференцию утром.

На конференцию меня сопровождала мама. Зайдя в здание Медицинского Университета, мы сразу почувствовали активную подготовку к началу мероприятия. Нас сопроводили в кабинет, куда должны были подойти участники конференции, и можно было с ними пообщаться. Я осмотрелась. Вокруг оказалось много икон...

Через некоторое время дверь открылась, и в аудиторию вошло довольно много людей, среди которых я также увидела и священнослужителей.

Неожиданно к нам с мамой сразу направилась красивая белокурая женщина. С теплой улыбкой она сказала, что очень хочет познакомиться с нами. И вот именно эта её улыбка и сияющий добротой взгляд были особенными. К ней у меня сразу возникло безусловное доверие.

Я не отношусь к очень общительным людям. При беседе с этой женщиной сказала лишь, как меня зовут, и что являюсь добровольцем Российского Красного Креста. Зная мою склонность к стеснению, в разговор вступила мама. Она кратко рассказала о моем образовании, заметив, что я – автор нескольких статей, опубликованных в научном-практическом журнале. Выслушав мою мамочку, наша золотоволосая собеседница радостно произнесла: «Магистр! Она же наша!» Потом спросила меня с улыбкой: «Хотите к нам? Мы занимаемся наукой.»

Не думая ни секунды ответила: «Да, конечно, хочу».

Женщина тут же направилась к своим коллегам, недолго поговорила с ними и вернулась к нам, подав мне бланк для заполнения заявления, на котором было написано «Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых»». Приняли меня в тот же день...

Благодаря моей новой знакомой и родилась эта книга. Книга о Пути преодоления...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всегда буду благодарна городу, в котором прожила 16 лет. За это время получила высшее образование, отучившись в двух вузах, повстречала людей, по-разному отнесшихся ко мне, что, в свою очередь, послужило определенными уроками, приобрела нужные жизненные знания. Мне посчастливилось не только установить верный диагноз, но и встать на путь самовосстановления организма. Обогатилась я и удивительным, можно сказать, уникальным профессиональным опытом, будучи добровольцем в некоммерческих организациях.

Я была очень рада переехать в этот город, но все равно чувствовала, что это не совсем то место, где мне полностью хорошо и душевно, и физически. Северный климат суров, а так хотелось тепла

и солнца... Также в силу объективных причин мне необходима и особая доступная среда, которой в моем городе нет.

Долгое время я расспрашивала моих знакомых о городах, в которых те проживают, но душа как-то не откликнулась, и «биологический домик» молчал.

И вот в прошедшее лето, приехав в деревню, где выросла, во время прогулки с моей племянницей, также проводящей там свой отпуск, я расспросила её о городе, в котором та живет. Оказалось, что помимо замечательного климата у них неплохо налажены дела и с доступной средой для маломобильных людей. И вот моя душа сразу как-то согрелась и откликнулась, а «биологический домик» стал просить поехать в этот замечательный край.

Поделилась своими «открытиями» с мамой. Она была удивлена и справедливо заметила, что такие решения о переезде не принимаются необдуманно. Вот мы и отправились с ней познакомиться с новым, как-то сразу позвавшим меня городом.

Удивляло, что ещё до приезда в солнечный чернозёмный край мой организм твердо решил, что едет «не в гости, а домой». И он был прав. Оказавшись в непривычном климате, я неожиданно почувствовала себя очень хорошо. Уменьшилось напряжение в мышцах, стал лучше работать опорно-двигательный аппарат.

Сегодня могу уверенно сказать, что Воронеж – именно то место, куда привел меня Сам Господь. В нём чувствую себя так, словно прожила здесь всю свою жизнь. Мне радостно и спокойно, хорошо и душевно, и физически.

Совсем скоро я вместе с родителями перееду в этот замечательный светлый город. С нетерпением жду, когда, выйдя на перрон из поезда, счастливо произнесу:

«Здравствуй, родной Воронеж!»

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Об авторе книги:

Ирина Геннадьевна Зашихина – член Межрегиональной просветительской общественной организация «Объединение православных ученых». Окончила юридический факультет Москов-

ского государственного машиностроительного университета и институт права в Тольяттинском государственном университете. Магистр юриспруденции.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ ЖИЗНИ – ДАР БОЖИЙ	3
СЛОВО РЕДАКТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	6
1. МОЯ ВСТРЕЧА С МИРОМ	7
2. СЕРАЯ БУМАГА И СТЕКЛЯННЫЕ ШПРИЦЫ	11
3. ТЕРАПИЯ ИГЛОУКАЛЫВАНИЕМ И ВСТРЕЧА С	13
УКОЛАМИ БЕЗДУШИЯ	13
4. ОПЕРАЦИЯ	17
5. ЕВПАТОРИЙСКИЙ САНАТОРИЙ	22
6. «АЙБОЛИТ» И ДРУГИЕ ИГРЫ	23
7. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА	26
8. ЛЮБИМЫЕ ПИТОМЦЫ	29
9. ХОЖДЕНИЕ «ПО ШКОЛЬНЫМ МУКАМ»	32
10. ТЕЛО ЗНАЕТ О ДУШЕ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ОНА О НЁМ	36
11. КОСТЮМ «АДЕЛИ»	38
12. МЕЧТЫ СЕРЬЁЗНОГО ПОДРОСТКА	41
13. ЗАЧЕМ ТЕБЕ ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ?	43
14. НУЖНО ДВИГАТЬСЯ К ЦЕЛИ	48
15. ПЕРВЫЙ ПК И ВСТРЕЧА С ИНФОРМАТИКОЙ	52
16. АТТЕСТАТ О ПОЛНОМ СРЕДНЕМ И НЕОЖИДАННЫЕ ГОРИЗОНТЫ	55
17. РАБОТА В ШКОЛЕ	56
18. ОКСАЛИС ИЗ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ	62
19. ОСТЕОПАТИЯ	65
20. ДОМ ЧЕЛОВЕКА ТАМ, ГДЕ ЕМУ УЮТНО И	69
БЕЗОПАСНО	69
21. РЕПЕТИТОРСТВО	72
22. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ И СЛЁЗЫ ОКСАЛИСА	74
23. ИНСТИТУТ	78
24. РАВНОДУШИЕ К МАЛОМОБИЛЬНЫМ ЛЮДЯМ ИЛИ	82
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ МЫТАРСТВА	82
25. СПРАВЕДЛИВОСТЬ	84
26. ПРОЕКТ «ОТКРОВЕНИЯ»	89
27. ВЕРТИКАЛИЗАТОР	91
28. ПРАВДА О ДИАГНОЗЕ	95

29. НЕТ БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЙ	99
30. АТЛАНТ	102
31. ДОЛГОЖДАННЫЙ ДИПЛОМ	105
32. БОГ ВСЁ РАССТАВИТ ПО МЕСТАМ	108
33. НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ	112
34. МАГИСТРАТУРА	118
35. ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО	123
36. ПОИСК РАБОТЫ	124
37. НЕОБОСНОВАННЫЕ ОТКАЗЫ	127
38. «БИОЛОГИЧЕСКИЙ ДОМИК»	131
39. ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО	133
40. СВЕТЛАЯ ВСТРЕЧА	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139

Литературно-художественное издание

Зашихина Ирина Геннадьевна

ДА НЕ ИССЯКНЕТ НАДЕЖДА...

Редактор: Н. А. Лодеева, член Союза писателей России, член ОПУ
Корректор: В. А. Лаврова

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе

Подписано в печать 22.03.2024. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 8,37. Тираж 700 экз. Заказ 47

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел.: +7 (473) 229-32-87
<http://www.n-kniga.ru> E-mail: nautyp@yandex.ru